

ISSN 2587-6953

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEORHIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2017

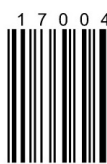
ТОМ 3

№ 4(12)

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

1 7 0 0 4

>

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное
учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина»
(392000, г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33)

Главный редактор
д. филол. н., проф. А.С. Щербак
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор
д. филол. н., д. ист. н. А.А. Бурыкин
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Ответственный секретарь
И.В. Ильина (г. Тамбов, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:
д. филол. н., проф. К.М. Абишева
(г. Астана, Казахстан)
д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Р. Гольдт
(г. Майнц, Германия),
д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Е.Г. Задворная
(г. Минск, Беларусь)
д. философии, доц. Дж. Куртис
(г. Оксфорд, Великобритания)
д. филол. н., доц. О.Н. Новикова
(г. Уфа, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Полякова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Н.Л. Потанина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Л.А. Пронина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Рацибурская
(г. Н. Новгород, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг
(г. Пенза, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. В.И. Супрун
(г. Волгоград, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Казахстан)
д. филол. н., доц. А.Б. Туманова
(г. Алматы, Казахстан)
д. филол. н., проф. В.К. Харченко
(г. Белгород, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33.
Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440.
E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru
Интернет: <http://www.journals.tsutmb.ru>

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77-70137
от 16.06.2017 г.

Подписной индекс 80303 в каталоге
АОА «Роспечать».

© ФГБОУ ВО «Тамбовский госу-
дарственный университет име-
ни Г.Р. Державина», 2017
© Журнал «Неофилология», 2017

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2017
Т. 3. № 4 (12)

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С МАРТА 2015 Г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 3

ЛИНГВИСТИКА

- Фурс Л.А.** Репрезентация неагентивной каузации равно-
весия в языке 5
- Уразметова А.В.** Механизмы возникновения вторичной
топонимической номинации 10
- Дронова Н.П.** Пейоративный концепт 'Armut' в репре-
зентации картины мира XVI в. 18
- Проскурнич О.Д.** Концептуализация мимики носа в
языке 24
- Миронова Д.М.** Об исконной семантике глагола «бить» 30

ТЕКСТОЛОГИЯ

- Бурыкин А.А.** «Слово о полку Игореве» и Кирилло-
Белозерский список «Задонщины»: сколько раз и какие
редакции «Задонщины» сверялись с текстом «Слова»? ... 35

ОНОМАСТИКА

- Щербак А.С., Казанкова А.А.** Лексические группировки
слов: взаимоотношение языковой и ономастической кар-
тины мира 42

Редакторы:

А.А. Манаенкова,

М.И. Филатова

Редакторы английских текстов:

Т.А. Сустина, Е.А. Финаева

Компьютерное макетирование

Т.Ю. Молчановой

Дизайн обложки

Т.О. Прокофьевой

Для цитирования:

Неофилология. 2017. Т. 3. № 4 (12). 80 с.

ISSN 2587-6953.

Подписано в печать 15.12.2017.

Выход в свет 26.12.2017 г.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 9,3.

Тираж 1000 экз.

Заказ № 17398.

Свободная цена.

Адрес издателя:

392000, г. Тамбов,

ул. Интернациональная, д. 33.

ФГБОУ ВО «Тамбовский

государственный университет

имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме

Тамбовского государственного

университета имени Г.Р. Державина.

392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Колчанов В.В. «Фауст» А. Сокурова: культурный пессимизм и демифологизация 50

Махрачева Т.В., Буцких С.А., Махрачев Г.С. К вопросу создания сетевого словаря «Лексика традиционного прядения, ткачества и коноплеводства Тамбовской и прилежащих к ней областей» 58

РЕЦЕНЗИЯ

Шарандин А.Л. Рецензия на коллективную монографию «Единство Европы по данным лексики» / А.А. Кретов, О.М. Воеводская, И.А. Меркулова, В.Т. Титов; Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 412 с. 67

ПЕРСОНАЛИИ

Туманова А.Б., Щербак А.С. Научной тропой учителя ... 73

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education "Tambov State University
named after G.R. Derzhavin"
(392000, Tambov, 33 Internatsionalnaya street)

Editor-in-Chief

A.S. Shcherbak, Doctor of Philology, Professor
(Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor

Doctor of Philology, Doctor of History
A.A. Burykin
(St. Petersburg, Russian Federation)

Executive Editor

I.V. Ilyina (Tambov, Russian Federation)

Editorial Board

Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva
(Astana, Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor N.N. Boldyrev
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor
M.V. Gorbanevskiy
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor R. Goldt
(Mainz, Germany)
Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor E.G. Zadornaya
(Minsk, Belarus)
Doctor of Philosophy, Associate Professor
J. Curtis
(Oxford, Great Britain)
Doctor of Philology, Associate Professor
O.N. Novikova
(Ufa, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor N.L. Potanina
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg
(Penza, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun
(Volgograd, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina
(Pavlodar, Kazakhstan)
Doctor of Philology, Associate Professor
A.B. Tumanova
(Almaty, Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor V.K. Kharchenko
(Belgorod, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin
(Tambov, Russian Federation)

Editorial address: 33 Internatsionalnaya St.,
Tambov, 392000
Editorial telephone: (4752)-72-34-34 extension
tel. 0440.
E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru

The mass media registration certificate ПИ №
ФС 77-70137
from 16 June 2017 r.

Subscription index in the catalogue
of the SCA "Rospechat" is 80303

© FSBEI of HE "Tambov State Uni-
versity named after G.R. Derzha-
vin", 2017
© The journal "Neophilology", 2017

NEOPHILOLOGY

2017
T. 3. № 4 (12)

A SCHOLARLY AND APPLIED JOURNAL

PUBLISHED SINCE MARCH 2015
ISSUED 4 TIMES IN YEAR

CONTENTS

	3
LINGUISTICS	
Furs L.A. Representation of non-agentive balance causation	5
Urazmetova A.V. Mechanisms of secondary toponymic nomination appearance	10
Dronova N.P. Pejorative concept 'Armut' in language picture of the world representation in 16th century	18
Proskurnich O.D. Conceptualisation of nose expression in language	24
Mironova D.M. About the original semantics of the verb «бить» (to beat)	30

TEXTOLOGY

Burykin A.A. "The Tale of Igor's Campaign" and Kirillo-Belozersky list of "Zadonshchina": how often and which editorial versions were compared with the text of "The Tale"?	35
--	----

ONOMASTICS

Shcherbak A.S., Kazankova A.A. Lexical classifications of words: relations of linguistic and onomastic world views	42
---	----

Editors:

A. A. Manaenkova, M. I. Filatova

English texts editors:

T. A. Sustina, E. A. Finaeva

Computer layout

T. Y. Molchanova

Cover design

T. O. Prokofeva

For citation:

Neophilology. 2017. Vol. 3. № 4 (12). 80 p.

ISSN 2587-6953.

Подписано в печать 15.12.2017.

Выход в свет 26.12.2017 г.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 9,3.

Тираж 1000 экз.

Заказ № 17398.

Свободная цена.

Адрес издателя:

392000, г. Тамбов,

ул. Интернациональная, д. 33.

ФГБОУ ВО «Тамбовский

государственный университет

имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме

Тамбовского государственного

университета имени Г.Р. Державина.

392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

CULTUROLOGY

Kolchanov V.V. “Faust” by A. Sokurov: cultural pessimism and demythologization 50

Makhracheva T.V., Butskikh S.A., Makhrachev G.S. On the issue of network dictionary “Lexis of traditional filature, contexture and hemp growing in Tambov and adjacent area” 58

REVIEWS

Sharandin A.L. Review of the multi-authored monograph “The unity of Europe according to vocabulary” / A.A. Kretov, O.M. Voevudskaya, I.A. Merkulova, V.T. Titov; Voronezh State University. Voronezh: VSU Publishing House, 2016. 412 p. 67

PERSONALIA

Tumanova A.B., Shcherbak A.S. Following the scientific path of the teacher 73

УДК 81

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕАГЕНТИВНОЙ КАУЗАЦИИ РАВНОВЕСИЯ В ЯЗЫКЕ

© Людмила Алексеевна ФУРС

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: liudmila.furs@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены особенности репрезентации неагентивной каузации равновесия в английском и русском языках на основе когнитивного подхода. Неагентивная каузация является непрототипической, так как в роли каузатора выступают натурфакты, природные явления, артефакты, продукты питания, в силу чего сам акт каузации является ненамеренным и неконтролируемым. В качестве результата неагентивной каузации равновесия представлены такие характеристики концепта 'balance', как «пропорциональность», «уравновешивающая сила», «душевное равновесие», «равновесное положение». Средствами репрезентации этих характеристик служат фразовый глагол balance out, лексические каузативы balance, steady, counterpoise, уравновешивать, стабилизироваться, а также словосочетания maintain balance, keep balance, keep in balance, bring balance to, restore equilibrium, восстановить равновесие, обеспечивать равновесие, стимулировать сбалансированную работу, поддерживать равновесие. Фактологический анализ позволил установить общие и специфические закономерности в репрезентации неагентивной каузации равновесия в английском и русском языках. Так, глагол, номинирующий акт каузации, в основном употребляется в форме настоящего неопределенного, что подчеркивает тот факт, что этот тип каузации равновесия спроецирован на общеизвестные явления, факты, которые происходят на регулярной основе. Специфическим проявлением для русского языка является репрезентация в структуре предложения двух актов каузации равновесия и соответственно двух разных результатов этого воздействия. Для английского языка это положение не является типичным.

Ключевые слова: неагентивный; каузация равновесия; когнитивный; концепт; прототип

Когнитивный подход к языку предполагает установление когнитивных и языковых структур в процессах репрезентации знаний. С позиций этого подхода рассмотрим репрезентацию неагентивной каузации равновесия на материале английского и русского языков и выявим ее общие тенденции и специфические проявления. Если в качестве прототипа каузативной ситуации определены такие ее составляющие, как каузатор, акт каузации, объект каузации и результат каузации [1, с. 466], то в случае с неагентивной каузацией равновесия в качестве каузатора выступает неодушевленный субъект, при этом результат каузации представлен характеристиками концепта 'balance'. С учетом характера каузатора акт каузации рассматривается как ненамеренный, неконтролируемый и нецеленаправленный. На основании этого показателя данный тип каузации равновесия характеризуется как непрототипический. В качестве непрототипического каузатора могут выступать природные явления, артефакты, натурфакты, продукты питания. Если природные явления в силу присущих им свойств обла-

дают энергией (сила воды при наводнении, сила ветра при шторме и т. п.) и способны вызывать разнообразные изменения в окружающей среде, часто разрушительного характера, то артефакты по своим функциональным характеристикам могут воздействовать на объект и изменять его свойства или состояние. В свою очередь, деревья как натурфакты, поглощая углекислый газ, способны восстанавливать атмосферный баланс, а продукты питания по свойствам калорийности и диетической ценности могут воздействовать на энергетический баланс организма человека и способствовать восстановлению его функций. Результат такого воздействия может быть представлен той или иной характеристикой концепта 'balance': «душевное равновесие», «способность держаться ровно, не падая», «равновесное положение», «уравновешенность», «пропорциональность», «равнозначность элементов», «равнозначность по важности», «равномерное распределение количества», «равномерное распределение веса», «равномерное распределение скорости», «способность принимать решения, не теряя

контроля», «уравновешивающая сила», «способность двигаться, не теряя контроля» (подробнее о концептуальном анализе см.: [2]).

Обратимся к рассмотрению фактического материала:

1. *These soils balanced out some of the acid rain's acidity* [3]. 2. *The gale increased; but the favourable change in the wind was counterpoised by a strong lee current, and a heavy cross sea on the off-shore bow* [4]. 3. *Ситуация с лесными пожарами в Амурской области стабилизировалась благодаря дождям* [5].

Результат каузации равновесия представлен характеристикой «уравновешивающая сила», средством репрезентации которой выступает фразовый глагол *balance out* (пример 1) и лексический каузатив *counterpoise* (пример 2) в форме страдательного залога, что позволяет акцентировать приоритеты наблюдателя. Приоритетным является изменение ветра, что подчеркивается в контексте оценочным прилагательным *favourable*, а также выведением существительного, номинирующего это природное явление, в позицию синтаксического субъекта. Семантика глагола указывает на нейтрализацию силы ветра за счет ее уравновешивания другой силой – силой водного течения. В примере 3 результат каузации равновесия представлен характеристикой «равновесное положение», которая репрезентирована лексическим каузативом *стабилизироваться*. Позиция каузатора вводится в структуру предложения с помощью предлога *благодаря*, функция которого заключается в оформлении причины того или иного явления.

4. *Dresses with hip detail help balance your shape* [4]. 5. *Платье выгодно подчеркивает фигуру, линия плеча уравновешивает силуэт, орнамент отвлекает внимание от возможных «излишних подробностей» фигуры* [5]. 6. *Бежевый цвет идеально уравновешивает образ, делая его спокойным, но не менее стильным* [5].

В примере 4 результат каузации представлен характеристикой «пропорциональность» за счет семантики лексического каузатива *balance*, а в остальных примерах репрезентирована характеристика «уравновешивающая сила» за счет лексического каузатива *уравновешивать*.

7. *Lemon balances the aura and helps keep it cleaned of negative emotions* [4]. 8. *Large amounts of cold beer and twelve hours of sleep each day quickly restored the mental equilibrium of a full load of very tired men* [6]. 9. *I found some brandy and it steadied him a bit* [5]. 10. *Грейпфрут помогает справиться с состоянием подавленности и угнетенности, освежает, уравновешивает, устраняет утренние приступы дурного настроения* [5]. 11. *Такая диета имеет большое значение при лечении психических расстройств, способствует восстановлению душевного равновесия и гармонии* [5]. 12. *Свежий ветер успокоил его, приведя взбаламученные мысли в порядок* [6].

В данных примерах результат неагентивной каузации равновесия репрезентирован характеристикой «душевное равновесие» за счет лексических каузативов *balance*, *steady*, *уравновешивать*, *успокоить*; а также глагольных словосочетаний *restore equilibrium*, *способствовать восстановлению равновесия*. В примере 7 семантика лексемы *aura* («проявление души и духа человека» [7]) указывает на характер равновесия, в остальных примерах это определяется на основе контекста. В качестве некоторой воздействующей силы, способной изменить состояние человека, выступают натурфакт, продукты питания, а также природное явление.

Встречаются примеры, в которых профилируются два акта каузации равновесия и соответственно два результата:

13. *Он (зеленый цвет) поднимает настроение, уравновешивает, придает заряд бодрости, прибавляет сил и восстанавливает энергетический баланс, успокаивает нервную систему* [5].

Лексический каузатив *уравновешивать* репрезентирует характеристику «душевное равновесие», а за счет словосочетания *восстанавливать баланс* репрезентируется характеристика «равновесное положение».

14. *Trees helped to maintain a healthy balance of nature* [4]. 15. *The different types of forest not only supply timber but help in various societal matters. It also keeps environmental balance of the world* [4]. 16. *What the plants do for human beings is now clear to us. They keep our atmosphere in balance* [4]. 17. *Microorganisms decompose dead organic materials and*

*release nutrients for plants which again circulate in the ecosystem. All these **attributes bring ecological balance to the system*** [4]. 18. ***Растения очищают вдыхаемый людьми воздух, уравнивают температуру нашей планеты, обеспечивают равновесие газов в атмосфере*** [5]. 19. *Функция животных в биосфере состоит в том, что **они поддерживают круговорот вещества в состоянии равновесия*** [5].

Воздействующая сила натурфактов может быть направлена не только на человека, но и окружающую человека среду. Результат каузации представлен характеристикой «равновесное положение» за счет использования словосочетаний *maintain balance, keep balance, bring balance, обеспечивать равновесие, поддерживать в состоянии равновесия* и глагола *уравнивать*. В примере 18 данная характеристика репрезентируется дважды в преломлении к двум объектам каузации – температуре и атмосферным газам.

20. ***Паразиты содействуют сохранению в природе некоторого равновесия, определяют в значительной степени как количественный, так и качественный состав флоры и фауны.*** 21. ***Нужно сохранять в лесах таких хищных животных, как тигр и медведь, рысь и росомаха, ибо они поддерживают равновесие в природе и являются объектами зооэкспорта.*** 22. ***Равновесие бактерий в кишечнике («правильные» их виды в нужном количестве) стимулирует сбалансированную работу иммунной системы*** [6].

В данных примерах каузатором выступает также натурфакт. Результат каузации равновесия представлен характеристикой «равновесное положение», которая репрезентируется словосочетаниями *содействовать сохранению равновесия, поддерживать равновесие, стимулировать сбалансированную работу*. Объектом каузации служат состав флоры и фауны, животный мир, иммунная система.

Таким образом, неагентивная каузация равновесия характеризуется наличием всех участников каузативной ситуации, при этом акт каузации носит неконтролируемый и ненамеренный характер. В роли каузатора выступают натурфакты, природные явления,

артефакты, продукты питания. Они воздействуют на человека и окружающую среду, изменяя их состояние. При анализе фактического материала были выделены следующие характеристики концепта ‘balance’, профилирующие результат неагентивной каузации равновесия: «пропорциональность», «уравнивающая сила», «душевное равновесие», «равновесное положение». Средствами репрезентации этих характеристик служат фразовый глагол *balance out*, лексические каузативы *balance, steady, counterpoise, уравнивать, стабилизироваться*, а также словосочетания *maintain balance, keep balance, keep in balance, bring balance to, restore equilibrium, восстановить равновесие, обеспечивать равновесие, стимулировать сбалансированную работу, поддерживать равновесие*. Неагентивная каузация равновесия характеризуется тем, что глагол, номинирующий акт каузации, в основном употребляется в форме настоящего неопределенного, что подчеркивает тот факт, что этот тип каузации равновесия спроецирован на общеизвестные явления, факты, которые происходят на регулярной основе. Отмеченное выше является общей тенденцией в репрезентации неагентивной каузации равновесия в английском и русском языках. Специфическим проявлением для русского языка является репрезентация в структуре предложения двух актов каузации равновесия и соответственно двух разных результатов этого воздействия. Для английского языка это положение не является типичным.

Список литературы

1. *Talmy L. Toward a Cognitive Semantics: in 2 vols. V. 1. Concept Structuring Systems. Cambridge: MIT Press, 2000.*
2. *Фурс Л.А., Копырюлина Л.Ю. Когнитивное моделирование каузации равновесия в аспекте антропоцентризма // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 36. С. 283-287.*
3. *American National Corpus. URL: <https://www.anc.org> (accessed: 18.06.2017).*
4. *British National Corpus. URL: <https://www.natcorp.ox.ac.uk> (accessed: 30.06.2017).*
5. *Национальный корпус русского языка. URL: <https://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.06.2017).*
6. *Google Books. URL: <https://books.google.ru> (accessed: 25.06.2017).*

7. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
(дата обращения: 01.06.2017).

Поступила в редакцию 30.08.2017 г.
Отрецензирована 21.09.2017 г.
Принята в печать 15.11.2017 г.

Информация об авторе

ФУРС Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: liudmila.furs@gmail.com

Для цитирования

Фурс Л.А. Репрезентация неагентивной каузации равновесия в языке // Неофилология. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 5-9.

UDC 81

REPRESENTATION OF NON-AGENTIVE BALANCE CAUSATION

© Liudmila Alekseevna FURS

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000
E-mail: liudmila.furs@gmail.com

Abstract. Specifics of the representation of a non-agentive balance causation in English and Russian are considered. A non-agentive causation is not prototypical, as causators are facts of nature, weather, artefacts and names of food. Due to this an act of causation is unintentional and uncontrolled. Results of non-agentive balance causation are presented by characteristics of the concept balance, such as “proportionality”, “balancing force”, “mental balance”, “equilibrium”. Means of representation of these characteristics are *balance out*, *balance*, *steady*, *counterpoise*, *maintain balance*, *keep balance*, *keep in balance*, *bring balance to*, *restore equilibrium* and their Russian equivalents. On the basis of factual analysis common and specific features of non-agentive balance causation are defined. The common feature is that the verb, which denotes a causation act, is used in Present Indefinite Tense. This means that a non-agentive balance causation focuses on well-known facts which happen on a regular basis. The representation of two acts of balance causation and two results of causation is specific of Russian and is not typical of English.

Keywords: non-agentive; balance causation; cognitive; concept; prototype

References

1. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics: in 2 vols. Vol. 1. Concept Structuring Systems*. Cambridge, MIT Press, 2000.
2. Furs L.A., Kopyryulina L.Y. Kognitivnoe modelirovanie kauzatsii ravnovesiya v aspekte antropotsentrizma [Cognitive modeling of balance causation in anthropocentrism aspect]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Language Studies*, 2016, no. 36, pp. 283-287. (In Russian).
3. *American National Corpus*. Available at: <https://www.anc.org> (accessed 18.06.2017).
4. *British National Corpus*. Available at: <https://www.natcorp.ox.ac.uk> (accessed 30.06.2017).
5. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of Russian language]. (In Russian). Available at: <https://www.ruscorpora.ru> (accessed 10.06.2017).
6. *Google Books*. (In Russian). Available at: <https://books.google.ru> (accessed 25.06.2017).

7. *Wikipedia*. (In Russian). Available at: [https:// ru.wikipedia.org/wiki/](https://ru.wikipedia.org/wiki/) (accessed 01.06.2017).

Received 30 August 2017

Reviewed 21 September 2017

Accepted for press 15 November 2017

Information about the author

FURS Liudmila Alekseevna, Doctor of Philology, Professor, Professor of Foreign Philology and Applied Linguistics Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: liudmila.furs@gmail.com

For citation

Furs L.A. Reprezentatsiya neagentivnoy kauzatsii ravnovesiya v yazyke [Representation of non-agentive balance causation]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 4 (12), pp. 5-9. (In Russian, Abstr. in Engl.).

МЕХАНИЗМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВТОРИЧНОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

© Александра Владимировна УРАЗМЕТОВА

Башкирский государственный университет
450074, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32
E-mail: urazmetova82@mail.ru

Аннотация. Изучен процесс возникновения вторичных номинаций в топонимике. Под вторичной топонимической номинацией понимается топонимическое прозвище, выступающее в качестве альтернативного названия географического объекта. Материалом исследования послужили прозвища американских штатов, полученные путем целенаправленной выборки из современных лексикографических, лингвострановедческих, топонимических, толковых словарей и путеводителей (428 единиц). Образование вторичных топонимических номинаций может осуществляться за счет различных образных средств: метафор, метонимий, перифраз и т. д., наиболее продуктивной из которых является логическая перифраза. В метафорических топонимических номинациях были выявлены следующие типы сходства изначальной и вторичной денотативной ситуации: внутреннее и внешнее сходство, сходство в способе представления оценки, действий или поведения, а также сходство функции. В топонимических номинациях, образованных путем метонимического переноса, были обнаружены следующие модели: место ← человек, место ← социальная группа, место ← этническая группа, место ← географический объект в этом месте, место ← предмет. Также исследованы другие способы и механизмы образования топонимических вторичных номинаций. Все выводы, сделанные в ходе исследования, проиллюстрированы многочисленными примерами и подтверждены результатами проведенного количественного анализа.

Ключевые слова: топоним; вторичная номинация; топонимическое прозвище; метафора; метонимия

Вторичные топонимические номинации (топопрозвища, топоникнеймы) составляют неотъемлемую часть жизни людей. Это плод коллективного творчества, отражающий мировоззрение и критическое восприятие окружающей действительности. Исследование процесса вторичного наименования позволяет познать систему ценностей народа и его менталитет.

Причинами возникновения вторичных номинаций становятся социально-экономические, научно-технические и психологические факторы. Утрата экспрессивности топонима при постоянном его употреблении, а также необходимость создания эмоционально-образной речи являются важными основаниями семантического переосмысления топонимической лексики [1, с. 130].

Географический объект предстает в сознании человека как целостный гештальт, обладающий определенным набором признаков. Более близкое знакомство с объектом в процессе номинации приводит к выбору из этого набора одного, кажущегося наиболее характерным, признака, уже имеющего свое

название в языке. Вторичные номинативные знаки возникают на основе ассоциативных связей. Именно «ассоциативный характер человеческого мышления позволяет устанавливать сходства и различия на основе признаков, приписанных новым именам» [2, с. 35].

Способы создания вторичных номинаций различаются в зависимости от тех языковых средств, которые используются для создания новых номинаций, и от характера взаимоотношений «имя-реальность». Выделяют следующие способы создания вторичных номинаций: 1) **словообразование** как регулярный способ создания новых слов; 2) **синтаксическая транспозиция**, когда при сохранении лексического значения изменяется синтаксическая функция номинации; 3) **семантическая транспозиция**, когда при сохранении внешнего облика переосмысливаемой единицы происходит образование многозначных слов [3, с. 7]. Расширение, сужение или преобразование семантики топонима может осуществляться за счет различных образных средств: метафор, метонимий, перифраз и т. д.

Метафора как способ создания вторичных номинаций. Метафора является высокоэффективным способом организации нашего знания о мире, механизмом создания новых концептов и, как следствие, новых значений. Метафора обуславливается «наслоением на прямое значение слова, под влиянием узкого или широкого контекста добавочного смысла, который у этого слова становится доминирующим» [4, с. 90]. Метафора одновременно является и результатом интерпретирующей деятельности языковой личности, и объектом, на который направлены усилия ученых с целью познания его глубинной структуры. Другими словами, метафора являет собой «тот промежуточный мир, который и соседствует с миром реальности, с одной стороны, и с миром ментальности – с другой» [5, с. 77]. «Способность метафорических выражений не просто описывать окружающий мир, а интерпретировать и оценивать его, создавать новое знание об объектах, структурирующих реальность, на основе познанных свойств и признаков других объектов, моделируя тем самым новые концепты в сознании носителей того или иного языка, отличает метафоры от других номинативных единиц» [6, с. 24].

Метафора в аспекте культуры представляет собой мощное средство выражения национально-культурной специфики осмысления окружающего внешнего и внутреннего мира. Метафора обладает способностью вбирать в себя «культурные коннотации» как интерпретацию «денотативного или образно мотивированного аспектов значения в категориях культуры», определяющие своеобразие культуры той или иной нации, пронизывающей все сферы человеческого бытия [7, с. 214]. В метафоре как особом языковом знаке отражаются культурные представления народа о мире.

Метафорический перенос осуществляется на основе *ассоциативных признаков*. Следует отметить, что есть метафоры *полные*, то есть такие единицы, в которых происходит метафоризация всего значения языкового комплекса (например, *Small Wonder*), и метафоры *частичные*, в которых происходит метафоризация одного из компонентов вторичной номинации, при этом второй компо-

нент употребляется в буквальном значении (например, *Diamond State*).

Исследуемый языковой материал позволил выделить метафорические модели, основанные на следующих типах сходства: *внутреннее и внешнее сходство, сходство в способе представления оценки, действий или поведения и сходство функции* [8, с. 175].

Внутреннее сходство изначальной и вторичной денотативной ситуации наблюдается в топонимиях, основанных на литературном приеме *олицетворения*, под которым понимается приписывание свойств и признаков одушевленных предметов неодушевленному, например: *Lady of the Lake* «озерная леди» или *Twin Sisters* «сестры-близнецы». Чаще всего штаты сравниваются с матерью: *Mother of Presidents* «мать президентов», *Mother of Statesmen* «мать политических деятелей», *Mother of States* «мать штатов», *Mother of Rivers* «мать рек», *Mother of (modern) presidents* «мать современных президентов», *Mother of Southwestern Statesmen* «родина президентов – выходцев с Юго-запада».

Внешнее сходство первичных и вторичных денотативных ситуаций прослеживается в следующих топонимиях: сходство формы – *Panhandle State* «ручка сковороды» (Западная Вирджиния), *Canada's Florida* «Канадская Флорида» (Мэн); сходство размера – *Jumbo State* «слон Джамбо» (Техас).

Сходство в способе представления оценки наблюдается при метафорическом переносе на основе оценочных признаков. Существительное *paradise* имеет несколько значений, в которых проявляются его оценочные качества: 1) место или ситуация, которые являются чрезвычайно приятными, красивыми и приятными; 2) небеса, как место, где живет Бог и где нет болезней, смерти и зла [9]. Эти положительно-оценочные коннотации наблюдаются и в топонимиях *Paradise of the Pacific* «тихоокеанский рай», *Boomers' Paradise* «рай для ищущих легкой наживы», *Fisherman's Paradise* «рай для рыбаков», *Sportsman's Paradise* «рай для спортсменов».

Штат Делавэр имеет несколько метафорических номинаций, основанных на сходстве в способе представления оценки: *Diamond State* «штат-бриллиант» и *Small Wonder* «ма-

ленькое чудо». Первая основывается на важной роли штата в экономическом развитии страны, вторая отражает живописную природу и разностороннюю и достаточно мощную экономику штата. Слово *wonder* «чудо» несет в себе позитивные оценочные характеристики, что подтверждается в его дефиниции: *wonder* – ощущение удивления и восхищения чем-то очень красивым или новым для вас. Такая же положительная коннотация встречается в прозвищах, в состав которых входит сложное слово *wonderland*: *Water Wonderland*, *Winter Water Wonderland*; *Pacific Wonderland*.

Прилагательное *little*, входящее в состав топонимов *Little Ida* «маленький Айда» (Айдахо), *Little Rhody*, *Little Rhodie*, *L'il Rhody*, *Little Rhode* «малютка Роди» (Род-Айленд), указывает не только на размер штата, но и выражает нежное отношение к нему. Прилагательное *great* во вторичных номинациях *Great Land* «великая земля» (Аляска) и *Great Central State* «великий центральный штат» (Северная Дакота) выступает не только в значении «большой», но и в оценочном значении «очень хороший». Несомненная оценочность проявляется в топонимии *Sweetheart State* «любимый штат» (Аризона).

Сходство в способе поведения или действий прослеживается при сравнении поведения жителей штата с поведением различных животных. В номинации *Wolverine State* «штат росомх» указывается на жадность и злость жителей Мичигана при захвате коренных индейцев Америки. Жители штата Алабама, подобно ящерицам, селились только возле водоемов или в лесах поблизости от них, что и объясняет появление топонимии *Lizard State* «штат ящериц». Вторичная номинация Арканзаса *Bear State* «медвежий штат» основана на ассоциации с грубостью и нетактичностью, приписываемой его жителям. А метафорический перенос по сходству в поведении бобров и жителей Орегона сначала отразился в прозвище жителей – *beavers* «бобры», а затем и во вторичной номинации самого штата – *Beaver State* «бобровый Штат».

Происхождение прозвища *Badger State* «барсукий штат» (Висконсин) связано с историей свинцовых рудников в штате. Подобно барсукам, рудокопы проводили большую

часть времени под землей, за что и получили презрительное прозвище *badger* «барсук». *Blue Hen (Chicken) State* «штат голубого петуха» – историческая номинация Делавэра, в которой сравнивается бойцовская отвага петухов с бойцовской храбростью солдат из этого штата.

Метафорический перенос значения, основанный на **схождении функций**, наблюдается в топонимии *Heart of South* «Сердце Юга», *Heart of Dixie* «Сердце Дикси» (Алабама), *Heart of it All* «Сердце всего» (Огайо). В этих номинациях прослеживается сходство первостепенной функции сердца в живом организме и важной функции, которую выполняют эти штаты в экономическом, политическом и социальном развитии страны.

Результаты проведенного количественного анализа топонимических прозвищ штатов США, образованных путем метафорического переноса, указывают на значительное преобладание метафорических моделей, основанных на сходстве внутреннего признака изначальной и вторичной денотативной ситуации (66 %), второе место по продуктивности занимают схождения в способе представления оценки (14 %), сходство внешнего вида наблюдается в 12 % исследуемых единиц, сходство в поведении и действиях – в 6 % случаях. Наименее продуктивной является группа метафорических прозвищ, основанная на сходстве функций (2 %).

Метонимия как способ создания вторичных топонимий. Метонимия устанавливает те или иные соответствия между объектами или явлениями из окружающей действительности посредством ассоциации по смежности, подчеркивая наличие между объектами *реальной* связи. В отличие от метафоры метонимия делает это менее завуалировано, поскольку не нарушает презумпцию референциальности знака. «По устоявшемуся мнению западных когнитивистов, метонимия составляет основу метафоры, представляя собой один из ранних этапов процесса мыслительной трансформации образа объекта или явления в сознании индивида» [10, с. 53].

Часто синекдоху не выделяют из метонимии, так как у них много общего; «в основе синекдохи лежит также смежность, однако, существенным отличием синекдохи явля-

ется количественный признак соотношения того, с чего переносят наименование, и того, на что переносят наименование; один член такого соотношения всегда будет больше, шире, более общим, другой – меньше, уже, более частным» [11, с. 89]. Метонимия, и синекдоха в частности, представляет собой чрезвычайно удобный способ создания вторичной номинации.

Анализ фактического материала показал, что метонимический перенос наблюдается лишь в модифицирующем компоненте вторичной топонимической номинации, в то время как идентифицирующий компонент употребляется в прямом значении. Во вторичных топонимических номинациях наблюдается метонимический перенос по следующим моделям: *место* ← *человек*, *место* ← *социальная группа*, *место* ← *этническая группа*, *место* ← *географический объект в этом месте*, *место* ← *предмет*.

Место ← **человек**: *Hawkeye State* «штат соколиного глаза» (Айова; в честь индейского вождя Черного Ястреба); *Bowie State* «штат Боуи» (Арканзас; в честь изобретателя Дж. Боуи); *Land of Lincoln* «страна Линкольна» (Иллинойс; в честь Авраама Линкольна). **Место** ← **социальная группа**: *Quaker State* «квакерский штат» (Пенсильвания); *Mormon State* «штат мормонов» (Юта); *Squatter State* «скваттерский штат» (Канзас). **Место** ← **этническая группа**: *Aztec State* «штат ацтеков» (Аризона); *Creole State* «креольский штат» (Луизиана). **Место** ← **географический объект в этом месте**: *Grand Canyon State* «штат Большого Каньона» (Аризона), *Hot Springs State* «штат горячих источников» (Арканзас), *Chesapeake State* «чесапикский штат» (Мэриленд). **Место** ← **предмет**: *Cockade State* «кокардный штат» (Мэриленд), *Liberty Bell State* «штат Колокола Свободы» (Пенсильвания).

Наиболее продуктивной моделью метонимического переноса модифицирующего компонента топонимического прозвища является модель *место* ← *социальная группа* (47,3 %), модель *место* ← *человек* составляет 20 %, модели *место* ← *этническая группа* и *место* ← *географический объект в этом месте* составляют по 12,7 %, наименее продуктивная модель метонимического переноса в топонимических прозвищах модель *место* ← *предмет* (7,3 %).

Возникающие в речи вторичные номинативные образования, основанные на метафорическом и метонимическом переносе, со временем становятся общепринятыми и переходят из речи в язык. С использованием топонимических прозвищ значительно увеличивается информационная нагрузка текста, расширяется его ассоциативный фон, наиболее полно обеспечивается реализация авторского замысла, повышается экспрессивный потенциал сообщаемой информации, а также вносится разнообразие в языковые средства оценки [12, с. 44].

Логическая перифраза (номинация-описание). Многие топонимические прозвища образуются с помощью *необразной (логической) перифразы*, то есть описательного выражения, заменяющего прямое название и содержащее в себе признаки неназванного прямо предмета. Необразные (логические) перифразы позволяют конкретизировать мысль, избежать повтора слов, а также могут актуализировать различные признаки географических объектов, например, факты, связанные с историей развития этого объекта, его пространственные характеристики, особенности флоры и фауны, экономического, политического и социального развития региона, культурное и литературное наследие штата и т. д. Логические перифразы являются самым распространенным способом создания вторичных номинаций. Они составляют около 50 % от всех прозвищ штатов США.

В описательной номинации реализуется какой-либо признак или свойство географического объекта, характеризующее его, например: *State of Hockey* «штат хоккея» (Миннесота; хоккей – самый распространенный вид спорта в Миннесоте); *Youngest State* «самый молодой штат» (Гавайи; самый «молодой» из североамериканских); *Movie State* «штат кино» (Калифорния; уникальной отраслью экономики штата является кино); *Bayou State* «заболоченный штат» (Луизиана; почти все южные регионы штата – это заболоченная низменность); *The Birthplace of America's Music* «родина американской музыки» (Миссисипи; успехи уроженцев штата в музыке прославили его на весь мир); *Everglade State* «болотистый штат» (Флорида; большую часть штата занимают так назы-

ваемые *everglades* «болотистые равнины или низменности, поросшие высокой травой»); *Land of Midnight Sun* «земля полуночного солнца», *Land of the Noonday Moon* «земля полуденной луны» (Аляска; в полярные летние дни в штате солнце светит круглые сутки) и т. д.

Другие способы создания вторичных номинаций. В эту группу включены редкие случаи необычных способов создания вторичных номинаций, например, был обнаружен единичный случай употребления такой фигуры мысли, как *риторическое восклицание*, то есть прием передачи кульминации чувств. Риторическое восклицание передает различные эмоции: радость, восторг, удивление, огорчение и т. п. На письме риторическое восклицание обычно представляет собой предложение, оканчивающееся восклицательным знаком. При чтении риторические восклицания выделяются интонационно, например, *What a State!* «Что за штат! / Чудо-штат!» (Арканзас).

Нередко при создании вторичной номинации прибегают к стилистическому приему *гиперболе*. Гипербола есть стилистическая фигура явного и намеренного преувеличения, целью которой является усиление выразительности и подчеркивание высказанной мысли, например, *Greatest Snow on Earth* «величайший снег на Земле» (Юта); *Like No Place On Earth* «единственное место на земле» (Вайоминг); *Last Best Place* «последнее лучшее место» (Монтана).

Два штата США имеют одинаковую вторичную номинацию, созданную с помощью риторической фигуры разговорного стиля речи *эллипсиса*, то есть намеренного пропуска слов. Номинация *the Commonwealth* «содружество» может обозначать как штат Вирджиния с его полным названием «Содружество Вирджинии» (*Commonwealth of Virginia*), так и штат Массачусетс с его полным названием «Содружество Массачусетс» (*Commonwealth of Massachusetts*). Однако штаты Пенсильвания и Кентукки, также имеющие в своих полных официальных названиях слово «содружество» (*Commonwealth of Pennsylvania* и *Commonwealth of Kentucky*), не используют эту фигуру речи при создании своих вторичных номинаций. Еще один случай эллипсиса встречается в

номинации *Dakota*, используемой вместо полного названия *North Dakota*.

Необычен также случай стилистической метафоры, то есть такой метафоры, которая приводит к созданию стилистического приема *антифразиса* (употребления слова в противоположном смысле). Решением сената штат Арканзас получил номинации *Wonder State* «штат чудес» и *Land of Opportunity* «страна возможностей» явно в рекламных целях, поскольку они не соответствовали действительности.

В прозвище штата Массачусетс *Taxachusetts* «таксачусетс» наблюдается *игра слов*, целью которой является достижение определенного прагматического эффекта. Такую номинацию можно интерпретировать как «бленд» или «контаминированное образование», созданное слиянием существительного *tax* «налог, пошлина» и имени собственного *Massachusetts*.

Для создания комического эффекта используются такие приемы, как *сарказм* и *ирония*. Без сомнения, «язык дает нам богатейший материал средств комизма, а комический текст может рассматриваться как один из видов языковой игры» [13, с. 171]. Например, вторичная номинация штата Орегон *Webfoot State* «штат водоплавающих» представляет собой пример иронии или скорее самоиронии.

Следует особо отметить, что процесс создания вторичных номинаций не ограничивается каким-либо одним из приведенных выше способов. Нередко несколько способов одновременно актуализируются в одном прозвище. Как уже отмечалось выше, метафорическая модель достаточно часто выступает в качестве очередного этапа смыслового развития метонимической модели. В данном случае возможно употребление термина *метафтонимия*, введенного Л. Гусенсом [14, с. 349], в значении концептуальное взаимодействие между метафорой и метонимией. Метафора и метонимия достаточно часто соседствуют в одной и той же номинации. С целью реализации своего замысла адресант сообщения надстраивает над метонимической моделью метафорическую модель. Одновременное наведение как метонимической, так и метафорической проекций на мыслительном уровне обнаруживается, например, в

топономинации – *Beaver State* «бобровый штат» (Орегон). Метафорический переход здесь наблюдается как по сходству внутреннего признака или поведения, так и по оценочным характеристикам, поскольку, с одной стороны, эта номинация ассоциируется с той ролью, которую играла пушнина в истории оregonского края, с другой стороны, *Beavers* «бобры» ассоциируются у американцев с такими качествами, как сообразительность, трудолюбие и изобретательность.

В заключение хотелось бы отметить, что большинство (52,8 %) вторичных топонимических номинативных знаков не имеют образной основы и представляют собой описательные выражения, содержащее в себе признаки топонимического объекта. 31,7 % топономинаций построены на метафорическом, а 12,9 % на метонимическом переносе. Единичные случаи нетрадиционных способов создания вторичных номинаций составляют 2,6 %.

Список литературы

1. *Маслова-Лашанская С.С.* О процессе наименования // Скандинавский сборник, 18. Таллинн, 1973. С. 130-135.
2. *Гусарова И.Б.* Вторичная номинация в английских кинематографических текстах XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
3. *Громыкина А.А.* Гетерономинативная специфика вторичных номинаций топонимического объекта «Волгоград» в текстах региональных СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012.
4. *Федоров А.И.* Семантические основы образных средств языка. Новосибирск, 1969. 90 с.
5. *Самигуллина А.С.* Метафора в когнитивно-семиотическом освещении. Уфа, 2008. 316 с.
6. *Панина Т.Г.* Вторичная косвенная номинация как языковой, когнитивный и культурный процессы // Научно-педагогический журнал восточной Сибири Magister Dixit. Иркутск, 2012. № 2. С. 21-27.
7. *Телия В.Н.* Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.
8. *Уразметова А.В.* Метафора как способ создания вторичных номинаций (на материале топонимических прозвищ штатов США) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 5. С. 175-178.
9. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Longman, 2003.
10. *Мурясов Р.З., Самигуллина А.С.* От вещи к символу: категории, которыми мы мыслим // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 1. С. 53-62.
11. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М., 2002. 536 с.
12. *Уразметова А.В.* Вторичная номинация в топонимике: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 199 с.
13. *Нухов С.Ж.* Языковая игра как одна из форм проявления общеэстетической категории комического // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1. С. 171-178.
14. *Goossens L.* Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. Berlin; New York, 2002. P. 349-377.

Поступила в редакцию 23.06.2017 г.
Отрецензирована 12.07.2017 г.
Принята в печать 22.11.2017 г.

Информация об авторе

УРАЗМЕТОВА Александра Владимировна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: urazmetova82@mail.ru

Для цитирования

Уразметова А.В. Механизмы возникновения вторичной топонимической номинации // Неофилология. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 10-17.

MECHANISMS OF SECONDARY TOPONYMIC NOMINATION APPEARANCE

© **Aleksandra Vladimirovna URAZMETOVA**

Bashkir State University
32 Zaki Validi St., Ufa, Russian Federation, 450074
E-mail: urazmetova82@mail.ru

Abstract. It is devoted to the investigation of the process of the emergence of secondary nominations in toponymy. The term “secondary toponymic nomination” means a toponymic nickname, acting as an alternative name of a geographical object. The material of the study is the nicknames of the American states, obtained through a targeted selection from modern lexicographic, linguistic, toponymic, explanatory dictionaries and guidebooks (428 units). The formation of secondary toponymic nominations can be carried out by various figurative means: metaphor, metonymy, periphrasis and etc., the most productive of which is a logical periphrasis. In metaphorical toponyms, the following types of similarity of the initial and secondary denotational situations were revealed: internal and external similarity, similarity in the evaluative presentation, actions or behavior, and similarity of functions. In toponymic nominations, formed by metonymic transfer, the following models were found: place ← person, place ← social group, place ← ethnic group, place ← geographic object in this place, place ← item. Other ways and mechanisms of formation of toponymic secondary nominations are also explored. All the conclusions drawn in the course of the study are illustrated by numerous examples and are confirmed by the results of the quantitative analysis.

Keywords: toponym; secondary nomination; toponymic nickname; metaphor; metonymy

References

1. Maslova-Lashanskaya S.S. O protsesse naimenovaniya [About the process of nomination]. *Skandinavskiy sbornik, 18 – Scandinavian Herald, 18*. Tallinn, 1973, pp. 130-135. (In Russian).
2. Gusarova I.B. *Vtorichnaya nominatsiya v angliyskikh kinemato-graficheskikh tekstakh XX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Secondary Nomination in English Cinematic Texts of the 20th Century. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2003. (In Russian).
3. Gromykhina A.A. *Geteronominativnaya spetsifika vtorichnykh nominatsiy toponimicheskogo ob"ekta «Volgograd» v tekstakh regional'nykh SMI: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Heteronominative Specifics of Secondary Nominations of Toponymic Object “Volgograd” in the Texts of Regional Mass Media. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Volgograd, 2012. (In Russian).
4. Fedorov A.I. *Semanticheskie osnovy obraznykh sredstv yazyka* [Semantic Basements of Image Means of Language]. Novosibirsk, 1969, 90 p. (In Russian).
5. Samigullina A.S. *Metafora v kognitivno-semioticheskom osveshchenii* [Metaphor in Cognitive-Semiotic Interpretation]. Ufa, 2008, 316 p. (In Russian).
6. Panina T.G. Vtorichnaya kosvennaya nominatsiya kak yazykovoy, kognitivnyy i kul'turnyy protsessy [Secondary indirect nomination as linguistic, cognitive and cultural processes]. *Nauchno-pedagogicheskiy zhurnal vostochnoy Sibiri Magister Dixit – Scientific-Pedagogic Journal of Eastern Siberia Magister Dixit*. Irkutsk, 2012, no. 2, pp. 21-27. (In Russian).
7. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya: semantiko-pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology: Semantic-Pragmatic and Linguistic-Culturological Aspects]. Moscow, 1996, 288 p. (In Russian).
8. Urazmetova A.V. Metafora kak sposob sozdaniya vtorichnykh nominatsiy (na materiale toponimicheskikh prozvizhch shtatov SShA) [Metaphor as a mean of secondary nominations creation (basing on the materials of toponymic names of the USA states)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova – Vestnik of Nekrasov Kostroma State University*, 2014, vol. 20, no. 5, pp. 175-178. (In Russian).
9. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Harlow, Longman, 2003.

10. Muryasov R.Z., Samigullina A.S. Ot veshchi k simvolu: kategorii, kotorymi my myslim [From thong to symbol: categories we consider]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Herald of Bashkir State University*, 2011, vol. 16, no. 1, pp. 53-62. (In Russian).
11. Reformat'skiy A.A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction in Linguistics]. Moscow, 2002, 536 p. (In Russian).
12. Urazmetova A.V. *Vtorichnaya nominatsiya v toponimike* [Secondary Nomination in Toponymics]. Ufa, Printing and Publishing Center of Bashkir State University, 2014, 199 p. (In Russian).
13. Nukhov S.Z. Yazykovaya igra kak odna iz form proyavleniya obshcheesteticheskoy kategorii komicheskogo [Linguistic game as one of the forms of general esthetic manifestation of comic effect]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bashkir University Herald*, 2012, vol. 17, no. 1, pp. 171-178. (In Russian).
14. Goossens L. Metaphtonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action. *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. Berlin, New York, 2002, pp. 349-377.

Received 23 June 2017

Reviewed 12 July 2017

Accepted for press 22 November 2017

Information about the author

URAZMETOVA Aleksandra Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of English Language and Intercultural Communication Department, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, e-mail: urazmetova82@mail.ru

For citation

Urazmetova A.V. Mekhanizmy vozniknoveniya vtorichnoy toponimicheskoy nominatsii [Mechanisms of secondary toponymic nomination appearance]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 4 (12), pp. 10-17. (In Russian, Abstr. in Engl.).

ПЕЙОРАТИВНЫЙ КОНЦЕПТ 'ARMUT' В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАРТИНЫ МИРА XVI в.

© **Нина Петровна ДРОНОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: dronovanina@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены способы лексической категоризации пейоративного концепта 'Armut' в языковой картине мира немецкого языка XVI века на материале особого типа дискурса – текстов фастнахтшпилей немецкого драматурга Г. Сакса с позиций современных подходов к исследованию лексического состава единиц в рамках антропологической парадигмы исследований. На основе когнитивного анализа и лингвокультурологической интерпретации языковых единиц было установлено, что исследуемый концепт может рассматриваться в содержательном плане как онтологическая метафора «вместилища», в котором размещены представители различных социальных слоев Германии XVI века. Доказано, что в вербализации абстрактного концепта участвует широкий класс лексических единиц: одноименная лексема Armut, однокорневые прилагательные, наименования объекта, синонимические единицы, объединенные гиперогипонимическими связями. Особую роль в образно-оценочной концептуализации 'Armut' играют метафорические образования в широком смысле (гипербола, персонификация, сравнение и др.), позволяющие эксплицитно выразить широкий диапазон оценочно-экспрессивной коннотации (иронии, насмешки, пренебрежительного отношения). Выявлено, что пейоративный концепт 'Armut' дополняется негативно-оценочными прагматически-ориентированными смыслами, направленными на то, чтобы вызвать не сочувствие, а насмешку зрителя/слушателя, что обусловлено жанром дискурса фастнахтшпиля.

Ключевые слова: концептуализация; пейоративный концепт; оценочная коннотация; персонификация; онтологическая метафора «вместилища»

Когнитивно-лингвокультурологический подход к исследованию языка позволяет обратиться к историческому состоянию языка, открывающему доступ к ментальным процессам другого времени, в данном случае – XVI веку – кульминационному моменту становления национального немецкого языка. «Мы неизбежно задаем истории вопросы, возникающие перед нами самими. Это вопрошание, попытка вступить в диалог с людьми иной культуры, нежели наша собственная, есть неотъемлемая функция современного сознания» [1, с. 5-7]. Особенности концептуализации и категоризации мира и человека в связи с антропоцентрическим поворотом в эпоху Ренессанса наиболее зримо прослеживаются в лексическом составе, его употреблении в вербализации системы представлений, знаний в рамках эволюционирующей картины Нового времени. Фастнахтшпили немецкого драматурга и поэта Г. Сакса являются исключительно важным источником информации, на основе которых представляется возможным выявление релеван-

ных концептов культуры, их оценочной коннотации.

В данной статье рассматривается один из базовых негативно-оценочных концептов ранненововерхнемецкого языка (XVI век) – 'Armut' (бедность) на материале фастнахтшпиля "Die sechs Klagenden" (1535) (дословно «Шестеро жалующихся») [2]. Особенность данного шпиля заключается в том, что он выполнен в жанре жалобы, достаточно распространенным в средневековье. Жалоба – «это прозаическое или стихотворное произведение печального, задумчивого характера, обусловленное размышлениями автора о жизненных невзгодах, бренности бытия, личными переживаниями и любовными перипетиями» [3]. Упомянутый фастнахтшпиль Г. Сакса является своеобразной пародией на данный жанр, в котором в комически-гротескной форме представлены жалобы типичных персонажей на условия жизни в период позднего средневековья.

Концепт 'Armut' (бедность), структурно «включающий понятийное, образное и ценностное измерения» [4], представляет собой

сложное смысловое образование с диффузными семантическими границами, но достаточно четкой пейоративной оценкой. Когнитивный подход описания концепта предполагает обращение к развернутой структуре концепта в виде фрейма с вершинными смысловыми (субъект – предикат – объект – причина) и терминальными (факультативными) узлами (время – пространство – качественные и другие характеристики).

Ключевой лексемой в вербализации исследуемого концепта является одноименная номинация *Armut*, которая концептуально может быть интерпретирована как онтологическая метафора «ВМЕСТИЛИЩА», поскольку феномен бедности представляет собой неопределенное пространство, внутри которого оказались репрезентанты наиболее экономически уязвимых социальных слоев XVI века: *der Bauer* (крестьянин), *der Handwerksmann* (ремесленник), *der Landsknecht* (слуга, работник), *der Pfaff* (поп, священник), *der Bettelmann* (нищий), *der Hausherr* (владелец дома, трактира). Бедность лежит в основании всех тягот и бед «жалующихся»: *groß Armut tut uns plagen* (бедность мучит нас. – Перевод здесь и далее *Н. Д.*). В приведенном примере социальное бедствие *Armut* персонифицируется, то есть рассматривается и как субъект, активно воздействующий на объект – человека.

Согласно когнитивной теории метафоры, персонификация «представляет собой общую категорию, охватывающую широкий круг метафор, каждая из которых указывает на разные свойства человека или на разные взгляды человека. Их объединяет то, что они являются расширениями онтологических метафор и позволяют осмыслять различные явления в человеческих терминах, которые мы понимаем, основываясь на наших собственных мотивациях, целях, действиях и характеристиках [5]. Когнитивным основанием для персонификации феномена бедности в данном случае служит соположение признаков деятельности источника (ЧЕЛОВЕК) и цели (ARMUT), выражаемых презентной конструкцией *tut plagen* (ю.-нем. форма), в которой релевантный признак воздействия репрезентирует вспомогательный глагол *tut* (делает) + *plagen* (мучить) = «делает мучение». Эмоционально-окрашенный разговорный глагол

plagen, этимологически восходящий к христианскому смыслу «божественного наказания» (*himmlische Strafe* [6, S. 448]), используется для усиления эффекта воздействия на слушателя. Неслучайно также в высказывании употребление квалификатора *groß* для определения масштаба бедности, границы которой не ясны.

Объект воздействия «бедности» обозначен в *фастнахтшпиле*, во-первых, абстрактной негативно-оценочной номинацией *Klagende*, выступающей в качестве гиперонима, под крышку которого подведены конкретные номинации «жалующихся», объединенные общим смыслом «Род занятий»: (крестьянин, ремесленник и др. – см. выше). Понятийное ядро концепта '*Klagende*' составляет смысл: 1) *jemandem, was einen bedrückt, was einem Sorgenmacht, mitteilen* «сообщать кому-либо о том, что угнетает, вызывает беспокойство»; 2) экспрессивно-образный слой связан с эмоциональной нагруженностью концепта: в основе сообщения лежит информация о страданиях, боли – *sich über sein Leiden an etwas (Schmerzen, Beschwerden) äußern*, при этом важную роль в «жалобе» играет интонация, с которой жалующийся апеллирует к слушателю; в озабоченном тоне возможно выражение недовольства (*Unzufriedenheit in bekümmertem Tonfall äußern* [7]). Ср. также: «Жалоба – действие того, кто жалуется, простое изъяснение недовольства, пеня, ропот; просьба на обиду, словесная и письменная» [8, с. 525].

Таким образом, в содержательную структуру жалобы входит пейоративная и прагматически-ориентированная коннотация, поскольку говорящий надеется вызвать сочувствие, понимание, помощь. «В коннотативный потенциал включаются все оценочно-экспрессивные и стилистические коннотации, придающие значению его прагматическую ценность, предопределяющую условия выбора той или иной идиомы», в данном случае языковой единицы. Этимологический слой, входящий в понятийное ядро, может быть установлен на основе интерпретации дополнительных источников информации: так, жалоба связана с древним обычаем, когда во время задержания преступника пострадавший просил громко о помощи и затем

наказании перед судом, сопровождая процедуру криками и воплями [7].

Сценарий исследуемого фастнахтшпиля строится в форме последовательной цепочки жалоб о тяготах бытия со стороны каждого персонажа, при этом начинается повествование рассказом ландскнехта (*der Landsknecht* – работник, подмастерье), который характеризует холодное время года и внешний вид (одежду) пришедших с ним «собратьев». Например: *...denn es ist wohl gar kalte Zeit, und wir sind gar nicht wohl gekleidet* (Это совершенно холодная пора, а мы совсем одеты плохо). Экспрессивно-оценочный смысл бедности пришедших подчеркивается с помощью гиперболы *die aller ärmsten Gesellen* (ю.-нем. форма) (беднейшие люди), в которой грамматико-лексические средства усиливают экспликацию степени бедности: атрибут *arm* в превосходной степени и местоимение *aller* особо выделяют данную группу людей из общей массы.

Хозяин трактира иронически называет пришедших *gute Stallbrüder* досл. «добрые братья из одной конюшни» (товарищи по несчастью). Образно-оценочная номинация образована по аналогии с христианским обращением «братья и сестры» на основе метонимического переноса по признаку «смежности» и содержит иронически-экспрессивную коннотацию. Первоначально *Stallbrüder*, также *Stallgesellen* служила для обозначения солдат, размещавшихся в одном помещении (*Kammer*), пренебрежительно обозначаемым в разговорной речи *Stall* (конюшня). В немецкоязычных словарях подчеркивается также, что номинация *Stallbrüder* предположительно относится к языковой сфере ландскнехтов (*der Sprache der Landsknechte angehört zu haben*), которые употребляли данное слово также как *Geselle*, *Bursche*, *Kumpen* или с дополнительным смыслом «собутельник» (*Nebensinn: eines guten Zechers*) [9].

В жалобе ландскнехта используются синонимические единицы, позволяющие расширить границы понятийного и ассоциативно-образного поля концепта 'Armut'. Например: *Darüber wollen wir Euch klagen, Euch jeder seine Not erklären* (Мы вам пожаловаться хотим, каждый объяснит вам свою нужду). В словарных данных обе лексемы *Not* и *Armut* показаны как взаимозаменяемые. Ср.: *Not*

(нужда) – 1. *Armut*, *Elend* (нищета); 2. *Knappheit* (скудность), *Mangel* (недостаток) [10, S. 1078].

Доминирующую позицию в лексической категоризации ARMUT занимает пейоративная лексема *arm*, которая может быть использована в атрибутивной функции (в сравнительной и превосходной степени), в предикативной функции, а также в структуре некоторых культурно-обусловленных композитов. Так, например: *Wir sind marterarm* (Мы очень/«мученически» бедны). Дополнительный компонент греко-латинской этимологии *marter-* (мученический) (ср.: *schonahd. aus griech. lat. Martyrium*) заимствован из религиозной сферы. Как отмечает Г. Пауль, лексема *Marter* в XV веке означала также «страдания Христа» (*“Darstellung des Leidens Christy”* [11, S. 394]). Высказывание произносится священником, обозначенным автором лексемами с иронически пренебрежительной оценкой: *der Pfaff* (поп), *Pfäfflein* («попик»). Священник уточняет причину бедности – отсутствие денег: *...an barem Geld haben wir kaum drei Heller mit* (У нас едва найдутся три геллера). Конкретные наименования денег, распространенные в землях Германии в эпоху позднего средневековья – *Heller* (геллер – мелкая монета), приближают рассказ к реальности, при этом употребление частицы *kaum* свидетельствует об отсутствии даже таких мелких денег у жалующихся, иными словами, за душой рассказчиков нет ни гроша. Безденежье и бедность – основная тема жалобы священника, в тексте дважды употребляется прилагательное *arm*, характеризующее статус священника *ein armer Kaplan* (капеллан, домовый священник у католиков) и его место работы – приход *ein arme Pfarr* (бедный приход). Например: *Ich bin ein armer Kaplan / Mein Herr nimmt drei Teil in Absent / ein Viertel kommt in meine Händ / Damit soll ich die Pfarr verwalten / mit Singen, Lesen, Predig halten, / ist ohnehin ein arme Pfarr*. (Мой господин забирает у меня три части, оставив мне лишь одну часть. С этим я должен управлять приходом, служить молитву, я бедный поп). Однако бедность священнослужителя подвергается автором сомнению и насмешке, эксплицитно подчеркнутой в последующем высказывании крестьянина: *Herr Domine, es liegt am Tag: willst beiden Bäurinnen*

nur naschen! (Господин священник! Совершенно ясно, любишь полакомиться у крестьянок!) Пафосное латинское обращение и далее переход на «ты» к священнику эксплицируют насмешливо-сатирическое отношение говорящего к данному сословию и его проблемам.

Повтор *arm* выполняет не только усиительно-выделительную и экспрессивно-эмотивную функцию, но и является одним из важнейших конструктивно-смысловых элементов организации связного текста. Каждый из жалующихся употребляет *arm* для характеристики своего положения. Например, крестьянин задает риторический вопрос, употребляя *arm* в сравнительной степени, усиливая таким образом представление о своей бедности: *Ist einer ärmer hier denn ich* (Есть ли кто беднее меня?). Эмоциональное воздействие оказывает и сама форма риторического вопроса, позволяющая говорящему привлечь внимание слушающих к себе.

Повтор прилагательного, как и в целом элементарной структуры предложения, используется также в высказывании ремесленника: *ich bin ein armer Handwerksmann; kein ärmer Mann sich kann sein* (Я бедный ремесленник. Нет беднее меня никого). Мотив бедности начинает рассказ и завершает его. Аналогичные сочетания встречаются в речи нищего (*Bettelmann*), который в начале монолога представляет себя как бедного просителя милостыни: *Ich armer Bettler, muß mich schmiegen: bei jeder Mann bin ich unwert* (Я бедный нищий, должен подчиняться, для каждого я ничего не стою). В сочетании *armer Bettler* фактически дублируется негативная оценка положения человека, так как собственно лексема *Bettler* содержит пейоративную коннотацию, и атрибут *arm* дополнительно уточняет бедственное положение персонажа (как будто нищий не может быть бедным!). В заключение монолога говорящий использует превосходную степень прилагательного, чтобы вызвать большее сочувствие присутствующих: *Derhalb ich wohl der Ärmste bin* (Поэтому я, пожалуй, беднейший).

Шестой жалующийся – хозяин дома (*Hausherr*), который, казалось бы, не должен был жаловаться, поскольку в его доме тепло, есть еда, однако он также не доволен жизнью. Например: *ich selber bin ein Herr im*

Haus, doch bringt auch mir die Armut Leid (Я сам себе хозяин в доме, но бедность также мне страдания приносит). В его рассказе *die Armut* персонифицирована, как некое лицо, приносящее страдания (*Leid*) человеку.

Таким образом, в тексте-пародии на жалобу используется базовый концепт культуры 'Armut' с пейоративной коннотацией, вербализуемый одноименной лексемой, также однокорневым прилагательным *arm*, в том числе в сравнительной и превосходной степени либо же в культурно-обусловленных композитах, синонимическими субститутами с негативно-экспрессивной коннотацией (*Not*). Употребление в тексте пейоративно-окрашенных языковых единиц обусловлено жанром жалобы с ее прагматически-ориентированной направленностью – как можно сильнее разжалобить слушателя. Однако в фастнахшпилях Г. Сакса в рамках карнавальной культуры жалобу следует рассматривать «наоборот» в иронически-гротескном осмыслении: не стоит воспринимать жалующихся всерьез, у каждого из них (как следует из текста монологов участников) есть свои преимущества и, следовательно, возможности избавиться от своих бед. Таков назидательный смысл фастнахтшпилей Г. Сакса. Вместе с тем рассказы жалующихся являются одновременно «зеркалом» тех социокультурных отношений, которые сложились в рамках картины мира начала Нового времени. Использование довольно ограниченного количества языковых единиц с одноименной семантикой, элементарных предложений – клише подчеркивает профанный уровень интерпретации человеком его повседневного бытования.

Список литературы

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 348 с.
2. Sachs H. Meistergesänge, Fastnachtspiele, Schwänke. Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH & Co, 1999.
3. Жалоба // Литературный словарь терминов. URL: <http://www.litdic.ru/zhaloba/> (дата обращения: 15.05.2017).
4. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.

6. *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter u. C^o, 1934.
7. Duden – немецкий словарь орфографии. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung> (дата обращения: 15.05.2017).
8. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978. Т. 1.
9. Woerterbuchnetz. URL: <http://woerterbuchnetz.de> (accessed: 15.05.2017).
10. *Wahrig G.* Deutsches Wörterbuch. Gütersloh, 2006.
11. *Paul H.* Deutsches Wörterbuch. Halle/Saale, 1959.

Поступила в редакцию 18.07.2017 г.
Отрецензирована 29.08.2017 г.
Принята в печать 15.11.2017 г.

Информация об авторе

ДРОНОВА Нина Петровна, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: dronovanina@yandex.ru

Для цитирования

Дронова Н.П. Пейоративный концепт 'Armut' в репрезентации картины мира XVI в. // Неофилология. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 18-23.

UDC 81

PEJORATIVE CONCEPT 'ARMUT' IN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD REPRESENTATION IN 16th CENTURY

© **Nina Petrovna DRONOVA**

Tamбов State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000
E-mail: dronovanina@yandex.ru

Abstract. Lexical categorization of pejorative concept 'Armut' in language picture of the world of the German language of the 16th century on the material of a particular type of discourse – texts of fastnachtspiele German playwright G. Sachs from the standpoint of modern approaches to the study of lexical structure of units within anthropologic research paradigm is considered. On the basis of cognitive analysis and linguistic and cultural interpretation of language units, it was established that the studied concept can be considered in terms of content as an ontological metaphor of a "container" that hosts the representatives of various social strata of Germany in 16th century. It is proved that the verbalization of an abstract concept involved a wide class of lexical items: the same token Armut, single-rooted adjectives, the name of the object is added to a unit of the united hyper arithmetic connections. A special role in the figurative-evaluative conceptualization 'Armut' metaphorical play education in the broad sense (hyperbole, personification, comparison, etc.), allowing to explicitly express a wide range of valuation and expressive connotations (irony, ridicule, neglect). It is revealed that the pejorative concept 'Armut' is complemented by a negative-evaluative pragmatically-oriented meanings, aimed to evoke not sympathy, but ridicule the viewer/listener, because of the genre of discourse fastnachtspiele.

Keywords: conceptualization; pejorative concept; evaluative connotation; personification; ontological metaphor of a "container"

References

1. Gurevich A.Y. *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of Middle-Aged Culture]. Moscow, Iskustvo Publ., 1984, 348 p. (In Russian).
2. Sachs H. *Meistergesänge, Fastnachtspiele, Schwänke*. Stuttgart, Philipp Reclam jun. GmbH & Co., 1999. (In German).
3. Zhaloba [Complaint]. *Literaturnyy slovar' terminov* [Literary Vocabulary of Terms]. (In Russian). Available at: <http://www.litdic.ru/zhaloba/> (accessed 15.05.2017).
4. Karasik V.I. *Yazykovaya kristallizatsiya smysla* [Linguistic Crystallization of the Meaning]. Moscow, Gnozis Publ., 2010, 351 p. (In Russian).
5. Lakoff G., Dzhonson M. Metafor, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. *Teoriya metafor* [Theory of Metaphor]. Moscow, 1990. (In Russian).
6. Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter u. Co., 1934. (In German).
7. Duden – nemetskiy slovar' orfografii [Duden – German Orthography Dictionary]. (In German). Available at: <http://www.duden.de/rechtschreibung> (accessed 15.05.2017).
8. Dal V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1978, vol. 1. (In Russian).
9. Woerterbuchnetz. (In German). Available at: <http://woerterbuchnetz.de> (accessed 15.05.2017).
10. Wahrig G. *Deutsches Wörterbuch*. Gütersloh, 2006. (In German).
11. Paul H. *Deutsches Wörterbuch*. Halle/Saale, 1959. (In German).

Received 18 July 2017

Reviewed 29 August 2017

Accepted for press 15 November 2017

Information about the author

DRONOVA Nina Petrovna, Candidate of Philology, Professor, Professor of Foreign Philology and Applied Linguistics Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: dronovani-na@yandex.ru

For citation

Dronova N.P. Peyorativnyy kontsept 'Armut' v reprezentatsii kartiny mira XVI v. [Pejorative concept 'Armut' in language picture of the world representation in 16th century]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 4 (12), pp. 18-23. (In Russian, Abstr. in Engl.).

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИМИКИ НОСА В ЯЗЫКЕ

© Ольга Дмитриевна ПРОСКУРНИЧ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: otpravitel@yandex.ru

Аннотация. Характер эмоций, в частности мимики, по своей сути невербален, и ее адекватное выражение в языке оказывается довольно сложным. Изучение связи языка и мимики в рамках когнитивной лингвистики дает возможность рассмотреть особенности вербализации мимических движений и выявить ту информацию, которая передается языковыми средствами невербальной коммуникации, а также сочетание языковых средств передачи вербальной и невербальной коммуникации. Выявлены языковые единицы, дающие представление о мимических движениях носа, а также представлен подробный анализ языковых средств русского и английского языка, которые объективируют концепт 'nose expression'/'мимика носа', что наиболее точно позволяет понять, как осмысливается мимика средней зоны лица, а также выявить передающиеся ими представления о перцептивном восприятии мимических движений носа. Представлены примеры из художественной литературы, включающие в себя языковые средства, репрезентирующие концепт 'nose expression'/'мимика носа'. В дальнейшем для исследования становится актуальным то, каким образом человек осуществляет интерпретацию мимики, оперируя концептами, сформировавшимися на этапе первичной и вторичной концептуализации, основываясь на том, что то или иное движение мышц лица осмысливается участником коммуникации как знак эмоционального состояния человека и его оценки воспринятого, получения или обмена информацией, о чем позволяют судить различные концептуальные характеристики, которые активизируются в концептах.

Ключевые слова: концепт; мимика; мимические движения носа; перцептивное восприятие; языковая единица

Интерес к изучению языковых единиц, передающих представление о невербальной коммуникации, существует довольно давно. При этом они рассматриваются с точки зрения разных подходов. Выделяются работы (например, Б. Баумль, Ф. Баумль, Б. Монохан, А.А. Акишина, Х. Кано, С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев, Г.Е. Крейдлин и др.), в которых ставится цель создать жестовые словари. В них определяются теоретические принципы и практика лексикографии жестов, описывается общее устройство, строение и содержание зон, характеризующих невербальную и вербальную информацию этих зон [1; 2].

Ряд исследователей (О.С. Ахманова, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, В.Г. Хлыстова, Е.А. Зуева и др.) рассматривают языковые средства передачи невербальной коммуникации с точки зрения их отнесенности к одному из семантических типов, а также экспликации их содержательной и формальной сторон [3–6]. Так, В.Б. Беглова, осуществляя моделирование языковых единиц передачи невербального поведения, предлагает объединять данные единицы в лексико-семанти-

ческие поля, все вместе составляющие гиперполе «Кинесика». Согласно В.Б. Бегловой, лексика, объединенная в гиперполе «Кинесика», распадается на пять лексико-семантических полей: поле «взгляд», поле «выражение лица», поле «поза», поле «гаптика» и поле «жест» [7].

В некоторых исследованиях ученые (И.Е. Папулинова, Ю.В. Голубева и др.) анализируют языковые единицы, обозначающие жесты, уделяя особое внимание описанию структуры знания, стоящей за ними, представляя ее в виде жестового фрейма с обязательными и факультативными компонентами. В настоящее время именно когнитивное моделирование представляет большой интерес для исследователей средств передачи невербального поведения [8]. Они (Е.А. Гришина, Е.В. Николаева и др.) выявляют когнитивные модели, определяющие употребление языковых единиц, передающих знания и мнения о стереотипной ситуации жестикуляции в определенных коммуникативных актах, от которых зависит конкретное значение этих языковых единиц [9].

В связи со сказанным представляется актуальным рассмотреть те знания, которые объективируются языковыми единицами, описывающими мимические движения, проанализировать, как единицы, передающие мимические движения, взаимодействуют с единицами передачи речи в процессе коммуникации. Важным представляется также попытка осуществить систематизацию и описание языковых средств английского и русского языков, объединенных в семантические и ассоциативные образные ряды, которые объективируют содержание концептов 'facial expression'/'мимика'.

С учетом обыденного знания движение лица определяется как движение органов, составляющих лицо, то есть движение лба, глаз, носа, щек со скулами, губ, подбородка. Исходя из этого, можно сказать, что концепты 'facial expression'/'мимика' носят интегративный характер и могут быть представлены как матрица, включающая ряд контекстов: МИМИКА ВЕРХНЕЙ ЗОНЫ (ЛОБ, БРОВИ)/UPPER AREA EXPRESSION (FOREHEAD, EYEBROWS), МИМИКА СРЕДНЕЙ ЗОНЫ (ГЛАЗА/НОС)/MIDDLE AREA EXPRESSION (EYES/NOSE), МИМИКА НИЖНЕЙ ЗОНЫ (ГОТ, ПОДБОРОДОК)/LOWER AREA EXPRESSION (MOUTH, CHIN). Согласно Н.Н. Болдыреву, когнитивная матрица представляет собой систему взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта и позволяет отразить различные связи концепта с теми концептуальными областями, которые служат источниками его содержания [10, с. 47].

В данной статье подробнее остановимся на тех языковых средствах, которые объективируют концепты 'nose expression'/'мимика носа'.

Несмотря на «ограниченность движения», нос, расположенный в эпицентре трех зон, имеет особое значение в чтении мимики лица, поскольку он служит точкой опоры для оценки баланса [8, с. 113; 11]. Отметим, что с точки зрения мимики рассматривается именно та часть носа, которая способна двигаться, то есть крылья и кончик. Рассмотрев и проанализировав языковые средства русского и английского языков, объективирующие концепты 'nose expression'/'мимика носа', мы

определили, что данные концепты могут быть представлены глаголами, в семантике которых зафиксировано представление о движении носа и передаваемых эмоциональных состояниях, устойчивыми словосочетаниями и фразеологизмами, в которых присутствует субстантив *nose* или *nostrils*. Анализ вышеупомянутых языковых средств позволил выявить некоторые характеристики концептов 'nose expression'/'мимика носа', которые *отражают информацию о перцептивном восприятии мимических движений носа*.

– характеристики 'движение мышц носа', 'увеличение объема' и 'формирование морщин'.

Установлено, что характеристики 'движение мышц носа', 'увеличение объема' и 'формирование морщин' объективируются только словосочетаниями. Эти словосочетания могут включать глаголы, которые, используя в первичном значении, передают представление о движении мышц лица (см. *wrinkle* – to develop wrinkles, a line or crease in the skin, as from age [https://www.thefreedictionary.com/wrinkle]; *морщить* – сдвигать в морщины, собирать складками (какие-нибудь части лица) [http://slovarius.com/page/morjxity.php]); увеличении объема носа (*раздуть* – увеличивать в объеме, наполняя воздухом; надувать [http://tolslovar.ru/r1182.html]; трепетать – быть охваченным мелкой дрожью, колебаться, дрожать [https://ru.wiktionary.org/wiki]) или во вторичном значении передают представление об увеличении объема носа (см. *flare* – to expand or open outward in shape, nostrils that flared with anger [https://www.thefreedictionary.com/flare]).

Англ.:

wrinkle (up) the nose – tighten the muscles in your nose so that small lines appear in the skin [http://dictionary.cambridge.org/ru/wrinkle];

flare (widen) nostrils – nasal widening during inspiration, a sign of air hunger or respiratory distress [http://medical-dictionary.thefreedictionary.com/flaring+of+nostrils];

1) His expression was at once casual and turbulent; his eyes were distant and his mouth was steady, but his ***nostrils flared slightly*** with his breathing. (Tartt D. The Secret History. 2002).

Рус.:

(с) морщить нос – собирать в морщины, складки кожу на носу [http://russian_chinese.academic.ru/];

раздувать (раздутые) ноздри – расширить ноздри [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/>], увеличить объем, наполнив, надув чем-нибудь [<https://www.vedu.ru/expdic/28713/>];

2) Моргач, весь красный как рак и широко раздув ноздри, язвительно посмеивался из угла; один Николай Иванович, как и следует истинному целовальнику, сохранял свое неизменное хладнокровие (Тургенев И.С. Записки охотника. 1975. Т. 2).

трепещущие ноздри – охваченные мелкой дрожью; колеблющиеся крылья носа [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/>];

3) Напротив: она с веселым вниманием глядела ему в лицо, говорила развязно, и тонкие ее ноздри слегка трепетали, как бы от сдержанного смеха (Тургенев И.С. Дворянское гнездо. 1983).

Таким образом, языковые единицы, репрезентирующие вышеупомянутые характеристики и дающие представление о мимике носа через движение мышц носа и движение ноздрей, были сформированы в результате вторичной и синтаксической концептуализации.

– характеристики ‘движение мышц носа’ и ‘движение воздушной струи через нос’.

Средствами объективации данных характеристик служат глаголы, передающие представления о движении воздушной струи через нос в прямом и переносном значении (см. *sniff* – a: to inhale through the nose especially for smelling // b: to take air into the nose in short audible breaths [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/sniff>] – прямое значение; шмыгать – 1. разг. шумно втягивать носом воздух или слизь, образующуюся при насморке [<https://ru.wiktionary.org/wiki>] – переносное значение; нюхать – 1. вдыхать носом воздух с целью воспринять, обнаружить, распознать какой-либо запах (запах) [<https://ru.wiktionary.org/wiki>] – первичное значение и т. д.).

Англ.:

sniff – to draw air through the nose in short, audible inhalations [<http://www.thefreedictionary.com/sniff>];

to breathe through nose – the air that goes in and out of your body through your nose, to

calm yourself down [http://english_contemporary.enacademic.com/];

4) “Well, you can't breathe very well,” Garp complained, “so just don't put too much in your mouth. You might inhale it. You *can't breathe through your nose*, at all – that's perfectly clear.” (Irving J. The world According to Garp. 1978).

Рус.:

нюхать – вдыхать носом воздух с целью воспринять, обнаружить, распознать какой-либо запах (запах) [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/887970/>];

5) Полозов ел медленно, «с чувством, с толком с расстановкой», внимательно наклоняясь над тарелкой, нюхая чуть не каждый кусок; сперва пополоснет себе рот вином, потом уже проглотит и губами пошлепает (Тургенев И.С. Вешние воды. 1978).

шмыгать носом (сопеть) – шумно втягивать носом воздух, издавать носом несколько свистящие, шипящие звуки. [<https://ru.wiktionary.org/wiki>];

6) Почти каждый день к ней приходил Рябовский, чтобы посмотреть, какие она сделала успехи по живописи. Когда она показывала ему свою живопись, он засовывал руки глубоко в карманы, крепко сжимал губы, сопел и говорил: – Так-с... (Чехов А.П. Попрыгунья. 1999).

по(тянуть) носом вперед – повести носом, понюхать, принюхаться [http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/].

Необходимым также считаем упомянуть такую характеристику, как ‘тактильный контакт других органов тела с носом’, но отметим, что данная характеристика не отражает представление о мимике носа и/или не указывает на движение мышц носа.

– характеристика ‘тактильный контакт других органов тела с носом’.

В качестве средства объективации данной характеристики выступают словосочетания и фразеологизмы, включающие в себя субстантивы *nose* и *нос*.

Англ.:

touch the nose – when you get negative feelings the blood capillaries in your nose will contract and you will feel like wanting to scratch it [https://www.2knowmyself.com/body_language/body_language_negative_evaluation/];

rub (scratch) the finger alongside the nose – rub a nose, by moving your hand or fingers backwards and forwards over it while pressing firmly [http://universal_en_ru.academic.ru/2684198/rub_nose_into];

7) With the most itching carefulness, Neil crept one hand out from under the drab sheet covering him, ***scratched his nose***, let the hand drop into his lap, and so was able to study his nails again (Lewis S. Kingsblood Royal. 2001);

8) “You wouldn’t know many Murgos,” Silk said, ***rubbing his nose with one finger*** (Eddings D. Pawn of Prophecy. 1982).

9) Loial peered at the floor, ***rubbing under his nose with a thick finger***, as if he was abashed by his outburst (Jordan R. The Eye of the World. 1990).

pinch the bridge of the nose – the act of pinching the bridge of your nose with your middle finger and thumb in exasperation [<http://www.urbandictionary.com/define.php?term=bridge%20pinch>];

10) After tightly pinching my nose and breathing through my mouth for a while, I began to believe that the agents of the nefarious harbor department would have by now concluded that Annamaria and I had escaped. They must have gone away (Koontz D.R. Odd Hours. 2008).

Рис.:

тереть (пощипывать) нос (переносицу) – человек держится пальцами в районе переносицы, обычно сочетающийся с закрытыми глазами и говорящий о глубокой сосредоточенности [<http://v-astrale.ru/article/znatchieniie-ziestow-lica>];

11) «Кхе-кхе», – и, закашлявшись, Аполлон Аполлонович пробарабанил рукою по столику, что-то вспомнил – свое, нахмурился, стал рукой тереть переносицу; впрочем, быстро опомнился: и с чрезмерной веселостью почти выкрикнул он: «Впрочем – нет: ничего-с... Пустяки» (Белый А. Петербург. 1987).

указательный палец прикрывает ноздрию – выражаются увлеченность говорящего собственным повествованием, его желание донести как можно больше и в то же время привлечь к себе внимание [http://changing-minds.org/techniques/body/parts_body_language/nose_body_language.htm];

показать нос – приставить к носу большой палец и растопырить остальные, дразня

кого-л. (часто как жест несогласия, протеста) [<http://phraseology.academic.ru/>];

12) – Ребята, покажем нос ему, – скомандовал Бодяга и, подставив к своему носу большой палец одной руки, зацепив за мизинец этой руки большой палец другой, он показал эту штуку (Помяловский Н.Г. Очерки бурсы. 1965).

пощипывание переносицы – жест, обычно сочетающийся с закрытыми глазами, и говорящий о глубокой сосредоточенности напряженной мысли [<http://nlpr.ru/node/224>].

Таким образом, анализ языковых средств русского и английского языков демонстрирует, что концепт ‘nose expression’/‘мимика носа’ может быть объективирован глаголами, словосочетаниями и фразеологизмами, в которых присутствуют субстантивы *nose/nostrils* и/или *нос/ноздри*. Он включает определенно-го рода информацию, а именно информацию о мимическом движении: движении мышц носа, движении крыльев носа, формировании морщин и движении воздушной струи через нос. Выделяются также языковые средства передачи тактильного контакта других органов тела и носа.

Список литературы

1. Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1991. 146 с.
2. Bauml B.J., Bauml F.H. A Dictionary of Gestures. Metuchen: Scarecrow Press, 1975.
3. Ахманова О.С. Лингвистика и семиотика. М.: Изд-во МГУ, 1979.
4. Вережагин Е.М., Костомаров В.Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 36-47.
5. Хлыстова В.Г. Функционально-структурная и семантическая характеристика кинематических речений, отражающих коммуникативный аспект кинесики (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2005. 16 с.
6. Зуева Е.А. Стереотипные модели вербализации актов поведенческой коммуникации в художественных текстах современной немецкой литературы // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 4. С. 136-138.
7. Беглова В.Б. Лексика поля «кинесика»: на материале современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 237 с.

8. Папулинова И.Е. Языковая манифестация жестов рук в диалогическом дискурсе (на материале русского, немецкого и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003. 14 с.
 9. Николаева Н.В. Лингвострановедческая интерпретация невербальных средств коммуникации в иностранной аудитории: На материале произведений А.П. Чехова: дис. ... канд. пед. наук. М., 2005. 227 с.
 10. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. Е.С. Кубрякова. Москва: ИЯ РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2009. С. 25-78.
 11. Равенский Н.Н. Как читать человека. Черты лица, жесты, позы, мимика. М.: РИПОЛ классик, 2007. 228 с.
- Поступила в редакцию 30.07.2017 г.
Отрецензирована 21.08.2017 г.
Принята в печать 22.11.2017 г.

Информация об авторе

ПРОСКУРНИЧ Ольга Дмитриевна, аспирант, кафедра зарубежной филологии и прикладной лингвистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: otpravitel@yandex.ru

Для цитирования

Проскурнич О.Д. Концептуализация мимики носа в языке // Нефилология. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 24-29.

UDC 81.42

CONCEPTUALISATION OF NOSE EXPRESSION IN LANGUAGE

© Olga Dmitrievna PROSKURNICH

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000
E-mail: otpravitel@yandex.ru

Abstract. The nature of emotions, particularly facial expressions, are essentially non-verbal, and its adequate expression in the language is quite complex. The study of communication language and facial expressions in the framework of cognitive linguistics gives the opportunity to consider the peculiarities of verbalization of facial movements and to identify the information that is transmitted by linguistic means nonverbal communication, as well as a combination of linguistic means of transmitting verbal and non-verbal communication. In the course of work were identified linguistic units giving an idea of the facial movements of the nose, and also detailed analysis of the language means of Russian and English language are provided, which objectify concept 'nose expression' that allows us to understand how facial expressions are interpreted middle area expression most closely, as well as to identify transmitted their ideas about perceptual perception of facial movements of the nose. The examples from literature which includes linguistic means representing the concept 'nose expression' are also presented. To further study becomes relevant how the person carries out the interpretation of expressions, in terms of concepts, formed at the stage of primary and secondary conceptualization, based on the fact that the movement of the facial muscles is interpreted by the participant of communication as a sign of emotional state and evaluation of perceived, getting or exchange of information, what allow you to judge the different conceptual characteristics that actualize in concepts.

Keywords: concept; facial expressions; facial movements of the nose; perceptual perception; language unit

References

1. Akishina A.A., Kano K., Akishina T.E. *Lingvostranovedcheskiy slovar'* [Linguacountry Studies Dictionaries]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1991, 146 p. (In Russian).
2. Bauml B.J., Bauml F.H. *A Dictionary of Gestures*. Metuchen, Scarecrow Press, 1975.
3. Akhmanova O.S. *Lingvistika i semiotika* [Linguistics and Semiotics]. Moscow, MSU Publ., 1979. (In Russian).
4. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. O svoeobrazii otrazheniya mimiki i zhestov verbal'nymi sredstvami [About diversity of mimics reflection and gestures by verbal means]. *Voprosy yazykoznaniya – Issues in Linguistics*, 1981, no. 1, pp. 36-47. (In Russian).
5. Khlystova V.G. *Funktsional'no-strukturnaya i semanticheskaya kharakteristika kinematicheskikh recheniy, otrazhayushchikh kommunikativ-nyy aspekt kinesiki (na materiale angliyskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Functional-Structural and Semantic Characteristics of Kinematic Speeches, Reflecting Communicative Aspect of Kinesics (Basing on the Materials of English Language). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Nizhniy Novgorod, 2005, 16 p. (In Russian).
6. Zueva E.A. Stereotipnye modeli verbalizatsii aktov povedenche-skoy kommunikatsii v khudozhestvennykh tekstakh sovremennoy nemetskoj literatury [Stereotype models of behavioral communication acts in literary texts of modern German literature]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova – Vestnik of Kostroma State University*, 2009, no. 4, pp. 136-138. (In Russian).
7. Beglova V.B. *Leksika polya «kinesika»: na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk* [Lexis of “Kinesics” Field: Based on Material of Modern English. Cand. philol. diss.]. Moscow, 1996, 237 p. (In Russian).
8. Papulinova I.E. *Yazykovaya manifestatsiya zhestov ruk v dialogicheskom diskurse (na materiale russkogo, nemetskogo i angliyskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Manifestation of Arms Gestures in Dialogic Discourse (Basing on the Materials of Russian, German and English Languages). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2003, 14 p. (In Russian).
9. Nikolaeva N.V. *Lingvostranovedcheskaya interpretatsiya neverbal'nykh sredstv kommunikatsii v inostran-noy auditorii: na materiale proizvedeniy A.P. Chekhova: dis. ... kand. ped. nauk* [Linguacountry Studies Interpretation of Non-Verbal Means of Communication in Foreign Audience: Basing on the Materials of A.P. Chekhov Works. Dr. ped. sci. diss.]. Moscow, 2005, 227 p. (In Russian).
10. Boldyrev N.N. Kontseptual'naya osnova yazyka [Conceptual basis of the language]. In: Kubryakova E.S. (ed.-in-chief). *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. IV. Kontseptualizatsiya mira v yazyke* [Cognitive Researches of the Language. Issue 4. Conceptualization of the World in Language]. Moscow, Linguistics Institute of RAS, Tambov, TSU Publ., 2009, pp. 25-78. (In Russian).
11. Ravenskiy N.N. *Kak chitat' cheloveka. Cherty litsa, zhesty, pozy, mimika* [How to Read a Human. Traits, Gestures, Poses, Mimic]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2007, 228 p. (In Russian).

Received 30 July 2017

Reviewed 21 August 2017

Accepted for press 22 November 2017

Information about the author

PROSKURNICH Olga Dmitrievna, Post-Graduate Student, Foreign Philology and Applied Linguistics Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: otpravitel@yandex.ru

For citation

Proskurnich O.D. Kontseptualizatsiya mimiki nosa v yazyke [Conceptualisation of nose expression in language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 4 (12), pp. 24-29. (In Russian, Abstr. in Engl.).

ОБ ИСКОННОЙ СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛА «БИТЬ»

© Диана Михайловна МИРОНОВА

Башкирский государственный университет
 450074, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32
 Башкирский государственный медицинский университет
 450008, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, 3
 E-mail: u428302@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрен вопрос об исконной семантике глагола «бить», относящегося к древнейшему пласту активной лексики современного русского языка. Реконструкция исторически первичного значения относится к приоритетным задачам диахронической семантики, поскольку такое значение закладывает основы семантической эволюции слова и фиксирует в себе первичный коллективно значимый опыт носителя языка в освоении объекта номинации. В ходе внешней реконструкции как ведущего метода исследования анализу были подвержены значения единиц, которые совместно с глаголом «бить» входят в общее этимологическое гнездо. По результатам анализа осуществлена попытка установить комплекс денотативных ситуаций, обозначенных древней синкретичной праформой глагола. На основе выполненного анализа установлено, что исконное значение глагола «бить», который принадлежит активной лексике современного русского языка, номинируя актуальную область физических воздействий, и в своем происхождении восходит к языку индоевропейской эпохи. Доказано, что на современном этапе развития русского языка семантическая структура глагола «бить» имеет наиболее обобщенное значение, что в системе языка праформа **bheia-* в нерасчлененном виде некогда обозначала как более общую ситуацию воздействия человека ударом, так и более частные, специализированные ударные воздействия, которые в современных индоевропейских языках фиксируются самостоятельными значениями глаголов.

Ключевые слова: глагол «бить»; диахроническая семантика; исконное значение слова; праформа; этимология

В сравнительно-исторических исследованиях XIX – начала XX века внимание лингвистов было сосредоточено на фонетической стороне языковых единиц. Роль семантической реконструкции была «...пассивна и вспомогательна», о ней вспоминали лишь тогда, когда что-то оказывалось «не так» в результатах формальной реконструкции» [1, с. 109]. С исторической точки зрения лексическая семантика продолжает оставаться малоизученной и в современной лингвистике, несмотря на возросший интерес к исследованию содержательной стороны языковых единиц. Вместе с тем при учете потребностей полного этимологического анализа историками языка признается необходимость диахронического изучения плана содержания, одна из задач которого – реконструкция исконной семантики слов. Так, в определении этимологического анализа Е.А. Земской читаем: «Цель этимологического анализа – установить происхождение слова, объяснить историю его возникновения, вскрыть прошлые словообразовательные связи, а также

показать, как возникли его современные значения» (курсив наш. – Д. М.) [2, с. 272]. В предисловии к Этимологическому словарю русского языка А.Г. Преображенского читаем: «этимология состоит в уяснении основного признака, означаемого словом, или иначе – в определении истинного смысла слова» [3, с. 2].

Предметом научного внимания в настоящей статье выступает исконное значение глагола «бить», который принадлежит активной лексике современного русского языка, номинируя актуальную область физических воздействий, и в своем происхождении восходит к языку индоевропейской эпохи.

Обзор статей в этимологических словарях показал, что в большинстве из них не представлено описание древнейшей семантики праформы рассматриваемого глагола. Лишь в словаре А.Г. Преображенского отмечается праформа **bheia-* со значениями «бить, ранить, убивать», которая характеризуется неопределенностью в силу многозначности ее компонентов. Сам А.Г. Преобра-

женский в предисловии к словарю отмечает, что «в большинстве коренных слов первичный смысл слова далеко не очевиден» [3, с. 2] и одновременно указывает на языковой материал, ценный в рассматриваемом отношении. В качестве такого восполняющего материала видятся значения слов-соответствий или производных от данного глагола, составляющих единое этимологическое гнездо в пределах индоевропейской семьи.

В словарных статьях лексемы «бить» приводится ряд исторически однокоренных слов, отглагольных образований, принадлежащих индоевропейским языкам славянской, германской, греческой, кельтской, и некоторых других ветвей. Укажем несколько примеров, извлеченных из этимологических словарей.

Из статьи глагола «бить» в этимологическом словаре Н.М. Шанского

арм. *bir* – ‘палка’, нем. *Beil* – ‘топор’, греч. *phitros* – ‘полено, дубинка’, лат. *perfinēs* – ‘разбиваешь’ [4].

Из статьи глагола «бить» в этимологическом словаре М. Фасмера

дрвнем. *bihal* – ‘топор’, арм. *bir* – ‘палка, дубинка’, ирл. *benim* – ‘режу, бью’, *biail* – ‘топор’ [5].

Из статьи глагола «бить» в этимологическом словаре А.Г. Преображенского

арм. *bir* – ‘палка, дубинка, бич’, кимр. *bidog* – ‘охотничий нож’, готск. *banja* – ‘рана’, рус. бичь, бивень, болг. битка – ‘сражение’, стсл. БИЧЬ, БИЛО – ‘доска, колотушка’, словенск. било – ‘колотушка’, п. *bijak* – ‘колотушка’, ч. *bidlo* – ‘шест’ [3].

Инвариантная часть семантики глаголов фр. *battre/abattre*, англ. *to beat*, по данным переводных словарей [6; 7], включает значения ‘рубить’, ‘ломать’, ‘избивать’ (в англ. яз. *to beat up*); ‘бить оружием, убивать’ и предположительно восходит к исконной семантике праформы *bheia-.

В процессе внешней реконструкции исконного значения на материале отглагольных единиц мы руководствовались таким свойством производного слова, как его отсылочный характер, обращение «к уже известному из предыдущего опыта» [8, с. 13]. Благодаря этому свойству представляется возможным истолковать значение мотивируемого (деривата, производного слова) с опорой на значе-

ние мотиватора (производящего слова), поскольку семантика последнего формирует и полностью либо частично включена в семантику деривата.

Результаты дефиниционного анализа свидетельствуют о том, что большинство отглагольных производных характеризуются предметным или процессуальным значением, причем предметные имена значительно преобладают над процессуальными (~58 % по всем обследованным нами этимологически словарям). В эту предметную группу наименований входят обозначения искусственных, а также естественных *орудий труда* (*bihal* (дрвнем.), нем. *Beil* – ‘топор’, *biail* (ирл.) – ‘топор’, *beataxe* (англ.) – ‘мотыга, топор’, *bir* (арм.) – ‘дубинка’, *phitros* (греч.) – ‘дубинка’), *орудий наказания* (БИЧЬ (стсл.) – ‘бич’, *bir* (арм.) – ‘бич’, ‘палка, дубинка’, *phitros* (греч.) – ‘палка, дубинка’) и *видов оружия* (*bidog* (кимр.) – ‘охотничий нож’, *bildr* (дрисл.) – ‘наконечник стрелы’, *bir* (арм.) – ‘палка, дубинка, секира’, *bihal* (дрвнем.) – ‘секира’, *phitros* (греч.) – ‘палка, дубинка’). Лексемы *bir* и *bildr* были взяты из работы В.В. Левицкого [9, с. 96]. Как можно видеть, имена инструмента действия образуют наиболее представительную группу.

Концептуальный анализ этих наименований позволяет восстановить связанные с ними денотативные ситуации, отраженные в семантике индоевропейской праформы *bheia-. Общая часть в структуре таких ситуаций представляет собою физическое воздействие с помощью многократного либо однократного нанесения ударов, в соответствии с целями, которые преследует человек, а также характером объектов воздействия: неживой объект/живое существо (человек или животное).

В практическом опыте такое воздействие могло служить специфическим целям *деформации/разрушения твердого неживого объекта* или же *причинения боли живому существу/его умерщвлению* (ср. также родственные готск. *banja*, срирл. *bith* – ‘рана’).

Отсутствие письменности в индоевропейский период не дает возможности судить о том, насколько устойчивыми были содержательные единицы индоевропейских праформ, равно как и формулировать бесспорные утверждения относительно их статуса в лекси-

ко-семантической системе языка того времени. Поэтому в работах, посвященных исторической семантике, гораздо чаще встречаются гипотезы, нежели категоричные утверждения. Существующие диахронические исследования свидетельствуют в пользу синкретичности как особенности смысловой структуры индоевропейских праформ. В.В. Колесов, обращаясь к ее концептуальным источникам, пишет: «...синкретизм языковых знаков отражает реальность вещного, предметного мира в его целостности, когда слово обозначает вещь во всей связности ее признаков, которые еще не дробятся на оттенки и части...» [10, с. 636]. В свою очередь, О.Н. Трубачев говорит «...о сложности, синкретизме смысловой структуры праславянского слова в противовес умозрительному представлению о древней первоначальной простоте» [1, с. 98]. Синкретичный взгляд на мир возможен в том случае, если ведущим принципом языкового мышления и познания мира является метонимический, дающий возможность называть одним и тем же именем смежные предметы, явления и целые ситуации.

Приведенные утверждения о свойствах древней семантики позволяют предположить синкретичный характер содержательной структуры индоевропейского *bheia-, обусловленный наглядной связью ее денотатов идей воздействия ударом.

На основе выполненного анализа гипотетически можно заключить, что в системе языка праформа *bheia- в нерасчлененном виде обозначала как более общую ситуацию воздействия человека ударом, так и более частные, специализированные ударные воздействия, которые в современных индоевропейских языках фиксируются самостоятельными значениями глаголов. Таким образом, еще не произошло преобразования «...более

общего (широкого) значения и замена его более узким (специальным)» [11, с. 448]. На современной ступени развития русского языка это наиболее обобщенное значение, и его конкретизации, будучи самостоятельными ЛСВ, составляют радиальную часть семантической структуры глагола «бить».

Список литературы

1. Трубачев О.Н. Реконструкция слов и их значений. М.: Языки славянской культуры, 2004. 798 с.
2. Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык. М.: Высш. шк., 1989. С. 272.
3. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. 1 (А-О). М.: Наука, 1959. 674 с.
4. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. М.: Учпедгиз, 1961. 403 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 (А-Д). М.: Прогресс, 1967. 562 с.
6. Аракин В.Д. Англо-русский словарь. М.: Изд-во иностр. словарей, 1982. 988 с.
7. Гак В.Г. Новый французско-русский словарь. М.: Рус. яз., 2000. 1195 с.
8. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
9. Левицкий В.В. Семантический синкретизм в индоевропейском и германском // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 94-106.
10. Колесов В.В. История русского языка. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2005. 669 с.
11. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энц., 1966. 607 с.

Поступила в редакцию 12.07.2017 г.

Отрецензирована 19.08.2017 г.

Принята в печать 15.11.2017 г.

Информация об авторе

МИРОНОВА Диана Михайловна, кандидат филологических наук, преподаватель русского языка как иностранного кафедры современного русского языкознания, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация; преподаватель латинского языка кафедры иностранных языков с курсом латинского, Башкирский государственный медицинский университет, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: u428302@yandex.ru

Для цитирования

Миронова Д.М. Об исконной семантике глагола «бить» // Нефилология. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 30-34.

UDC 81.37

ABOUT THE ORIGINAL SEMANTICS OF THE VERB «БИТЬ» (TO BEAT)

© Diana Mikhailovna MIRONOVA

Bashkir State University
32 Zaki Validi St., Ufa, Russian Federation, 450074
Bashkir State Medical University
3 Lenin St., Ufa, Russian Federation, 450008
E-mail: u428302@yandex.ru

Abstract. The issue of native semantics of the verb «бить» (to beat), referring to the oldest stratum of the active vocabulary of modern Russian language is studied. The reconstruction of historically prime meaning falls into the priority tasks of diachronic semantics, inasmuch as it lays the foundations of the word semantic evolution and fixes the primary collectively meaningful experience of a native speaker in the cognition of the naming object. In the process of external reconstruction, as the leading research method, we analyze meanings of the units, which together with the verb «бить» (to beat), are included in the one etymological family of words. According to the analysis results we make an attempt to reveal a complex of denotative situations, marked by ancient syncretic protoforms of the verb. Basing on the carried out analysis it is established that the native meaning of the verb «бить» (to beat) which is in the active vocabulary of modern Russian language, nominating the relevant sphere of physical action and in its origins comes from the language of Indo-European epoch. It is proved that at modern stage of Russian language development the semantic structure of the verb «бить» (to beat) has more generalized meaning, that in the system of language protoform *bheia- in indivisible form used to mean the more general situation of influence on human by the punch and more specified impact effect which in modern Indo-European languages are fixed by independent meanings of the verbs.

Keywords: the verb «бить» (to beat); diachronic semantics; historically prime meaning; protoform; etymology

References

1. Trubachev O.N. *Rekonstruktsiya slov i ikh znacheniy* [Word Reconstruction and Their Meanings]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, 798 p. (In Russian).
2. Zemskaya E.A. Slovoobrazovanie [Word formation]. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989, p. 272. (In Russian).
3. Preobrazhenskiy A.G. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1959, vol. 1 (A-O), 674 p. (In Russian).
4. Shanskiy N.M. *Kratkiy etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Posobie dlya uchitelya* [Short Etymological Dictionary of the Russian Language. Supply for the Teachers]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1961, 403 p. (In Russian).
5. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Progress Publ., 1967, vol. 1 (A-D), 562 p. (In Russian).
6. Arakin V.D. *Anglo-russkiy slovar'* [English-Russian Dictionary]. Moscow, Publ. of Foreign Dictionaries, 1982, 988 p. (In Russian).
7. Gak V.G. *Novyy frantsuzsko-russkiy slovar'* [New French-Russian Dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000, 1195 p. (In Russian).
8. Kubryakova E.S. *Tipy yazykovykh znacheniy. Semantika proizvodnogo slova* [Types of Linguistic Meanings. Semantics of Derivative Word]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 200 p. (In Russian).
9. Levitskiy V.V. Semanticheskii sinkretizm v indoevropeyskom i germanskom [Semantic syncretism in Indo-European and Germanic]. *Voprosy yazykoznaniya – Issues in Linguistics*, 2001, no. 4, pp. 94-106. (In Russian).

10. Kolesov V.V. *Istoriya russkogo yazyka* [History of the Russian Language]. St. Petersburg, Philological Faculty of St. Petersburg State University Publ., 2005, 669 p. (In Russian).
11. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1966, 607 p. (In Russian).

Received 12 July 2017

Reviewed 19 August 2017

Accepted for press 15 November 2017

Information about the author

MIRONOVA Diana Mikhailovna, Candidate of Philology, Teacher of Russian Language as a Foreign of Modern Russian Linguistics Department, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation; Teacher of Latin Language of Foreign Languages with the Course of Latin Department, Bashkir State Medical University, Ufa, Russian Federation, e-mail: u428302@yandex.ru

For citation

Mironova D.M. Ob iskonnoy semantike glagola «бить» [About the original semantics of the verb «бить» (to beat)]. *Neofiliologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 4 (12), pp. 30-34. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 881/886

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ СПИСОК «ЗАДОНЩИНЫ»: СКОЛЬКО РАЗ И КАКИЕ РЕДАКЦИИ «ЗАДОНЩИНЫ» СВЕРЯЛИСЬ С ТЕКСТОМ «СЛОВА»?

© Алексей Алексеевич БУРЫКИН

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9

E-mail: albury@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрена текстологическая связь фрагментов «Слова о полку Игореве» и «Задонщины», приведено авторское осмысление наблюдений о соответствиях отдельных слов и каких-либо фрагментов, которые индуцируют текстовой фон «Слова» и Кирилло-Белозерского списка «Задонщины» в целом; подчеркнуто, что отмечены почти точные совпадения значимых фрагментов большого объема, которые могут быть только продуктом сверки текста «Слова о полку Игореве»; доказано, что со «Словом о полку Игореве» учеными повторно сверялись фрагменты его текста и находящиеся в разных местах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины», однако были не выявлены в ней той линейной позиции, какую они имеют в «Слове о полку Игореве», между тем, это служит одним из самых надежных свидетельств повторной сверки Кирилло-Белозерского списка «Задонщины» и «Слова о полку Игореве». Обосновано, что из неясных текстологических вопросов «Задонщины» стоит указать на необходимость точных совпадений или близости объемных фрагментов текста в двух редакциях или внутри Пространной редакции, что весьма важно для выяснения вопроса о возможной взаимной сверке других списков «Задонщины» или их протографов.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве»; «Задонщина»; текстологическая связь

Проблема соотношения текста «Слова о полку Игореве» и Краткой редакции «Задонщины», представленной одним-единственным Кирилло-Белозерским списком, привлекала внимание многих исследователей. В альтернативах ответа на вопрос, какая редакция «Задонщины» – Краткая или Пространная – является более ранней и более близкой к авторскому тексту (тут по умолчанию предполагается, что влияние «Слова» на «Задонщину» проявлялось уже в авторском тексте последней), заключена не только принципиальная проблема текстологии «Задонщины», но от того или иного решения этой проблемы зависит оценка гипотезы А.А. Зимина о появлении текста «Слова о полку Игореве» в XVIII веке и использовании «Задонщины» при его написании. Кроме этого, можно признать, что изучение текстологии «Задонщины» и выяснение взаимоотношения ее отдельных списков еще далеко от завершения – здесь мы имеем в виду как соотношение Кирилло-Белозерского списка (К-Б)¹ и списков Пространной редакции, так и историю отдельных списков Пространной редакции «Задонщины».

А.А. Зимин писал: «Слово о полку Игореве» не могло быть источником Краткой редакции «Задонщины», ибо все общие места этих памятников находятся в более близком текстологическом соотношении именно с Пространной редакцией «Задонщины». Иными словами, «Слово» непосредственно связано с Пространной, а не с Краткой редакцией «Задонщины».

Текстологическую связь «Слова» с Пространной редакцией «Задонщины» можно было бы объяснить лишь двумя путями: или к «Слову» обращались дважды (то есть составители Краткой [Поскольку было доказано, что «Слово» во всех фрагментах ближе именно к Пространной редакции, то окончательный ответ на вопрос о возможности влияния «Слова» на Краткую «Задонщину» должен быть решен при сопоставлении не с Краткой, а с Пространной редакцией] и Пространной редакцией), или тем, что «Задонщина» Пространной редакции явилась источником «Слова». Первый случай, допустимый чисто логически, фактически исключен, ибо все отличия «Задонщины» Пространной редакции от К-Б, как было показано, объясняются их происхождением от «Сказания о

Мамаевом побоище» и Никоновской летописи или редакционной переработкой текста Краткой редакции. *Никаких следов того, чтобы чтения, отличающие протограф $У^2$, $И1^3$, $И2^4$ и $С^5$ от К-Б, могли восходить к какому-либо другому источнику (то есть к Слову о полку Игореве), обнаружить не удается*» [1, с. 101].

В первой главе своей книги А.А. Зимин говорит: «Если будет доказано, что «Слово» текстологически связано только с Пространной редакцией «Задонщины», а последняя восходит к Краткой и не имеет никаких других источников, которые могут быть отождествлены непосредственно (или опосредованно) со «Словом», то Песнь о походе Игоря придется признать произведением вторичным, а «Задонщину» Пространной редакции первичной» [1, с. 16]. Все дальнейшее содержание главы 1 посвящено обоснованию данного тезиса. Ошибочность его была показана уже дважды – Р.П. Дмитриевой [2] (о которой А.А. Зимин говорит: «Изолировав проблему списков «Задонщины» от Слова, она сосредоточила свое внимание на тезисе о позднем происхождении К-Б списка. Увы, и это оказалось невозможным» [1, с. 144]) и Л.В. Соколовой [3].

Среди сторонников вторичности Краткой, ефросиновской редакции «Задонщины» А.А. Зимин называет С.К. Шамбинаго [1, с. 17] и В.Ф. Ржигу [1, с. 20], однако он не склонен соглашаться с их выводами. В результате спор о Пространной и Краткой редакции «Задонщины» превращается в спор с заданными итогами, автор не предложил ничего своего в решении вопроса о генезисе «Задонщины». И далее автор-скептик критикует оппонентов, обращаясь к своим гипотезам как к чему-то доказанному: «Но все построение Т. Чижевской рушится, если считать Краткую редакцию «Задонщины» первичной» [1, с. 107] – как мы уже сказали, Краткая редакция «Задонщины» как раз вторична, что бы ни повторял автор [1, с. 112 и др.].

Проблема присутствия элементов текста «Слова о полку Игореве» в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» была предметом внимательного рассмотрения в работах А.В. Соловьева [4, с. 257-262] и Н.К. Гудзия [5].

Попробуем разобраться в проблеме, рассмотрев наиболее интересные пассажи Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»

К-Б: *«Первее всех, вшед, восхвалимъ вещаго Бояна в городе в Киеве, гораздо гудца. Той бо вещей Боян, воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу рускыимъ княземъ»*: Наименование Бояна «гудцом» есть во всех списках «Задонщины», его нет в «Слове», однако эта лексема присутствует в «Повести об Акире Премудром» – памятнике, находившемся в одном сборнике со «Словом», и, как мы полагаем, переведенного автором «Слова». К исправлению текста по «Слову» явно относятся слова *Боянъ вещей (В списке У – тот боярин, в И1 – тот боюн, в С – Тотъбодей похвалы вещи буины)*. Ясно, что правильное чтение не могло быть восстановлено в К-Б без обращения к «Слову», поскольку списки Пространной редакции демонстрируют по существу утрату смысла.

1. Список К-Б: *Се бо князь Великийи Дмитрии Иванович и брат его князь Володимер Одреевич, поостриша сердца свои мужеству, ставше своею крепостью, помянувшие прадеда...*

Список У: *истезавше ум свои крѣпкою крепостью и поостриша с(е)рдца свои мужеством и наполниа ратного духа, уставивша собѣ храбрыя воеводы в Рускои землѣ...*

Список С: *истежавше умы свои крепостею, и поостри сердце свое мужеством и наполниа роснаг(о) д(у)ха, и вставивша собе хибрия полтиа рускои...*

Список И1: *стяжав умъ свои крѣпостию, и поостриша с(е)рдца своя муж(е)ством, и наполниас(я) ратного духа, и уставивша себе храмныя полѣкы...*

«Слово»: *отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягнуумъ крѣпостию своею и поостри <и> сѣрдця своего мужьствомъ, напълнивъся ратного духа, наведе своя храбрыя пѣлкы на землю Половецкую за землю Русьскую.*

Место изначально неясное, тут усматривается текст молитвы Троице перед чтением Псалтири: ср. господи, управлюмъ мои, и утверди сердце мое (см. [6, с. 95]). Во всех списках текст «Слова» показывает различия:

этот фрагмент К-Б со «Словом», как понятно, при создании Краткой редакции не сверялся.

2. Список К-Б: *Кони ржуть на Москве, бубны бьют на Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенит слава по всей земли Русьскои, чудно стязи стоять у Дону великого, паишутся хоригови берчати, светяться калантыри злачены.*

Список У: *На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всеи земли Рускои, в трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дунаю великого на брезѣ...*

Список С: *Кони ирзуть на Москве, трубы трубят у Серпугове, бубны бубнят на Коламне, звинит слава по всеи земли Рускои, чудно стези стояти у великого Дону на бере-зи...*

Список И1: *На Москвѣ кони ржуть, звенит слава русская по всеи земли Рускои, трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в Серпуховѣ, стоят стязи у Дону у великого на брезе...*

«Слово»: *Комони ржуть за Сулою, звенит слава въ Киевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ. Игорь ждетъ мила брата Всеволода.*

Совпадения в порядке слов начала фрагмента дают списки К-Б и С. Однако на фоне точно совпадающего *звенит слава по всей земли Русьскои* (со вставкой *руская* в И1) едва ли тут можно видеть влияние текста «Слова» – оно скорее видится в словах *пашутся хоругви берчати* (ср. *розносяимъ хоботы пашють* – при присутствии слова *хорюговъ* в другом месте «Слова»), чего нет более ни в одном списке Пространной редакции «Задонщины».

3. Список К-Б: *Тако рече князь великийи Дмитрие Иванович своей братии русскимъ княземъ: «Братъеца моя милая, русские князи, гнездо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича. Досюды есмя были, брате, никуды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни белу кречату, ни тому псу поганому Мамаю».*

Список У: *И рекше имъ кн(я)зь великийи Дмитрие Иванович: «Братия и кн(я)зи руские, гнѣздо есмя были великого кн(я)зя Владимира Киевскаго, не в обиде есми были по роженю ни ястребу, ни крѣчату, ни черному ворону, ни поганому сему Мамаю».*

Список С: *«Кн(я)зи есмо рускийи, гнездо есмо кн(я)зя Володимера Киевскаго, рускаго царя доселя есмо были не обижены ни откого, ни ястребу, ни соколу, ни белоозерскому кречету, ни тому ж псу поганому цару Мамаю».*

Список И1: *«Брат(ъ)я и кн(я)зи руския, гнѣздо есмя великого кн(я)зя Владимира Киевскаго, ни в обиди есмя были ни кречету, ни черному ворону, ни поганому Мамаю».*

«Слово»: *«Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чьрныи воронѣ, поганыйи половчине!».*

Гнездом князя Владимира герои «Задонщины» называются во всех списках (и опять-таки фраза хорошо сохранена во всех списках), но перечень птиц начинается с сокола только в «Слове» и списке К-Б. Слова *черный ворон* пропущены в списке С.

4. Список К-Б: *Ти бо бѣше сторожевыя полкы на щите решены, под трубами повиты, под шеломы възлелеаны, конецъ копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовьскои земли.*

Список У: *храбры, кречаты в ратном времени и вѣдомы полѣводцы, под трубами, под шеломы злачеными в Литовской земли.*

Список С: *храбрии, родишас(ъ) в ратное време, под трубами нечистых кочаны коней вскормлены, с коленых стрел воспоены в Литовской земли.*

Список И1: *с(ы)нове храбрии, кречати в ратномъ времени, ведоми полководцы, под трубами и под шеломы возлелѣяны в Литовьскои земли.*

«Слово»: *А мои ти куряне свѣдомикъмети; подѣ трубами повити, подѣ шеломы възлелѣяни, конецъ копія въскърмленни; пути имъ вѣдоми...*

Данный фрагмент, где в списке К-Б и «Слове» совпадают по порядку и различаются лишь по форме 9 лексем подряд, явно выработан по «Слову». В других списках он присутствует в разной степени сохранности: более того, слова *на щите решены* (*-рождены*), и *с востраго меча поены* – начало и конец интересующего нас фрагмента – вполне могли бы принадлежать «Слову». Однако фрагмент списка С *сколеных стрел воспоены*, соотносящийся с К-Б, свидетель-

ствуется о том, что это не вставка составителя Краткой редакции, а лишь правка текста.

5. Список К-Б: *Сядемъ, брате, на свои борзи комони, испиемъ, брате, шелономъ своимъ воды быстрого Дону...*

Список У: *а сами сядем на добрые кони своя, и посмотрим быстрого Дону.*

Список С: *а сами усядем на борздыя кони, посмотрим бистрого Дону, сопием шелоном воды...*

Список И1: *и сами сядем на борзые своя комони, посмотримъ быстрого Дону...*

«Слово»: *«А въсядемъ, братіе, на своя бързые комони, да позримъ синего Дону!»*

Текст К-Б *Сядемъ, брате, на свои борзи комони* соотносится с текстом «Слова», за исключением морфологических особенностей и формы *брате* вместо *братіе*. Любопытно, что слова *посмотрим быстрого Дону* оказываются неизменными в трех списках Пространной редакции.

6. Список К-Б: *Седлай, брате Ондреи, свои борзи комони, а мои готови напреди твоих оседлани...*

Список У: *Сѣдлаи, брате Андрѣи, свои доброй конь, а мои готов осѣдлан.*

Список С: *Седлаи, брате Ондреи, свои кони, а мои подеманы.*

Список И1: *Седлаи, брате Ондреи, свои борзые комони, а мои готовы...*

«Слово»: *Сѣдлаи, брате, своя бързые комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напреди.*

В сравниваемом отрывке совпадают пять слов, причем текст списка И1 даже ближе к «Слову», чем текст К-Б.

7. Список К-Б: *Из тучи выступи кровавая оболоча, а из них паиють синие молнии. Быти стуку и грому велику.*

Список У: *из них же выступали кровавые зори, а в них трепѣжуются сил(ь)ные молнии. Быти стуку великому.*

Список С: *пролишася сил(ь)ныя кровавые зори, в них же трепещут сил(ь)ныя молнии. Быти утупу великому...*

Список И1: *из них выступают кровавые зори, и в нихъ трепещутъ сил(ь)нии молнии. Быти стуку велику...*

«Слово»: *кръвавые зори свѣтъ повѣдаютъ, чърныя туча съ моря идуть, хотятъ прикрыти д сѣнця, а въ нихъ трепещутъ синія мълніи. Быти грому великому!*

Самое примечательное – нелепое *сил(ь)нии молнии* всех трех списков исправлено на закономерное *синии мълнии* только в К-Б, и это можно было сделать только по рукописи «Слова». Существенно также, что слова К-Б *Быти стуку и грому велику* могли быть уточнены по тексту «Слова».

8. Список К-Б: *Тогда же князь великийи Дмитреи Иванович ступи во свое златое стремя, всед на свои борзый конь, прийма копие в правую руку.*

Список У: *Тогда кн(я)зь великийи Дмитреи Ивановичъ воступив во златое свое стрѣмя и взял свои мечъ в правую руку и помолися б(о)гу...*

Список С: *воступает во злощное свое стремя и взял меч свои во правую руку...*

Список И1: *Тогда княз(ь) великийи въступи въ златое стремя, взял свои меч въ правую руку свою...*

«Слово»: *Тъгда въступи Игорь князь възлатъ стремя и поѣха по чистому полю.*

Здесь опять при разбросе текстов Пространной редакции текст К-Б выглядит выверенным по «Слову», хотя максимально ближе к «Слову» оказывается текст списка И1.

9. Список К-Б: *Тогда поля костьми на-сеяны, кровью полиано.*

Список У: *Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ земля пролита бысть.*

Список С: *Черная земля под копытами под кост(ь)ми татарскими носити кров(ь)ю земля.*

Список И1: *Черна земля под копыты, костьми татарскими поля насѣяша, кровью земля пролита.*

«Слово»: *Чърна земля подѣ копыты ко-стью была посѣяна, а кръвію поляна, туюго възыдоша по Русьской земли.*

Опять странный парадокс: слова *черна земля подѣ копыты* присутствуют в трех списках Пространной редакции, но отсутствуют в К-Б, где со «Словом» совпадает только форма *полиано*. Слова *костьми татарскими поля насѣяша* в двух списках повторяются, а в списке С этот фрагмент испорчен.

10. Список К-Б: *Того даже было лепо стару помолодиться. Хоробрый Пересвет поскакивает на своемъ вещемъ сивце, свистомъ поля перегороди, а ркучи таково слово:*

«Слово»: *А чи дивося, братие, стару помолодити? Дети бьсови кликомъ поля прегородиша.*

Отрывки, приведенные здесь, вообще не проявляются в списках Пространной редакции «Задонщины». Вместе с тем – и это обстоятельство начинает иметь важнейшее значение – порядок сходных элементов текста в «Задонщине» и «Слове» начинает изменяться: близкие или совпадающие сегменты текста «Слова» могут встречаться в разных местах «Задонщины». Такое соотношение текстов, в котором позиции отдельных фрагментов линейно не соответствуют друг другу, но при этом сами фрагменты оказываются точно совпадающими или очень близкими, свидетельствует об одном – текст «Задонщины» выверялся по «Слову» не только «дважды», что показалось невероятным А.А. Зимину, а неоднократно, многократно, конкретно – возможно, столько раз, сколько раз мы наблюдаем линейное несовпадение фрагментов «Слова» и «Задонщины», и каждое такое обращение вынуждало редактора «Задонщины» обращаться к тексту «Слова» за уточнением переписываемого фрагмента.

11. Список К-Б: *Уже, брате, пастуси не кличють, ни трубы не трубять, толко чаето ворони грають, зогзици кокують...*

«Слово»: *Тьгда по Русьскои земли рѣдко ратаеве кыкахуть, нѣ чясто врани граяхуть, трупия себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говорахуть... Уныли голоса, поничевеселіе, трубы трубять городеньскыя.*

В Списке К-Б сведены вместе два фрагмента «Слова», находящиеся в разных местах памятника. В Пространной редакции «Задонщины» параллели к этим местам отсутствуют.

12. Список К-Б: *«Доне, Доне, быстрый Доне, прошел еси землю Половецкую, пробил еси берези харалужныя, прилелеи моего Микулу Васильевича».*

Список У: *«Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горыи течешы в землю Половецкую. Прилѣлѣи моего г(о)с(по)д(и)на Микулу Васильевича ко мнѣ».*

Список С: *«Доне, Доне, быстрая река, прорыла ест(ь) каменя горы, течешы в землю Половецкую, прилелеи моего господаря ко мне Микулу Васил(ь)евича»*

Список И1: *«Доне, Доне, быстрая рѣка, прирылаеси горы каменныя, течешы в землю Половецкую. Прилѣлѣи моего г(о)с(у)д(а)ря къ мнѣ Микулу Васил(ь)евич(а)»*

Список И2: *«Донѣ, Донѣ, быстрая рѣка, прорыла еси каменныя горы, а теч(е)ши в землю Половецкую. Прилѣлѣи г(оспо)д(и)на моего ко мнѣ Микулу Васил(ь)евич(а)».*

«Слово»: *«О Днѣпре Словутичю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую».*

Здесь текст «Слова» лучше представлен в Пространной редакции, где отличается высокой степенью единообразия.

Наши наблюдения совпадают с наблюдениями А.В. Соловьева [4, с. 257, 258, 259, 260], однако, мы обращаем внимание на корреспонденции значительных по объему фрагментов «Слова» списка К-Б «Задонщины». Если соответствия отдельных слов и каких-либо фрагментов могут быть индукцией текстового фона «Слова» в списке К-Б и в «Задонщине» в целом, то почти точные совпадения значимых фрагментов большого объема могут быть только продуктом сверки списка К-Б и текста «Слова». То, что со «Словом» повторно сверялись фрагменты его текста, находящиеся в разных местах «Задонщины», и не имеют в ней той линейной позиции, какую они имеют в «Слове», служит одним из самых надежных свидетельств повторной сверки списка К-Б «Задонщины» и «Слова».

Из неясных текстологических вопросов «Задонщины» стоит указать на необходимость точных совпадений или близости объемных фрагментов текста в двух редакциях или внутри Пространной редакции, что весьма важно для выяснения вопроса о возможной взаимной сверке других списков «Задонщины» или их протографов.

Примечания

1. К-Б – Кирилло-Белозерский список
2. У – список Ундольского В.И.
3. И1 – список из собрания Государственного исторического музея.
4. И2 – список из собрания Государственного исторического музея.
5. С – Синодальный список

Список литературы

1. Зимин А.А. Слово о полку Игореве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
2. Дмитриева Р.П. Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». Москва; Ленинград: Наука, 1966. С. 199-263.
3. Соколова Л.В. Первоначально ли Краткая редакция «Задонщины»? (В связи с новейшими работами о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины») // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская Академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Н.В. Понько. СПб., 2014. Т. 62. С. 673-724.
4. Соловьев А.В. Кирилло-Белозерский список «Задонщины» и «Слово о полку Игореве» // Культура Древней Руси: сб. ст., посвящ. 40-летию научной деятельности Н.Н. Воронина. М.: Наука, 1966. 328 с.
5. Гудзий Н.К. Литература Киевской Руси и украинско-русское литературное единение XVII–XVIII веков. К., 1989.
6. Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2002.

Поступила в редакцию 24.08.2017 г.

Отрецензирована 18.10.2017 г.

Принята в печать 22.11.2017 г.

Информация об авторе

БУРЫКИН Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий специалист словарного отдела, Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: albury@rambler.ru

Для цитирования

Бурыкин А.А. «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский список «Задонщины»: сколько раз и какие редакции «Задонщины» сверялись с текстом «Слова»? // Нефилология. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 35-41.

UDC 881/886

“THE TALE OF IGOR’S CAMPAIGN” AND KIRILLO-BELOZERSKY LIST OF “ZADONSHCHINA”: HOW OFTEN AND WHICH EDITORIAL VERSIONS WERE COMPARED WITH THE TEXT OF “THE TALE”?

© Aleksey Alekseevich BURYKIN

Institute of Linguistic Researches of RAS

9 Tuchkov Ln., St. Petersburg, Russian Federation, 199053

E-mail: albury@rambler.ru

Abstract. The textological connection between fragments of “The Tale of Igor’s Campaign” and “Zadonshchina” is considered. The author’s examination understanding of correspondence of separate words and some fragments which induce text background of “The Tale” and Kirillo-Belozersky list of “Zadonshchina” are studied and in general it is highlighted that almost accurate correspondence of the important fragments of high volume, which can be the product of matching the text of “The Tale of Igor’s Campaign”; it is proved that the scientists repeated the comparison of some fragments of the text and being in different places of Kirillo-Belozersky list of “Zadonshchina”, but there was not revealed the linear position which they have in “The Tale of Igor’s Campaign”, meanwhile this is one of the most firm evidence of the repeated comparison of the list of Kirillo-Belozersky list of “Zadonshchina” and “The Tale of Igor’s Campaign”. It is founded that from not clear textological issues of “Zadonshchina” we should point out the necessity of accurate correspondence or closeness of high volume fragments of the text in two editing or inside Extensive Edition, that is very important for clearing up the question of possible intermutual checking of other lists of “Zadonshchina” and their protograph.

Keywords: “The Tale of Igor’s Campaign”; “Zadonshchina”; textological connection

References

1. Zimin A.A. *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor's Campaign]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin's Publ., 2006. (In Russian).
2. Dmitrieva R.P. Vzaimootnoshenie spiskov i redaktsiy «Zadonshchiny» i tekst «Slova o polku Igoreve» [Relations between lists and editions of “Zadonshchina” and text of “The Tale of Igor's Campaign”]. *«Slovo o polku Igoreve» i pamyatniki Kulikovskogo tsikla. K voprosu o vremeni napisaniya «Slova»* [“The Tale of Igor's Campaign” and Monuments of Kulikovsky Cycle. To the Issue of the Time of Writing “The Tale”]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, pp. 199-263. (In Russian).
3. Sokolova L.V. Pervonachal'na li Kratkaya redaktsiya «Zadonshchiny»? (V svyazi s noveyshimi rabotami o vzaimootnoshenii «Slova o polku Igoreve» i «Zadonshchiny») [Was the short edition of “Zadonshchina” first? (In connection with new works on correlaton of “The Tale of Igor's Campaign” and “Zadonshchina”)]. In: Ponyrko N.V. (executive ed.). *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of Ancient Literature Department]. St. Petersburg, Russian Academy of Sciences. Institute of Russian Literature (Pushkinskiy House). 2014, vol. 62, pp. 673-724. (In Russian).
4. Solov'ev A.V. Kirillo-Belozerskiy spisok «Zadonshchiny» i «Slovo o polku Igoreve» [Kirillo-Belozersky list of “Zadonshchina” and “The Tale of Igor's Campaign”]. *Sbornik. statey, posvyashennykh 40-letiyu nauchnoy deyatel'nosti N.N. Voronina «Kul'tura Drevney Rusi»* [Digest of Articles Dedicated to 40th Anniversary of Scientific Activity of N.N. Voronin “Culture of Ancient Rus”]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 328 p. (In Russian).
5. Gudziy N.K. *Literatura Kievskoy Rusi i ukrainsko-russkoe literaturnoe edinenie XVII–XVIII vekov* [Literature of Kievan Russia and Ukrainian-Russian Literature Unity of 17–18th Century]. Kiev, 1989. (In Russian).
6. Pikkio R. *Istoriya drevnerusskoy literatury* [History of Ancient Literature]. Moscow, 2002. (In Russian).

Received 24 August 2017

Reviewed 18 October 2017

Accepted for press 22 November 2017

Information about the author

BURYKIN Aleksey Alekseevich, Doctor of Philology, Doctor of History, Leading Specialist of Lexicographic Department, Institute of Linguistic Researches of RAS, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: albury@rambler.ru

For citation

Burykin A.A. «Slovo o polku Igoreve» i Kirillo-Belozerskiy spisok «Zadonshchiny»: skol'ko raz i kakie redaktsii «Zadonshchiny» sveryalis' s tekstem «Slova»? [“The Tale of Igor's Campaign” and Kirillo-Belozersky list of “Zadonshchina”: how often and which editorial versions were compared with the text of “The Tale”?]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 4 (12), pp. 35-41. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 811.161

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ СЛОВ: ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ И ОНОМАСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

© Антонина Семеновна ЩЕРБАК

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: ant_scherbak@mail.ru

© Анастасия Александровна КАЗАНКОВА

МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 33»
392001, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Гастелло, 38
E-mail: medmewka@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрен активный процесс взаимодействия между нарицательными существительными и именами собственными, который проявляется в том, что имена собственные являются и порождением национального языка и одной из ее составляющих. Ономастические единицы, формируя систему знаний о мире, представляют собой результат постижения человеком явлений реального мира и их интерпретацию языковым сознанием. Стилистически маркированные имена собственные типа *Собака, Воробей, Муха, Картошка, Паук, Камбала, Корова* свидетельствуют об усилении интерпретации нарицательных существительных *собака, воробей, муха, картошка, паук, камбала, корова*, хорошо известных нам с детства. Установлены отличия когнитивной группы слов от тематической группы и лексико-семантической группы в трех аспектах, доказано, что когнитивные группы слов как бы отбирают из тематической группы и лексико-семантической группы наиболее употребительную и частотную лексику; в когнитивных группах слов приобретают равный статус слова разных лексико-семантической групп в границах одной тематической группы и даже слова разных тематических групп, слова одной лексико-семантической группы, соотносящейся с когнитивной группой слов по смыслу, могут быть представлены не полностью; в когнитивных группах слов представлена лексика, актуально соотносящаяся с реалиями окружающего мира.

Ключевые слова: когнитивная ономастика; онимическая система; словарный материал; соотношение

Лексикология традиционно оперирует двумя типами группировок слов и двумя понятиями, связанными с основаниями группировок слов. Тематические группы слов (ТГ) выделяются на понятийной основе, причем тематическая классификация лексики, не выходящая за границы понятий, может быть многоуровневой – эта многоуровневость хорошо представлена в любом тематическом словаре любого языка. Группировки лексики другого типа – это лексико-семантические группы слов (ЛСГ), которые выделяются на основе общности лексического значения. Так, в тематической группе названий человека выделяются возрастные наименования человека *мальчик, парень, юноша, мужчина, старик, девочка, девушка, женщина, старуха*. Наряду с ними выделяются термины родства, учитывающие частично те же смысловые семантические признаки пола и возраста – *отец, дед, сын, внук, брат, мать, бабушка, дочь, внучка, сестра*.

Собственно говоря, термины родства могут рассматриваться и как тематическая группа, и как лексико-семантическая группа, и каждая группировка – названия старших родственников, названия младших родственников, названия родственников по боковой линии *дядя, тетя, племянник, племянница* – выступает в статусе тематической группы по отношению к новым лексико-семантическим группам, которые она объединяет. Гипокористические формы имен будут употребляться в соответствии не с абсолютным, а с относительным возрастом говорящих – таким образом, столь тривиальный объект, как личные имена, оказывается приложимым к нескольким группам объектов, границы между которыми достаточно искусственны. Кроме названий людей разного возраста, личные имена могут применяться и как имена кукол, а в диалектах (и не только в диалектах) и как имена домашних животных (ср. у И.А. Крылова «Кот Васька плут, кот Васька вор», у

М. Булгакова «Вылезай, окаянный Ганс!» опять же в применении к коту (М. Булгаков очень точен: Ганс, Hans – это наиболее распространенное кошачье имя у немцев, а поскольку Воланд говорит о себе, что он «Да, пожалуй, немец...», то и кот из его свиты именуется немецким именем. Трудно разобратся в том, почему в русских народных говорах то или иное личное имя-антропоним связывается с определенным видом животных: кот – Васька, а поросенок – Борька и т. п. Иногда имена животных либо восходят к особому имени, характеризующемуся особой онимической эксклюзивностью (например, клички собак *Бобик*, *Тобик*, *Жучка*, *Дик* и т. п.), или даже к нарицательным именам, распределяемым в функции онимов по особым нормам, – так, имена лошадей объединяют по форме имен отца и матери жеребенка. Этот эпизод обыгран в старом фильме «Смелые люди»: старый коневод отказывает своей дочери в инициативе назвать жеребенка *Буяном* и говорит, что имя коня должно включать часть имени отца и часть имени матери. Оказывается, что имя *Буян* все-таки как нельзя лучше подходит данному жеребенку по самым строгим нормам и правилам именования лошадей, потому что он родился от *Бунчука* и *Ясной*.

Интересный пример, иллюстрирующий обратный ход лингвистической процедуры, – поиск онима внутри когнитивной группы (вместо выбора какой-либо единицы из когнитивной группы для именования) – представлен в рассказе А.П. Чехова «Лошадиная фамилия». Все герои рассказа заняты поиском лексических единиц, связанных с концептом «лошадь», от которых могла образоваться фамилия акцизного, умеющего заговаривать зубы. В завершении рассказа раскрывается, что фамилия акцизного на самом деле лошадиная, но она находится на крайней периферии когнитивной группы и связана с кормом для лошадей – его фамилия *Овсов*. Заметим, что фамилия эта, скорее всего, была выдумана А.П. Чеховым.

В последнем примере мы уже находим выход на когнитивные группы лексики в приложении к когнитивной ономастике, который в настоящее время все больше привлекает внимание ученых, поскольку когнитивная ономастика ориентируется «на изучение

языка как одной из когнитивных подсистем и той роли, которая отводится ономастической лексике в концептуализации действительности» [1, с. 75], исходит из того, что ономастические единицы являются непосредственной частью познавательной деятельности.

Только в 2016 г. была опубликована первая хрестоматия по когнитивной ономастике, включающая статьи ученых из Австрии, Венгрии, Германии, Польши, Финляндии за 2004–2014 гг., что свидетельствует о продуктивности использования когнитивного подхода при изучении имен собственных [2].

Заметим, что в антропонимике также могут быть выделены когнитивные группы. Если русский антропонимикон включает несколько тысяч имен, то в активном использовании ныне задействованы только несколько десятков, причем их распределение по возрастам и по регионам характеризуется неоднородностью: так, мы имеем дело с антропонимическими сегментами региональных картин мира.

С еще большей отчетливостью когнитивные группы имени проявляются при формировании инвентаря прозвищ – в этом классе антропонимов из всех классов слов, лежащих в основе прозвищных имен, представлены далеко не все лексемы, входящие в те лексико-семантические группы, из которых извлекается материал для прозвищ и впоследствии фамилий. Трудно найти объяснения тому, почему в прозвищах, восходящих к характеристике человека по внешности или физическому состоянию, преобладают слова с отрицательной оценочной семантикой. Здесь можно разбить слова соответствующих лексико-семантических групп на две подгруппы, составляющие разные лексико-семантические группы – слова с положительной оценочностью и слова с отрицательной оценочностью, но это мало что даст нам в понимании того, почему эти группы проявляют разное отношение к онимизации. Понимание этих группировок слов как когнитивных групп позволит вскрыть их асимметричный характер (заметим, что положительные и отрицательные оценки внешности и здорового/нездорового состояния человека чаще всего не формируют антонимических пар). И это наблюдение дает понять, почему положительные и отрицатель-

ные оценки внешности человека характеризуются разной степенью вовлечения в ономастикон и, соответственно, разной степенью сближения их с ономастической картиной мира.

Яркий пример оппозиции центра и периферии в когнитивной группе антропонимов приведен в повести Н.В. Гоголя «Шинель»: при крещении младенца – главного героя повести в соответствии со святыми ему должны были достаться явно маргинальные имена, находящиеся уже для русского языка первой половины XIX века за пределами когнитивной группы мужских имен. И лишь имя отца героя *Акакий* – и без того почти что маргинальное – более или менее устроило родителей и батюшку, крестившего младенца, хотя в этом случае нормы традиционного русского имянаречения по православному обряду были нарушены.

Противоречивость классификации лексик, когда одна и та же группа слов может описываться и как тематическая группа слов, и как лексико-семантическая группа слов, когда многозначное слово входит в несколько разных тематических групп и лексико-семантических групп в своих разных значениях, в традиционной лексикологии не преодолена до сих пор и, кажется, непреодолима.

В рамках когнитивной ономастики ученые рассматривают урбанонимы как устойчивые вербальные символы, являющие собой «прототипическую категорию, обладающую определенными категориальными признаками, удовлетворяющими двум основным требованиям когнитивного понимания прототипической категории: их деятельностьное функционирование основано на сочетании принципов структурной стабильности и гибкой приспособляемости» [3, с. 141].

Рассматривая урбанонимы и имена нарицательные в аспекте понятия «прототипическая категория», необходимо разграничивать понятия концептосферы онимов и концептосферы имен нарицательных. Особый интерес в этом плане представляют собой урбанонимические единицы языка, поскольку любой урбаноним именуется дважды: употребляется как географический объект (улица, проспект, площадь, тупик, переулок) и как его название. Ср.: *улица Красная, Красная площадь, Красный проспект, Крас-*

ный переулок, Красный тупик; улица Ленина, площадь Ленина, переулок Ленина, проулок Ленина, Ленина 2-й тупик (в городе Железноводск Ставропольского края), *тупик Ленина* в с. Советское (Дагестан). Только в современном городе Санкт-Петербурге имеется *площадь Ленина, улица Ленина, проспект Ленина* (не считая собственно *Ленинского*). Подобного рода названия отражают принцип «избранности», интерпретируемый субъектом, формируют внутрикатегориальные связи и определяют содержательный потенциал урбанонимической категории, которая понимается как *объединение имен собственных на основе общего концепта ЛОКУС*.

В состав этого объединения входят *годонимы* (названия адресных линейных объектов: аллеи, проспекты, проезды, площади, переулки, набережные, улицы, тупики, шоссе и т. п.), *микроурбанонимы, или микротопонимы* (названия городских линейных объектов, не имеющих официальную закрепленность и употребляющиеся только в сфере устного общения), *эргонимы* (названия коммерческих предприятий), *ойкодонимы* (названия зданий), *микродримонимы* (названия парков), *агоронимы* (названия городской площади, рынка) и т. п. [4, с. 27, 52, 83, 139, 151; 5].

Когнитивный подход к изучению лингвистических фактов, выработанный в недрах философии языка и когнитивной лингвистики, позволил в теории и в методологии описания лексического состава языка существенно продвинуться вперед в описании лексического состава языка, смысловой структуры языка, языковой и национальной картины мира и в целом ряде других направлений, изучающих смысловую сторону языка, процессы порождения и восприятия текста, разнообразные операции со смысловыми единицами. Однако в описании лексики и в равной мере в описании фрагментов картины мира, в особенности в значительном числе диссертационных работ, посвященных разным концептам на материале самых разных языков, из самой постановки вопроса явствует, что концепт в большинстве таких трактовок принадлежит уже не когнитивной, а языковой картине мира, поскольку словарная «начинка» и внешние связи концептов имеют диалектальную или языковую специфику.

На уровне исполнения описания фрагментов языковой картины мира понятие концепта часто отождествляется с понятием лексико-семантической группы слов, имеющих общие смыслы-семы со словом-доминантой, а иногда и с тематической группой слов – так, к концепту *ВОДА* будут относиться слова *река, ручей, озеро, болото, море, океан, пруд* (названия водоемов); *корабль, лодка, плот, байдарка, яхта, фрегат, бриг, бригантина* (названия средств передвижения по воде); *суп, борщ, уха* (названия жидких кушаний); *сок, чай, кофе, квас, водка, спирт, виски, джин* (названия напитков) и т. д., а понятие фрейма отождествляется с понятием тематической группы слов или понятийной области идеографического словаря.

Отмеченные выше противоречия в классификации лексики в границах традиционной лексикологии и размывание понятия концепта в когнитивных описаниях лексики могут быть преодолены введением нового классификационного понятия для лексикологии – понятия когнитивной группы слов. Когнитивная группа слов, или когнитивная лексическая группа (КЛГ) включает в себя лексические единицы, объективирующие концепт как когнитивную категорию [6; 7].

Отличия когнитивной группы слов от тематической группы и лексико-семантической группы могут быть представлены в трех аспектах.

Первое отличие. В когнитивных группах слов приобретают равный статус слова разных лексико-семантических групп в границах одной тематической группы и даже слова разных тематических групп. Так, концепт РОДСТВО объединит все термины кровного и некровного родства и термины, примыкающие к терминам родства, – термины отсутствующего родства (*сирота* – тот у которого нет детей, *бобыль* – тот, у которого нет ни детей, ни родителей, хотя может быть жена и родственники по браку, *вдовец* – тот, кто потерял жену, *вдова* – та, которая потеряла мужа), термины искусственного или приобретенного родства (*пасынок, падчерица, отчим, мачеха*). Концепт «свойство» (родство по браку) будет включать все соответствующие понятия, концепты «родственник» и «родственница» будут объединять термины родства с гендерными ограниче-

ниями. Термин «урбаноним» объединят термины широкого понимания, согласно словарю Н.В. Подольской, «урбаноним – вид топонима» [4, с. 139].

Второе отличие. В когнитивных группах слов слова одной лексико-семантической группы, соотносящейся с когнитивной группой слов по смыслу, могут быть представлены не полностью. Например, для современной русской системы родства такие термины родства, как *деверь, золовка, шурин, свояк*, еще не потеряли актуальности: они входят в систему терминов родства, фиксируются словарями, присутствуют в словарных карточках, встречаются в текстах, они понятны большей части носителей русского языка. Однако они не войдут в когнитивную группу слов-терминов родства именно в силу своего периферийного положения в лексико-семантической группе терминов родства. Когнитивные группы слов как бы отбирают из тематической группы и лексико-семантической группы наиболее употребительную, наиболее частотную лексику. По предварительно сложившимся представлениям, в когнитивные группы лексики входят либо те слова, которые сами соотносятся с концептами, как бы обладая простой, элементарной смысловой структурой (*мать* – это «мать», *кошка* – это «кошка»), либо слова со смысловой структурой относительно простого состава: *стул* – это мебель для сидения с ножками (не *банкетка* и не *пуф*), со спинкой (не *табуретка*), но без подлокотников (не *кресло*).

Обращают на себя внимание строки из стихотворения метафизического произведения Н. Заболоцкого «Меркнут знаки Зодиака».

Меркнут знаки зодиака
Над просторами полей.
Спит животное Собака,
Дремлет птица Воробей.

...
Меркнут знаки Зодиака
Над постройками села,
Спит животное Собака,
Дремлет рыба Камбала.

Колотушка тук-тук-тук,
...
Спит животное Паук.
Спит Корова, Муха спит,
...
Спит растение Картошка.

Как видим, между нарицательными существительными и именами собственными осуществляется активный процесс взаимодействия, который проявляется в том, что имена собственные являются и порождением национального языка, и одной из ее составляющих. Стилистически маркированные имена собственные *Собака, Воробей, Муха, Картошка, Паук, Камбала, Корова* свидетельствуют об усилении интерпретации нарицательных существительных *собака, воробей, муха, картошка, паук, камбала, корова*, хорошо известных нам с детства. Имена собственные материально совпадают с именами нарицательными – обиходными словами того же языка. Бесспорно, приведенная группа слов дает нам в руки факт ономастической омонимии – омонимии имен собственных и нарицательных, причем, что немаловажно, эта омонимия имеет внутриязыковой характер и отражает наши общие знания о реальной действительности. По мнению А. Вежибицкой, «используя существительное, мы обращаем внимание на характеристики, конструирующие объект, то есть стабильные и важные для него в целом» [8, с. 471]. Следовательно, ономастические единицы, формируя систему знаний о мире, представляют собой результат постижения человеком явлений реального мира и их интерпретацию языковым сознанием.

Третье отличие. В когнитивных группах слов представлена лексика, актуально соотносящаяся с реалиями окружающего мира. Среди названий животных есть в русском языке названия *корова, лошадь, овца, собака, кошка, черепаха* – названия тех животных, с которыми знаком человек, говорящий по-русски. Но среди русских названий животных есть и названия *як, сарлык и сарлычиха* (помеси яка и коровы), названия *гуанако, лама, ягуар, броненосец, агути* – но эти названия животных, живущих в Южной Америке, будут представлены среди названий животных соответствующих классов и семейств. Однако они не войдут в когнитивную группу русских названий животных: для них, видимо, наряду с другими экзотическими зоонимами надо будет предполагать существование когнитивной группы экзотических животных. В когнитивной группе названий диких кошек для русского языка будут присут-

ствовать слова *барс, гепард, лев, леопард, рысь, тигр, пантера* (разновидность леопарда, выделяемая по окрасу). Но в эту группу слов только с оговорками попадет слово *ягуар*, может не попасть слово *пума* ввиду малой частотности, и можно ручаться за то, что рядовой носитель русского языка не знает, что *сервал* и *оцелот* – это тоже представители семейства кошачьих.

В онимизации слов-названий животных, за счет множества опосредованностей, зафиксированных в русском ономастиконе, представлены онимы *Лев* и Борис «барс», а также *Руслан* (из персидского арслан «лев»). Соответствующие имена нарицательные занимают приоритетное положение в когнитивной группе названий животных, названий диких животных – определять ее границы можно по-разному. Но мы никогда не сможем обнаружить в близком к современности русском антропонимиконе, соотносимом с современной ономастической картиной мира, имена типа *Корова, Кукушка* или *Жаба* – хотя имена такого типа были характерны для старших периодов древнерусского языка, и такие слова могут лежать в основе вторичных имен, то есть прозвищ, и переходить в разряд фамилий через статус семейных прозвищ.

Такой же пример можно привести из географической терминологии: в тамбовских говорах присутствуют слова *враг, буерак, барак, яр, крутояр* (овраг) и т. п., и они вместе с обозначаемыми понятиями входят в локальную картину мира – но только некоторые слова из этой группы присутствуют в русской географической терминологии. Так, современное название переулка *Сивцев Вражек*, изначально назывался Протасьевским, Троицким, Сивцов, Вражеский.

Таким образом, можно считать, что когнитивные группы слов как бы отбирают из лексико-семантической группы то, что имеет конкретизированные соответствия в картине мира. Вся лексико-семантическая группа, таким образом, во-первых, соотносится с реальными объектами картины мира и, во-вторых, формирует по существу виртуальные фрагменты концептуальной картины мира [9; 10] на основе словарного состава языка.

Если совокупность концептов национального языка, отражающих общие знания о мире человека определенной культуры, национальной принадлежности, той или иной территории, представляет собой концептосферу имен нарицательных, имеющую относительно устойчивый характер в системе национального языка, то совокупность урбанонимической корнцептосферы служит для специального выделения любого адресного линейного внутригородского объект (улица, площадь, проспект, набережная, проезд, переулок, тупик, шоссе).

Иными словами, соотношение словарного и ономастического материала в языке, проецируемого на когнитивную и языковую картины мира, включает ономастическую картину мира. Если в реальной языковой жизни онимы берутся из когнитивных групп, то те сферы лексико-семантических и тематических групп, которые не задействованы в онимизации и находятся на периферии или вне когнитивных групп, являют собой потенциал или резерв для онимической системы и бывают задействованы для образования заведомо вымышленных фамилий или топонимов, что находит яркое отражение в структурно-семантической организации художественного текста.

Очевидно, что собственные когнитивные группы имеют и географические номенклатурные термины, и слова с семантикой характеристики этих терминов (наименования внутригородских объектов по размеру, протяженности; водоемов по глубине или цвету воды; наименования лесных массивов по характеру растительности; возвышенностей по форме; местностей по характеру грунта и т. д.). Каждый из нас может представить себе улицу как образ улицы: «Если для Америки – это *Бродвей* Нью-Йорка, для Франции – *Елисейские поля* Парижа, то для России – Тверская улица Москвы...], – подчеркивают Р.Ю. Намитокова и И.А. Нефляшева [5, с. 158].

Таким образом, среди собственно когнитивных групп выделяется градация актуальности/неактуальности того или иного признака из множества возможных признаков и даже хозяйственно ценных признаков (язык не выражает голую хозяйственно-культурную прагматику!).

Список литературы

1. *Уразметова А.В.* Топонимическая система США: первичная и вторичная номинация. М.: Флинта: Наука, 2017. 188 с.
2. *Васильева Н.В.* Когнитивная ономастика: взгляд из Европы. Рец. на кн.: *Cognitive Onomastics: A Reader* / ed. by S. Brendler. Hamburg: Baat, 2016. 204 p. // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 210-221.
3. *Молчанова Г.Г.* Когнитивно-коммуникативные механизмы организации английского урбанонимикона // Когнитивные исследования языка. Вып. 29. Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 140-147.
4. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988.
5. *Намитокова Р.Ю., Нефляшева И.А.* В мире имен собственных. Лингвистические беседы по краеведению. Майкоп: Изд-во АГУ, 2016. 292 с.
6. *Щербак А.С.* Когнитивный подход к изучению ономастики // Проблемы науки и образования в условиях мировой глобализации: труды 7 Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию Южно-Казахстан. гум. ун-та им. М. Сапарбаева. Шымкент, 2015. Т. 2. С. 76-80.
7. *Щербак А.С., Казанкова А.А.* Концептуальный мир топонимического пространства Тамбовского края (на материале Жердевского района) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 9 (125). С. 243-248.
8. *Wierzbicka A.* The Semantics of Grammar. Amsterdam, 1988.
9. *Молчанова О.Т.* Проприальная номинация в свете когнитивизма // Вопросы ономастики. 2006. № 3. С. 7-18.
10. *Косиченко Е.Ф.* Структурообразующий потенциал ономастического концепта (на материале англоязычных художественных текстов) // Когнитивные исследования языка. Вып. 29. Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 309-316.

БЛАГОДАРНОСТИ: Работа выполнена в рамках реализации гранта РФФИ за 2017 г., проект № 15-04-00379а.

Поступила в редакцию 17.08.2017 г.
Отрецензирована 20.09.2017 г.
Принята в печать 22.11.2017 г.
Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

ЩЕРБАК Антонина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: ant_scherbak@mail.ru
КАЗАНКОВА Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, учитель, МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 33», г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: medmewka@yandex.ru

Для цитирования

Щербак А.С., Казанкова А.А. Лексические группировки слов: взаимоотношение языковой и ономастической картины мира // Нефилология. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 42-49.

UDC 811.161

LEXICAL CLASSIFICATIONS OF WORDS: RELATIONS OF LINGUISTIC AND ONOMASTIC WORLD VIEWS

© Antonina Semenovna SHCHERBAK

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000
E-mail: ant_scherbak@mail.ru

© Anastasiya Aleksandrovna KAZANKOVA

Municipal Independent Educational Institution "Secondary School no. 33"
38 Gastello St., Tambov, Russian Federation, 392001
E-mail: medmewka@yandex.ru

Abstract. The active process of interaction between common nouns and proper names in which appear that proper names are the results of national language and one of its components is considered. Onomastic units, forming the system of knowledge about the world are the results of comprehending by the human of real world events and their interpretation by linguistic consciousness. The stylistically marked proper names like *Собака, Воробей, Муха, Картошка, Паук, Камбала, Корова* are the evidence of intensification of common nouns *собака, воробей, муха, картошка, паук, камбала, корова* (dog, sparrow, fly, potato, spider, flounder, cow) well known from the very childhood. The differences of cognitive group of words between thematic group and lexical-semantic group in three aspects are considered. It is proved that cognitive groups of words choose from the thematic group and lexical-semantic the most commonly used lexis; in cognitive groups of words the words of different lexical-semantic groups within the framework of one thematic group correlating with cognitive group in sense may be presented not fully, in cognitive groups of words the lexis relevantly correlating with the realia of the world around is presented.

Keywords: cognitive onomastics; onomastic system; dictionary material; correlation

References

1. Urazmetova A.V. *Toponimicheskaya sistema SShA: pervichnaya i vtorichnaya nominatsiya* [Toponymical System of the USA: Primary and Secondary Nomination]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2017, 188 p. (In Russian).
2. Vasileva N.V. *Kognitivnaya onomastika: vzglyad iz Evropy. Retseziya na knigu: Cognitive Onomastics: A Reader / ed. by S. Brendler. Hamburg, Baat, 2016, 204 p.* [Cognitive Onomastics: a Look from Europe. Book Review: Brendler S. (ed.). Cognitive Onomastics: A Reader. Hamburg, Baat, 2016, 204 p.]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2017, vol. 14, no. 3, pp. 21-221. (In Russian).
3. Molchanova G.G. *Kognitivno-kommunikativnye mekhanizmy organizatsii angliyskogo urbanonimikona* [Cognitive and communicative mechanisms of the English urbanonimic formation] *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 29. Kognitsiya i kommunikatsiya v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [Cognitive Studies of Language. Vol. 29. Cognition and Communication in Linguistic Research], Moscow, Linguistics Institute of RAS; Tambov, Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2017, pp. 140-147. (In Russian).

4. Podolskaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Russian Onomastic Terminology Dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russian).
5. Namitokova R.Y., Neflyasheva I.A. *V mire imen sobstvennykh. Lingvisticheskie besedy po kraevedeniyu* [In the World of Proper Names. Linguistic Talks about Regional Studies]. Maykop, Altai State University Publ., 2016, 292 p. (In Russian).
6. Shcherbak A.S. Kognitivnyy podkhod k izucheniyu onomastiki [Cognitive approach to the study of onomastics]. *Trudy 7 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 20-letiyu Yuzhno-Kazakhstanskogo gumanitarnogo universiteta im. M. Saparbaeva "Problemy nauki i obrazovaniya v usloviyakh mirovoy globalizatsii"* [Proceedings of 7th International Scientific-Practical Conference, Devoted to 20th Anniversary of Southern-Kazakh Humanitarian University named after M. Saparbaev "Problems of Science and Education in the Conditions of World Globalization"]. Shymkent, 2015, vol. 2, pp. 76-80. (In Russian).
7. Shcherbak A.S., Kazankova A.A. Kontseptual'nyy mir toponimicheskogo prostranstva Tambovskogo kraia (na materiale Zherdevskogo rayona) [Conceptual world of toponymic space of Tambov krai (basing on the materials of Zherdevskiy region)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov State University Review. Series Humanities*, 2013, no. 9 (125), pp. 243-248. (In Russian).
8. Wierzbicka A. *The Semantics of Grammar*. Amsterdam, 1988 (In Russian).
9. Molchanova O.T. Proprial'naya nominatsiya v svete kognitivizma [Proprial Nomination in the Light of Cognitivism]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2006, no. 3, pp. 7-18. (In Russian).
10. Kosichenko E.F. Strukuroobrazuyushchiy potentsial onomasticheskogo kontsepta (na materiale angloyazychnykh khudozhestvennykh tekstov) [Structural potential of onomastic concept (analysis of English fiction)]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 29. Kognitsiya i kommunikatsiya v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [Cognitive Studies of Language. Vol. 29. Cognition and Communication in Linguistic Research]. Moscow, Linguistics Institute of RAS, Tambov, Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2017, pp. 309-316. (In Russian).

ACKNOWLEDGEMENTS: The work is fulfilled within the framework of Russian Foundation for Basic Research grant realization for 2017, project no. 15-04-00379a.

Received 17 August 2017

Reviewed 20 September 2017

Accepted for press 22 November 2017

There is no conflict of interests.

Information about the authors

SHCHERBAK Antonina Semenovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Russian Language Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: ant_scherbak@mail.ru

KAZANKOVA Anastasiya Aleksandrovna, Candidate of Philology, Teacher, Municipal Independent Educational Institution "Secondary School no. 33", Tambov, Russian Federation, e-mail: medmewka@yandex.ru

For citation

Shcherbak A.S., Kazankova A.A. Leksicheskie gruppirovki slov: vzaimootnosheniye yazykovoy i onomasticheskoy kartiny mira [Lexical classifications of words: relations of linguistic and onomastic world views]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 4 (12), pp. 42-49. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 7.01+7.094

**«ФАУСТ» А. СОКУРОВА:
КУЛЬТУРНЫЙ ПЕССИМИЗМ И ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ**

© Владимир Викторович КОЛЧАНОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Аннотация. Проанализирован фильм А. Сокурова «Фауст». Определено его художественное своеобразие, исследованы сценарий и поэтика, выделены операторские приемы. В качестве ведущего аспекта проблемы взята актуальная на сегодня область философии аксиология. Описаны психические настроения, царящие в коллективном сознании современного постиндустриального общества: пессимизм, боязнь физиологического голода; гносеологические тенденции: утрачивание цельного знания, традиционных духовных ориентиров и замена их симулякрами. Методом исследования выступает структурный подход, позволяющий дифференцировать режиссерские приемы редукции и реконструкции. Они рассмотрены параллельно: в сферу редукции попадает миф, в область реконструкции – эстетика натурализма.

Ключевые слова: И.В. Гете; Фауст; А. Сокуров; натурализм; миф; редукция; демифологизация; сказка; симулякр

Я – часть той силы, что всегда творит добро.

Сокуров А. Фауст.

Фильм А. Сокурова «Фауст» – натуралистический пассаж, вытеснивший «миф как поэзию и «рекрутную видимость» [1, с. 43], рефлексия на эфемерные ценности современной цивилизации, концентрирующиеся в культе денег и исходящем из него страхе нищеты, отражение настроения культурного пессимизма, охватившего европейца на фоне разрастающегося философского, религиозного и гуманитарного кризиса.

Фильм встраивается в моду последнего времени: произвести ревизию общечеловеческим ценностям. Он, как и многие духовные фильмы 2010-х гг. («Однажды в Анатолии» (2011) Нури Бильге Джеyllана, «Любовь» (2012) Михаэля Ханеке, «Левиафан» (2014) Андрея Звягинцева, «Неоновый демон» (2016) Николаса Виндинга Рефна и др.), повествует о мировом духе, онтологически развернувшись у «бездны мрачной на краю».

Тем более странно искать в сокуровской натуралистической бездне яркости и торжества красок, мажорности музыкального фона, снов и мечтаний, многообразия мифологических реминисценций и романтического вымысла, в которых купается литературная фантазия «Фауста» И.В. Гете. Этого и не нужно: натурализм – нагляднейшая из эсте-

тических систем, способная показать нравственное обнищание и душевное опустошение современного техногенно-финансового общества. Поэтому А. Сокуров намеренно разрушает живописные культурные пласты. Его фаустиана – скорее фаустиана «богостроителя» А.В. Луначарского со странствиями героя в большом городе [2], чем драма-мистерия И.В. Гете. Хотя сокуровский «Фауст» и сохраняет гетевские мотивы, трансформация образов получается чудовищной, фабула гипертрофированной, а гетевский миф – доведенным до крайней степени редукции.

Из гетевского мифа удалено практически все: оккультизм и магия, ведьмовство и оборотничество, мистика и алхимия, античность и теургия, – даже сам Мефистофель превращен в безымянного ростовщика, оценщика из городского ломбарда, – явный намек на главную сегодня в мире власть – власть денег. «Философский камень», «старинный манускрипт о смысле жизни», «вечный двигатель», «мироустройство, траектории движения планет, превращение металла в золото», – все это, судя по содержанию фильма, в прошлом, принадлежит интересам ушедших веков, сегодня же – удел нищих мечтателей и не стоит ломаного гроша.

На редуцированность гетевского мифа косвенно указывают и аннотации к фильму:

мотивы, говорится в них, наследуются из первой части «Фауста» И.В. Гете по любовной линии «Фауст – Маргарита»; следовательно, вторая, и большая по объему античная часть, мягко говоря, опускается. Не только Тартар, но даже христианский рай и ад, через которые начиналось когда-то знакомство человека с географией и космосом, не попадают в объектив кинокамеры. Хотя шуточные упоминания ростовщика об этих топосах имеются в финале: подъем на горное плато по скалистому ущелью сравнивается с «лестницей в небо, а может, и наоборот», движение и крики неведомых зверушек, воспринимаемые Фаустом как «мы здесь не одни», объясняются вожатым с легкой долей сарказма: «Не знаю, кто там бродит, может, греки». Направления в пространстве идущих по горной тропе, так как это не миф, видятся очень размытыми: с одной стороны, можно подразумевать анабасис – восхождение на гору Олимп, с другой – катабасис – спуск в ад с его рекой мертвых и дальше – в Тартар, «наиболее заброшенный и удаленный уголок земли» с его каменным ландшафтом и «плотным холодом» [3].

Соответственно, начиная с экспозиции, вместо пространства мифа раскрывается пространство страшной натуралистической сказки. О том, что перед нами действительно видоизмененная сказка, а не миф, ибо сказка, по распространенному мнению, лишь редуцированные обломки мифа, напоминает старинное зеркало в облаках, аллюзия на всем известную сказку Г.Х. Андерсена «Снежная королева» («Историю первую, в которой рассказывается о зеркале и его осколках») и «кривое зеркало искусства». Только здесь и злого чародея-тролля с его учениками нет, а вместо них – невидимый в кадре часовой механизм и само зеркало – вроде часового маятника, раскачивающегося над жителями сказочного городка.

О демифологизированном, сказочном, редуцированном пространстве картины свидетельствуют и часто встречающиеся кадры с дефектами изображения. Они специально не выдержаны и не отфокусированы режиссером, точнее, как прием представляют собой так называемую в операторской съемке аберрацию входного зрачка, полученную при помощи широкоугольного объектива и зеркаль-

ной камеры-обскуры. Один из них, вдобавок, пропущен сквозь два скверных и мутных светофильтра декоративных дверных стекол. После пропускания взгляда зрителя через такие стекла и Фауст преобразается: рядится в декоративные рыцарские латы, и природа превращается для него в декорации, – новоиспеченный «солдат» не узнает привычный и милый его сердцу местный пейзаж, – «с домиком лесничего» и «мельницей».

Но самой крайней степенью процесса демифологизации является все же не редуцирование мифа, а подмена мифических компонентов физиологическими симулякрами, причем симулякрами медицинскими, патологоанатомическими и зоологическими, из них складывается эстетика фильма, ведь и сам Фауст – не ученый-флорист («...в растениях вы совсем не разбираетесь», – делает вывод Маргарита), а естествоиспытатель, врач-физиолог и анатом. Он – автор книги «Основы человеческой физиологии»; с препарирования трупа Фаустом начинается фильм, демонстрацией уродов и калек в его главной части выделяется и завершается. Поиск человеческой души происходит через вскрытие или обнажение тела (поэтому до конца неясно, где находится душа). На место психологии культуры приходит психология тела и трупа, восходящая, по своей референции, к поздним творениям «тайновидца плоти» (Т. Манн) Л.Н. Толстого, среди которых приближены к фильму чувством пессимизма и «запахом плоти» повести «Холстомер» и «Смерть Ивана Ильича». Два единственных волшебных эпизода: дьявольский фокус – вино из стены да снесение земной «Венерой» куриного яйца с его последующим поеданием – и те очень далеко стоят от мифа и насквозь физиологичны. Первый выступает в качестве одной из аллюзий – чтобы соединить «распавшуюся связь времен», маркировать «Фауста» И.В. Гете по самой запоминающейся – питейной сцене, второй относится к лейтмотиву – тотальному чувству физиологического, животного голода. Особенно любопытен второй, новый, никем до А. Сокурова не использованный в фаустиане мотив – мотив вечного голода. Выступая в роли натуралистического приема, он напрочь разрушает реалистическую традицию. Есть хотя бы постоянно и все, но процесс поедания

до безобразия гипертрофирован: земная «Венера» на медицинском кресле поедает свой собственный плод в виде куриного яйца, сытые смакут поглощение пищи перед голодными, удовлетворение голода происходит в смотровых кабинетах, поминальный обед начинается без матери умершего («Где твоя мать, Гретхен? А, вот и она. Где ты была? Они ведь без тебя тут все сметут!»), ближайшие родственники отнимают пищу друг у друга (отец Фауста отводит протянутые к тарелке руки Фауста, Фауст прогоняет сына с кухни, сын Фауста грабит уличного разносчика булок на глазах у отца). Гипертрофировано отношение к пище в стенах святой обители. «На пустой желудок много не наработаешь. Вот они, дары божьи! Пойдемте, братья, мясо зовет!» – жалуется и одновременно радуется подношению мирянина толстый монах. «Ничего не хочу больше слышать. Хочу есть, есть хочу», – произносит Фауст в самом начале фильма, смывая с рук формалин и завязывая тем самым коллизию. «Ты что, опять голодный?» – спрашивает Фауста ростовщик перед входом в пыльное логово своей бабушки. «Кто же тебя накормит?» – задает он снова вопрос в открытом финале пьесы.

Процесс демифологизации затрагивает и носителей мифа: королевский двор, рыцарство и материнство. Удаленная мифема в нише сознания также наполняется натуралистическими симулякрами. Вместо королевской кареты едет карета нового русского купца – гоголевского скупщика душ Чичикова с кучером Селифаном, из которой Фауст с его Мефистофелем «прогоняются в шею»; на месте королевского двора оказывается рыночный двор с молодым дельцом-священником и дряхлым чиновником-коррупционером; вместо королевских рыцарей хореически двигаются фигуры дегенератов в истлевших лохмотьях, – они провожают Фауста и ростовщика, одетых поверх больничных костюмов («смирительная рубашка» и пижама) в бутафорско-рыцарские доспехи; вместо полета к античным Матерям рассказывается о ненависти Фауста к собственной матери, похожей на страшилище. «Нарумяненные щеки, пудра на лбу, запах изо рта. Если б меня сегодня спросили, – признается Фауст

Маргарите в исповедальне, – желал ли я ее смерти, я бы сказал: «Желал».

Физиология, патологоанатомия и зоология постоянно искажают зрение. На луне оценщик наблюдает через телескоп сперва ящероподобную, во второй раз – чистопородную обезьяну, некие зоологические ступени в эволюции человека. На земле анатомические изменения обнаруживаются, начиная с пола. Если Мефистофеля И.В. Гете трудно заподозрить в бесполости («О! До чего я дожил! Вот позор! Меня все примут за гермафродита!» [4] – восклицает он в ужасе), то у ростовщика гендерные полюсы не обозначаются, – они ампутированы, и тело не вызывает чувств стыда или неловкости: в прачечной он донага раздевается, демонстрируя перед женщинами прооперированные прелести, а те смеются. Сам же он этого как будто не замечает, как не чувствует трупного запаха в районе отсутствующих гениталий. Соответствующим образом трансформируется традиционный шабаш: поочередное целование дьявола в зад и любовные игры с ведьмами заменены дефекацией ростовщика в церкви и спуском в грязный бассейн, где женщины купаются и полощут нижнее белье.

Еще два элемента в создании образа зла на земле – крылья и хвост – также оказываются на счетах натурализма: элементы средневековой фантазии подменены патологоанатомией: дарвинистскими «рудиментом и атавизмом». Крылья ростовщиком ощущаются (они мешают пролезть в бабушкин тайник: «Осторожней, мои крылья!» или чешутся) и представляют собой обычные лопатки, хвост же визуализируется окружающими. Но, как и отсутствие гениталий, наличие хвоста тоже никого не смущает, – в прачечной на атавизм даже не обращают внимания.

В натуралистическую систему изображения, подменяющую сакральное мирским, причем физиологическим и патологическим, попадают сподручные дьявола из «Фауста» И.В. Гете: лемуры и ведьма. Они не несут активного, действенного, чудесного начала. В фильме мифическое зло, как и мифическое пространство, редуцировано и загрязнено. Лемуры, эти злобные и сильные существа с гипертрофированной силой тела – связками сухожилий на костях – превращены в пассивных человеческих уродцев с замед-

ленными движениями и явной дистрофией мышечных тканей. Они медленно всматриваются через раскрытое окно в комнату Маргариты, где произошло преступление, затем также медленно наполняют комнату и в замедленном темпе провожают героев. Ведьма превращена в сумасшедшую с пародией на христианскую мученицу Агату. Ее пышные формы тела, вызывающе-декоративный убор, пророчество о бренности всего сущего и никчемности творения, имитация движения тела «дамочки» в общественном туалете, приставание с «дельцем» к случайным прохожим, – имеют как штрихи паясничанья над агиографией святой, так и черты пациентки из психиатрической клиники.

Еще один клинический уродец в кинокартине – Гомункулос Вагнера. Если у И.В. Гете Гомункул относится к разряду волшебных существ, – это «лучистый гном», «огонь в образе людском», маленький красавчик, женившийся на подводной царевне Галатее, то здесь, по словам еще одного сумасшедшего – алхимика Вагнера (возомнившего себя Фаустом), «свехчеловек», а по внешнему виду – смесь рыбы с куском человеческого мяса, человеческий эмбрион без рук и ног, плавающий в околплодных водах стеклянной матки (двугорлая колба), а затем выкидыш с гипертрофированным лицом и телом. Режиссер буквально из-за пазухи ученого достает и показывает его зрителю, натуралистически выставляя гетевское сравнение: «Он – ранний «плод, созревший до посева, // Как преждевременное чадо девы». Последний, приняв в фильме облик помещанного уличного бродяги, восторгается этим живым плодом из кунсткамеры перед молодой девушкой и будущей матерью Маргаритой и в порыве страха и ужаса Маргарита случайно берет на себя роль Галатеи: резким движением толкает Вагнера и разбивает колбу с Гомункулосом, как две капли воды похожим на ростовщика.

Если в драме И.В. Гете Гомункулос – «двоюродный братец» Мефистофеля, и читатель понимает, что данное определение выступает в качестве метафоры, то в натуралистическом фильме А. Сокурова сквозит анатомическое, генетическое сходство. Режиссер создает впечатление, что мутация человеческого рода в новом веке начинается с

нового биологического изобретения «врага рода человеческого» – искусственного размножения в пробирках себе подобных ростовщиков, и слова Мефистофеля из драмы И.В. Гете:

Чтоб род людской сразить бичом тяжелым,
Хотели мы, чтоб пол был отменен.
Наш адский план о существе бесполом
В мечтаньях набожности воплощен, –

становятся актуальными. Усиливает впечатление натуралистическое обрамление сюжета. Завязкой выступает детоорган мужского трупа, в развязке, в конце земного пути, Фауст пристально вглядывается в другой – женский половой орган обреченной на смерть Маргариты, оставленной им наедине с мутантом, у которого в передней части черепа находится отросток в виде рога.

В процесс мутации и дегенерации людей вовлечена и такая интимная функция человеческого организма, как чадородие. Она носит черты откровенной перверсии, сексуально-психического нездоровья с сопровождающейся патологией регенеративной системы. Так обстоит дело в сцене с пациенткой на медицинском кресле, больной ложной беременностью. Она мнит себя курицей-наседкой, несущей куриные яйца («опять пришла!»), – недаром, показывает камера, рябые куры бродят внизу, как в курятнике, а акушер после некоторых манипуляций извлекает из ее чрева куриное яйцо. Но страшнее всего то, что у женской перверсии существует мужской эквивалент и прослеживается он опосредованно через симуляцию мифа. Она выражается в том, что роль древнеримской богини красоты «Венеры», как называет ее мужчина-акушер (отец Фауста), играет куртизанка, изнемогающая от сладострастной неги под его руками, пространство античного храма с пьедесталом для богини занимает помещение мужского монастыря с гинекологическим креслом, обязанность жреца выполняет мозговой центр монастыря по прозвищу Батюшка, грезящий у ног «луковки», поклонником богини оказывается один из послушников, страдающий вуайеризмом. Демифологизация таинств, низведенная до уровня сказки для взрослых, мещанская бездна, разверзшаяся над человечеством, натуралистический экран, куда отброшено сознание

зрителя, на примере самых скабрёзных аллегорий показывают духовное опустошение.

В сцену перверсии и зоотропии оказываются втянутыми и традиционные символы. Они просматриваются сразу в двух художественных деталях: в зеркале и яйце. Священное в них окончательно разрушено, мифическая субстанция редуцирована до неузнаваемости и подменена медициной, граничащей с ветеринарной практикой. О зеркале говорят как вообще об инструменте родовспоможения, а не как о «зеркале Венеры» – символе жизни и атрибуте богини, в который она смотрится, любуясь собою. Образ яйца еще физиологичнее и, если так можно выразиться, зоофагичнее: символ жизни и смерти заменен куриным вареным яйцом, очищаемом от скорлупы и поедаемом роженицей-больной. Правда, в силу символичности художественной детали не ясно, – то ли вареное яйцо выступает в качестве животной плаценты, то ли показателем каннибалистического инстинкта.

В свете зоофагии уродуется даже сказочное: сюжет о курочке Рябе, несущей золотые яйца. Симулякры переваривают символ и миф, превращают их в историю бездушных масок без актеров, в пустые формулы без чисел, в скорлупу без живых зародышей, в элементы трансформации некто в никто.

Смерть и дегенерация человеческого рода просматривается и в трагическом образе аиста, традиционном символе потомства и счастья. Птица, живущая на шестах и крышах домов, помещается на городскую площадь. Она пасется окольцованной и с подрезанным крылом в проходе между гостиницей (окно выбивальщицы перин), мясной лавкой, рынком и ломбардом; рядом с ней у городского источника переваливается туловищем длинноногий юноша, а мимо катят старое тележное колесо (ее прежний дом) и проходят в черных одеждах светский старик и пастор. Участие двух последних персонажей придает сцене не только характер аллегории, но и добавляет всей трагедии пессимизма. Это достигается, во-первых, с помощью игры слов «смерть-смерд» в размышлениях Фауста («Кто это? Кто это? Черный как смерть. Смерть серая. Странная пара – смерд и священник»). Во-вторых, наблюдается через мизансцену подбегающего к карете черного

человека дворника, подобострастно раскладывающего подножку: чистильщик дворов представляется по социальному статусу значительно ниже, чем смерть – чистильщик человеческих душ. В-третьих, передается через монолог черного господина, выходящего с пастором из ломбарда, – намек на не выкупленный мертвыми душами залог и вообще ненужность чистилища («А! Патер Филиппе. Я уж думал, что опоздал. *(В окне показывается выбивальщица перин – как бы выбивает души из тела)*. Ну вот, и уладили мы ваше дельце, патер Филиппе. Вот моя карета»).

Картина с пасущимся на городской торговой площади аистом-инвалидом становится еще пессимистичнее, если поставить ее в контекст прозвучавшей позже фразы ростовщика: «Что притягивает женщину к мужчине? Деньги, похоть и общее хозяйство». Вот и выходит, что сцена, как и сам фильм – вовсе не миф, а развернутая натуралистическая метафора серости купеческо-мещанской морали, равнозначной животной смерти и атараксии калеки.

До какой степени доходит искалеченность души и тела, убожество человеческой расы, можно наблюдать на примере еще одного симулякра – симулякра христианского распятия. Он просматривается в сцене работы монастырского госпиталя, где средневековый врач (отец Фауста) практикует механическую растяжку тела на деревянной кровати. В нем идея священной жертвы, мифологема смерти/воскрешения усечена, а физическое распятие оставлено в качестве врачебного оздоровительного метода, универсального средства медицинской помощи от всех хворей и болезней, в качестве идеи панацеи. «А вот еще один пережил растяжку», – воздевая руки с «дарами божьими», в коих «мясо», радостно провозглашает монах редкий исход лечения.

В поле симуляции попадают здесь и носители христианского мифа: «нищие духом», «все труждающиеся и обремененные», которых Христос призывал к себе, чтобы «успокоить» [Мф. 5: 3; 11: 28]. Их место занимают материально нищие («С кого мне тут деньги брать? У моих пациентов ничего нет»), в том числе и Фауст с его «смыслом жизни» и отсутствием «денег даже на чернила».

Симулируется в госпитальной сцене и праздник Христова Воскресения, – во фрагменте, когда врачу передаются «дары божьи» от «пережившего растяжку». Вместо пасхи – серое вареное куриное мясо, вместо писанки – два белых, сваренных вкрутую столовых яйца.

Наконец, неудивительно, что и мышление, которым наделены пастыри больниц и монастырей, также симулятивное. Оно представляет собой подмену теологии хаологией, мифологии физиологией, астрологии небесной механикой. Им легко объясняется любое явление, любой случай, и самое главное, – легко верится в презумпцию своей чистоты и невинности, легко снимается ответственность за происходящее. Можно заметить, что такая позиция заявляется уже в экспозиции. Во время мытья рук (в переносном смысле как бы умывая руки) после препарирования трупа Фауст утверждает: «Все возникает и исчезает, подчиняясь закону. И только человеческой жизнью управляет зыбкий случай. Бог, обитающий в груди моей, влияет только на мое сознание, на внешний мир, на общий ход вещей не простирается его влияние».

Идея гетевского Фауста – это идея спасения мира от бед, болезней, короткого века, поиск средств бессмертия, отвоевание у моря земельных угодий, принесение человечеству богатства и счастья путем высокой жертвы – утраты собственной души. Его идея альтруистична и жизнеутверждающа, за него заступается Маргарита, ангелы спасают и возносят на небеса. Он счастлив и способен в восторге воскликнуть: «Мгновенье! О, как прекрасно ты, повремени!», – и не знать, что черти копают ему яму. Его знания элитарны и аристократичны, его понимание мироустройства недоступно дуракам и профанам: студенту-«бакалавру» или коллеге Вагнеру. И даже острый душевный кризис в начале действия окрашивается светлым праздником Христова Воскресения.

У сокуровского «профессора»-«доктора»-«магистра»-«бакалавра» (добавляется: «и так далее») – все наоборот: духовное дистрофировано и деформировано, поэтическое, как мы отметили, редуцировано до полной натуралистической замены, а представления о добре и зле затемнены тем же редуцированным способом: «Я – часть той силы, что всегда творит добро» (У И.В. Гете: «Часть силы

той, что без числа // Творит добро, всему желая зла»), – знакомится с входящим Фаустом слуга ростовщика Маврикий (что значит «темный»). Сокуровский герой первым приходит к ростовщику, чтобы продать философский камень, «разъясняющий суть вещей», самоубийство превращает в некрофильский акт: «спасает возлюбленную», бросаясь с ней «с головой в омут», а затем как бы воскресает в комнате на ее ложе; отравляет мать и при ее трупе устраивает любовную оргию.

Не меньшим истощением духовного объясняются другие парадоксы. Фауст придумывает, как «повторить» дьявольский «фонтан» (соорудить искусственный гейзер), но ведать не ведаёт о приворотных травах, в которых разбирается простая девушка. Он понимает механику небесных тел, но не узнаёт ада («Скалы, мой приют», – пел когда-то Воланд М. Булгакова или «раздвигал скалы» перед «покоем» Фауста Мефистофель Ш. Гуно). Он стремится отыскать человеческую душу, но получает взамен одиночество и отчаяние, он бросает вызов Богу, но не понимает наказания и проклятия среди безжизненных гор и автоматических фонтанов.

Вслушаемся в диалог, происходящий между Фаустом и ростовщиком, когда те останавливаются у мертвого чрева самой матери-земли, из которого бьет горячий гейзер, – образ бездушного механизма, направленного против античной красоты, пластики и гармонии. Через него хорошо представить размах фаустовской одержимости:

Фауст. Мы спасем Маргариту?

Ростовщик. Конечно, нет. И вообще, нужно еще спросить, хочет ли она сама, чтобы ее спасали? С тобой-то все было по-другому. Мы же партнеры. У нас договор.

Фауст. Значит так. А что это там дымится?

Ростовщик. Погоди. Я же все сделал, что обещал.

Фауст. А мне этого мало. Я стою больше.

Ростовщик. Что тебе еще нужно? Еще одно солнце? Гомункулуса? Может быть, сразу двух?

Фауст. Ха-ха-ха-ха! Какое зрелище!

Ростовщик. Все пена, мираж.

Фауст. Врешь. Как это получается?

Мефистофель. Осторожней, фонтан не столь уж и безобиден.

Фауст. Горячо.

Мефистофель. Теперь ты счастлив?

Фауст. Как это устроено?

Мефистофель. Мне это знать ни к чему. О том ведаёт Господь Бог. А теперь пошли, тут опасно.

Фауст. Бог не знает. Я знаю. Тепло поднимается наверх, холод тянет внутрь земли. Очень интересно. Я могу спокойно это повторить.

Мефистофель. Пошли отсюда.

Фауст. Я останусь тут.

Мефистофель. Задумал повторить мой фонтан? Славы захотелось?

Фауст. Слава – звук пустой. Есть только дело.

Поэтому Фауст А. Сокурова не знает гетевской альтернативы: слово, дело или мысль. Он жаждет только денег и дела, но получает скупого оценщика дел из ломбарда Маврикия Мюллера, делового «партнера»; он вырывает и бросает собственный договор, подписанный кровью, но оказывается в дураках: ценным после его смерти станет лишь единственный автограф чернилами у антиквара.

«Несчастливые души», – дважды заводит речь о них оценщик, – опасны», и, как в случае с душой поэта Я. Ленца («ее можно и не возвращать»), сдаются под охрану охотничьим собакам (охраняющими в клетках ломбард) или, как в сцене с похоронами Валентина, похищаются собаками охотников. А вот Фауст одержим, а значит, по-своему счастлив и совсем не опасен. «Кто же тебя накормит? Кто выведет отсюда?» – с жалостью и участием спрашивает ростовщик, заваленный камнями. «Вечное одиночество и ника-

кого спасения», – озвучивает он приговор свыше, ставя под сомнение не существование бога и дьявола, как это делали в XX веке, а объект их спора – душу, в прошлом – цены не имеющей.

«Что же [сегодня] в цене?» – спрашивает Фауст у ростовщика, и тот ему перечисляет: «время, искусство», «мощи святого Себастьяна», частные коллекции (особенно с автографами). Заметим, – не благородство, не труд, не любовь, не душа («не тяжелее одной монеты»), а то, что «неизвестно» («что известно, того никому не нужно») и что является предметом торга и объектом дегуманизации. И современный зритель понимает, что это уже фарисейский и гниющий XXI век и что «Фауст» бессмертен.

Список литературы

1. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996.
2. Луначарский А.В. Фауст и город. Драма для чтения. Пг.: Госиздат, 1918 (изд. 2-е: 1921)
3. Тартар. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 27.03.2017).
4. Гете И.В. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Худ. лит., 1976. Т. 2. В дальнейшем цитируется это издание.

Поступила в редакцию 30.05.2017 г.

Отрецензирована 21.06.2017 г.

Принята в печать 22.11.2017 г.

Информация об авторе

КОЛЧАНОВ Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Для цитирования

Колчанов В.В. «Фауст» А. Сокурова: культурный пессимизм и демифологизация // Неофилология. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 50-57.

UDC 7.01+7.094

“FAUST” BY A. SOKUROV: CULTURAL PESSIMISM AND DEMYTHOLOGIZATION

© Vladimir Viktorovich KOLCHANOV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Abstract. The film by A. Sokurov “Faust” is analyzed. Its artistic originality is defined, the script and poetics are studied, operator’s techniques are singled out. As a leading aspect of the problem the relevant sphere of philosophy – axiology is taken. The psychic mood prevailing in collective consciousness of the modern post-industrial society: pessimism, fear of physiological hunger; gnoseological tendencies: the loss of complete knowledge, traditional moral orientations and substitution by simulacrum are described. The method of the research is structural approach, which let differentiate operator’s techniques of reduction and reconstruction. They are considered in parallel: the myth gets into the sphere of reduction, the esthetic of naturalism in the sphere of reconstruction.

Keywords: J.W. Goethe; Faust; A. Sokurov; naturalism; myth; reduction; demythologization; fairy tale; simulacrum

References

1. Khyubner K. *Istina mifa* [The Truth of Myth]. Moscow, Respublika Publ., 1996. (In Russian).
2. Lunacharskiy A.V. *Faust i gorod. Drama dlya chteniya* [Faust and the Town. Drama for Reading]. Petrograd, Gosizdat Publ., 1918. (In Russian).
3. *Tartar* [Tartarus]. (In Russian). Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (accessed 27.03.2017).
4. Goethe J.W. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols.]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1976, vol. 2. (In Russian).

Received 30 May 2017

Reviewed 21 June 2017

Accepted for press 22 November 2017

Information about the author

KOLCHANOV Vladimir Viktorovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

For citation

Kolchanov V.V. «Faust» A. Sokurova: kul'turnyy pessimizm i demifologizatsiya [“Faust” by A. Sokurov: cultural pessimism and demythologization]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 4 (12), pp. 50-57. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 811.161.1:004(038)

**К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ СЕТЕВОГО СЛОВАРЯ
«ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННОГО ПРЯДЕНИЯ,
ТКАЧЕСТВА И КОНОПЛЕВОДСТВА ТАМБОВСКОЙ
И ПРИЛЕЖАЩИХ К НЕЙ ОБЛАСТЕЙ»**

© Татьяна Владимировна МАХРАЧЕВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: mahrachova@mail.ru

© Светлана Александровна БУЦКИХ

E-mail: buckih.s@mail.ru

© Георгий Сергеевич МАХРАЧЕВ

E-mail: mahrachova@mail.ru

Аннотация. С помощью лексикографических средств описан лексический материал по теме традиционного прядения, ткачества и коноплеводства Тамбовской и прилежащих к ней областей. Дается обоснование типа словаря, в качестве которого выбран продуктивный для традиционной народной (преимущественно крестьянской) культуры электронный (сетевой) словарь, позволяющий сочетать посредством гиперссылок и диалоговых окон следующую информацию: 1) языковую – инвентарь терминов, связанных с оборудованием, изделиями, способами и технологиями ткачества и прядения, выявлением отношения к процессу данного производства, групп (лиц), занятых в производстве; наименованием календарных периодов, закрепленных за разными этапами исследуемой трудовой деятельности; наименования мифических существ, помогающих и/или наказывающих за некачественную и неурочную работу; устойчивые сочетания слов, относящиеся к одной отрасли трудовой деятельности; благопожелания; этиологические легенды, мотивирующие календарную регламентацию и систему наказаний за ее нарушение; а также лексический пласт, обладающий вторичной семантикой, например, используемый в игровой сфере, гаданиях и т. д.); 2) этнографическую информацию, фиксирующую технику прядения; технологии изготовления и использования оборудования, применяемого на разных этапах прядения и ткачества; 3) социально-историческую информацию, включающую указание на социальные слои, которые были задействованы в сфере прядения и ткачества, способы и виды реализации товара; 4) музыковедческую информацию, репрезентирующую традиционные мотивы (нотные тексты и тексты песен), звучащие на разных этапах подготовки и изготовления полотна.

Ключевые слова: сетевой словарь; традиционное прядение; ткачество и коноплеводство; Тамбовская область

Рубеж XX–XXI веков в лексикографии ознаменован появлением нового типа словаря – электронного, предлагающего не только новую форму подачи материала – нелинейная (3D) модель представления информации, – но и формирующего целое проблемное поле, связанное с его конструированием, выработкой правил компьютерного лексикографирования, созданием баз данных, становящихся основой для получения разноаспектной информации (лексической, морфологической, морфемной и т. д.). Перечислим лишь некоторые из них: В.П. Селегей дает подробный анализ электронных словарей, указывая на их достоинства в сравнении с бумажными носителями [1]; М.А. Гранова предлагает подробный обзор электронной продукции,

представляющей сведения о славянской мифологии [2]; Н.А. Агапова разрабатывает концепцию и описание электронного словаря народных примет; О.С. Рублева анализирует задачи компьютерной лексикографии, рассматривает электронные лексикографические ресурсы и их особенности (на примере ресурсов на русском и английском языках), ученым намечаются перспективы создания глобальной системы электронных лексикографических ресурсов [3]; Е.В. Булдакова формулирует определение электронного словаря, предлагает его возможности; обосновывает структуру словарной статьи и т. д. [4]; С.Е. Никитина разрабатывает содержание структуры словарной статьи, особое ме-

сто отводит тезаурусным функциям, перспективам словаря [5].

Уже на стадии формирования нового направления (компьютерной, или электронной лексикографии) исследователи признают, что среди несомненных достоинств электронного продукта (ресурса) в сравнении с традиционным книжным изданием отмечаются сочетание большого объема с удобством (быстротой) пользования [1], увеличение (или даже формирование с учетом запроса пользователя) словарной статьи за счет сети относительно свободных сообщений, объединенных гипертекстовой организацией [6, с. 81], возможность добавления нового материала и корректирование уже включенного и, что не менее важно, факты можно представлять в виде электронного собрания текстов (корпусов), «снабженного поисковыми инструментами, метаразметкой, морфологической разметкой» [7, с. 114]. При этом текст мы понимаем в определении Н.И. Толстого «...не последовательность написанных или произнесенных слов, а некая последовательность действий и обращения к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность» [8, с. 23]. Новая форма подачи материала (нелинейная (3D) модель представления информации) оказалась продуктивной при репрезентации различных сегментов традиционной народной культуры¹, трансляция которой оказывается неполной (неточной, затруднительной) посредством только языковых средств (кода), ибо нередко одновременно использует (и здесь могут быть взаимные переходы, замены, перекрещивания) сразу несколько различных средств (кодов) для передачи информации (вербальные, акустические, визуальные, музыкальные, акциональные и др.). Примечательно в этом отношении высказывание Н.И. Толстого о семиотичности языка культуры: «...культура многоязычна в семиотическом смысле этого слова и нередко

пользуется одновременно в одном тексте несколькими языками» [8, с. 23].

Последние несколько лет наши научные интересы сосредоточены на описании темы, связанной с трудовой деятельностью крестьян, а именно: традиционное прядение, ткачество и коноплеводство у русских [9; 10]. Целенаправленный сбор полевого материала, который ведется по авторской программевопроснику с 2014 г., а также обработка и первый опыт систематизации материала убедительно свидетельствуют о необходимости комплексного подхода, в котором бы наряду с лингвистическими данными учитывались и анализировались бы экстралингвистические. В этой связи закономерным становится обращение к сетевому ресурсу, позволяющему сочетать посредством гиперссылок и диалоговых окон при освещении темы следующую информацию:

1) **языковая** зона (в большей степени лексическая, терминологическая), то есть инвентарь терминов, связанных с оборудованием, изделиями, способами и технологиями ткачества и прядения, выявлением отношения к процессу данного производства групп (лиц), занятых в производстве; наименование календарных периодов, закрепленных за разными этапами исследуемой трудовой деятельности; наименования мифических существ, помогающих и/или наказывающих за некачественную и неурочную работу; устойчивые сочетания слов, относящиеся к одной отрасли трудовой деятельности; благопожелания; этиологические легенды, мотивирующие календарную регламентацию и систему наказаний за ее нарушение; а также лексический пласт, обладающий вторичной семантикой, например, используемый в игровой сфере, гаданиях и т. д.);

2) **этнографическая** зона, предполагающая реконструкцию техники прядения; технологии изготовления и использования оборудования, применяемого на разных этапах прядения и ткачества;

3) **социально-историческая** зона, включающая привлечение архивных данных, а также сведения из дореволюционных источников (например, «Сборники статистических

¹ Например, электронный ресурс, удачно реализующий возможности хранения и трансляции звеньев традиционной народной культуры и/или отдельных жанров, входящих в состав этих звеньев: Лаборатория фольклористики РГГУ, зав. лабораторией доктор филологических наук, профессор кафедры славистики и центральноевропейских исследований РГГУ А.Б. Мороз (<http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/>).

сведений по Тамбовской губернии»)². Эта информация позволит определить: какие социальные слои были задействованы в сфере прядения и ткачества, проследить иерархию распределения обязанностей внутри профессиональной сферы (с учетом возрастной и гендерной принадлежности), «плотность» занятости населения данным видом деятельности, систему поощрения (оплаты) их труда, способы и виды реализации товара;

4) *музыковедческая* зона, репрезентирующая традиционные мотивы (нотные тексты и тексты песен), звучащие на разных этапах подготовки и изготовления полотна.

Территориально проект ограничен Тамбовской областью, но включает районы Липецкой (Лебедянский, Липецкий, Усманский р-ны), Воронежской (Борисоглебский р-он) и Рязанской (Елатомский, Шацкий, Спасский, Темниковский р-ны) областей, то есть ту территорию, которая исторически соотносилась с Тамбовской губернией вплоть до 1928 г.

Внутренняя структура ресурса имеет тематический характер и строится с учетом семантического членения материала, основу которого составляет производственный процесс от его начального этапа (посев, выращивание и уборка конопли) до получения конечного результата – продукта этого производства, то есть ткани. Таким образом, в словаре представлены следующие разделы и их наполнение: 1) выращивание и уборка конопли (включая номинации самого растения, его частей, сортов, качества; посев, рост и вызревание, уборка конопли); 2) первичная обработка конопли (номинация этапов обработки конопли; орудия обработки конопли; сырье и отходы при обработке конопли); 3) прядение (орудия и их части; названия действий в процессе прядения и мотания пряжи; брак при прядении; результаты прядения и мотания пряжи; сорта и качества пряжи; единицы пряжи; названия реальных и мифических лиц по отношению к прядению; обычаи и суеверия, связанные с прядением); 4) снование (разновидности сновален и их части; основа и ее части; ошибки при сновании); 5) ткачество (ткацкий стан и его части;

разновидности ткацких станов; процесс и техника тканья; отходы производства; ошибки и брак при тканье; названия реальных и мифических лиц по отношению к ткачеству; демонологические, космогонические и мифологические представления, отраженные в поверьях, семейных и календарных обрядах, запретах, предписаниях и легендах, связанных с подготовкой, процессом или готовым изделием); 6) ткань (внешний вид и узоры; названия ткани, разновидности ткани; брак ткани; беление и крашение пряжи и ткани; счет и укладка тканей; торговля пряжей и тканями).

Определение типа словаря диктует и принцип отбора размещаемого материала. В нашем случае эта задача усложняется, поскольку ремесленная лексика одновременно принадлежит и диалектному миру, и профессиональной среде, что обуславливает организацию особенного пространства ее бытования [11, с. 298]. Анализ лексикографических изданий, посвященных данной теме [6; 12], а также исследования, в которых интересующая нас тема выступает в качестве самостоятельного научного предмета исследования [13–16] или ее значимого компонента [7; 17–20; 21, с. 112–120], позволяют признать, что терминология прядения, ткачества и коноплеводства носит диалектный характер и, как и терминология народного календаря [22, с. 10], сочетает в себе профессиональную по происхождению терминологию и собственно народные, диалектные названия, отражающие мифоритуальное содержание производственного процесса. При этом диалект нами понимается в трактовке Н.И. Толстого: «Диалект (ровно как и макро- и микродиалект) представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую, если народную духовную культуру выделить из этнографических рамок» [8, с. 21]. Таким образом, в словаре получают закрепление и собственно профессиональная терминология, и тот пласт ремесленной лексики, который принадлежит диалектному дискурсу.

Структура словарной статьи многоуровневая и учитывает коннотативный характер рассматриваемых групп [23], демонстрирует использование этой лексики в мифопоэтиче-

² Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 1–12. Тамбов: Изд-во Тамбовского губернского земства, 1880–1886.

ском пространстве. Толкование дается каждому слову при каждом значении. В каждой словарной статье термины коноплеводства, прядения и ткачества рассматриваются на всех лингвистических уровнях: семантический аспект получает развернутую характеристику, наряду с ним отмечаются фонетические и фонематические варианты, перечисляются зафиксированные грамматические формы, по возможности указываются стилистические пометы. Выбор контекста и определение его границ детерминированы следующими задачами: проиллюстрировать основное значение профессиональной терминологии, в котором употребляется слово, а также показать его семантические оттенки. При наличии синонимичных и антонимичных отношений статьи снабжены гиперссылками, которые позволяют вывести на экран

дополнительные окна с информацией и одновременно работать с каждым из них. Все словарные статьи снабжены географическими пометами, позволяющими очертить ареал бытования слова, этим же задачам отвечают и интерактивные карты, демонстрирующие слово в проекции, его семантические, номинативные и словообразовательные модификации. Словарные статьи, содержащие описание оборудования, снабжены рисунками (фотоматериалами или видеотреками), дающими представление об их внешнем виде, расположении деталей, разновидностях; реконструкция в 3D позволяет увидеть механизм и функционирование оборудования, понять технологию производства.

Приведем пример статьи, которая уже частично разработана.

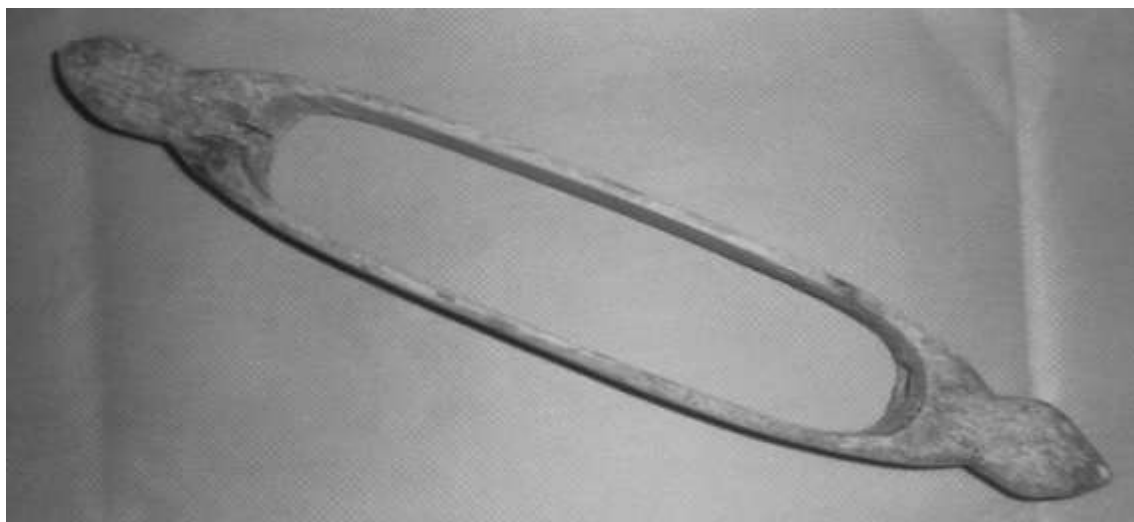

Фото. 1. Челнок. Общий вид, с. 1-я Иноковка, Кирсановский р-он, Тамбовская обл., 2016 г.

Фото. 2. Челнок. Вид сбоку, с. 1-я Иноковка, Кирсановский р-он, Тамбовская обл., 2016 г.

ЧЕЛНОК, ч[а]лнóк, ч[а]лнóчек. 1. 'Ткацкий челнок. Продолговатая колодка с накрученной внутри (на цевку) нитью'. См. фото-материалы (фото 1–2. Челнок. Общий вид и вид сбоку, с. 1-я Иноковка, Кирсановский р-он, Тамбовская обл., 2016 г.). Прялки. Вон, у мене гдей-то она стоит, я сама пряду шерсть на ней. Сидять вот, и тянуть... веретяно. И нитка получается, и нитки сматывают в клубки, потом становятся этот, станок, и ткать их этого самого, из этих ниток. Они как её, я то не знаю, я тогда в старину, их как-то вот делала, такой вот станочек. Вот они заправляли на такой вот чалнок, нитки вот здесь наматывают, наматываются, и вот они туды её вставлять, а нитка продолжается туды, раз, раз – сучать. Опять улучшают, в другую сторону такое, опять станком – раз, раз. И вот так со временем получается материал. А тут под ногами две такие... Да, да, они их переступают. Вот такие, вот нажать, раз, не перешла, челнок всунули. Ну они как наступать, подымаются между собой нитки-то эти, а этот туды пройдёт, чалночек-то этот, а она это подымая и другая опуская. Он опять, он оттэдова, челночек, идёт. И вот так, вот так стучать [с. Мезинец, Староюрьевский р-он, Тамбовская обл., Поняева Мария Кузьминична, 1939 г. р., местная; Поняев Борис Петрович, 1937 г. р., местный, запись авторов, 2006 г.]; 2. Региональный вариант названия общерусской подвижной игры «Ручеёк». На территории области больше известен вариант с водящим: В «Ланту», «Горелки», «Челнок» играли. В «Челнок» так вот играли. Мы стоим с тобой, а парень бежит и тащит за собой ту, которая по-навивалась [с. Большой Ломовис, Пичаевский р-он, Тамбовская обл., Макарова Антонина Ильинична, 1914 г. р., местная, запись Махрачевой Т.В., 1995 г.].

Список литературы

1. Селегей В.П. Электронные словари и компьютерная лексикография. URL: <https://studfiles.net/preview/1771482/page:28/> (дата обращения: 16.05.2017).
2. Гранова М.А. Электронные словари славянской мифологии: опыт и перспективы развития // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2016: сб. ст. / отв. ред. О.Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 80-92.
3. Рублева О.С. Слово в электронном словаре: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2010. 160 с.
4. Булдакова Е.В. Компьютерная лексикография. СПб., 2009. 24 с.
5. Никитина С.Е. Тезаурусное описание языка народной поэзии: общий подход и структура словаря // Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. С. 61-101.
6. Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Униже. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992. 118 с.
7. Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции // Русская потаенная литература. М.: Ладомир, 2001. С. 234-239.
8. Толстой Н.И. Язык и культура // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Изд-во «Ин-дрик», 1995. С. 15-26.
9. Махрачева Т.В., Буцких С.В. Прядение и ткачество на территории Тамбовской области: этнолингвистическое описание // Экология языка и речи: материалы 5 Междунар. науч. конф. / отв. ред. А.С. Щербак. Тамбов: Принт-Сервис, 2016. С. 239-242.
10. Буцких С.А. Проект тематического словаря «Лексика традиционного прядения, ткачества и коноплеводства на территории Тамбовской области» // Студенческое сообщество и развитие гуманитарных наук в XXI веке: материалы Второго Междунар. студенческого форума. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2017. Т. 1. Вып. 2. С. 218-221.
11. Королева М.Д. К проблеме анализа диалектной ремесленной лексики // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 298-307.
12. Тематический словарь говоров Тверской области / под ред. Т.В. Кирилловой. Тверь, 2003. Вып. 2. С. 62-73.
13. Павлова М.Р. Полесская терминология ткачества на общеславянском фон: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. 18 с.
14. Алешина Л.М. Лексика коноплеводства в орловских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2001. 23 с.
15. Чумакова Ю.П. Лексика традиционного ткачества в говорах района «Богословщина» Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика) / ред. Б.В. Горбунов. Рязань, 1995. 228 с.
16. Штукарева Е.Б. Тематическая группа наименований тканей в современном русском языке-

- ке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 16 с.
17. *Валенцова М.М.* Ткачество // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 5. С (Сказка) – Я (Ящерица) / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. С. 278-279.
18. *Валенцова М.М.* Прядение // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4. П (Переправа через реку) – С (Сито) / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. С. 321-328.
19. *Валенцова М.М.* Пряжа // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4. П (Переправа через реку) – С (Сито) / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. С. 328-330.
20. *Валенцова М.М.* Прялка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: 5 т. Т. 4. П (Переправа через реку) – С (Сито) / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. С. 331-334.
21. *Виноградова Л.Н.* Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016.
22. *Толстая С.М.* Полесский народный календарь // Традиционная культура славян. Современные исследования. М.: Индрик, 2005. 600 с.
23. *Апресян Ю.Д.* Коннотация как часть прагматики слова // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 156-177.

Поступила в редакцию 18.08.2017 г.
Отрецензирована 11.09.2017 г.
Принята в печать 15.11.2017 г.
Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

МАХРАЧЕВА Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: mahrachova@mail.ru

БУЦКИХ Светлана Александровна, студентка факультета филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: buckih.s@mail.ru

МАХРАЧЕВ Георгий Сергеевич, студент педагогического института, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: mahrachova@mail.ru

Для цитирования

Махрачева Т.В., Буцких С.А., Махрачев Г.С. К вопросу создания сетевого словаря «Лексика традиционного прядения, ткачества и коноплеводства Тамбовской и прилежащих к ней областей» // Неофилология. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 58-66.

UDC 811.161.1:004(038)

**ON THE ISSUE OF NETWORK DICTIONARY
“LEXIS OF TRADITIONAL FILATURE, CONTEXTURE
AND HEMP GROWING IN TAMBOV AND ADJACENT AREA”**

© Tatyana Vladimirovna MAKHRACHEVA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000
E-mail: mahrachova@mail.ru

© Svetlana Aleksandrovna BUTSIKH

E-mail: buckih.s@mail.ru

© Georgiy Sergeevich MAKHRACHEV

E-mail: mahrachova@mail.ru

Abstract. With the help of lexicographic means the lexical materials on the topic of traditional filature, contexture and hemp growing in Tambov and adjacent area is described. The foundation of the type of dictionary was chosen productive for traditional folk culture (mostly peasant) electronic network dictionary which let combine by means of hypertext link and dialog windows the following information: 1) linguistic – the inventory of terms, connected with equipments, goods, means and technologies of filature and contexture, revealing of relation to the process of this production, groups (persons), participating in production, naming of the calendar periods, fixed after different stages of the studied work activity; the names of myth creatures, helping or/and punishing for unqualified work, wishful thinking; etiological legends, motivating the calendar scheduling and the system of punishments and also lexical layer with secondary semantic meaning, for example used in game sphere, divination and etc.; 2) Ethnographic information, fixing the technics of filature, technologies of production and equipment used in different stages of filature and weaving; 3) social-historic information, including pointing social layers, which were used in the sphere of filature and weaving and means of product realization; 4) musicological information, representing traditional motives (note texts and songs texts), at different stages of preparation and texture production.

Keywords: networking dictionary; traditional filature; weaving and hemp growing; Tambov province

References

1. Selegey V.P. *Elektronnye slovari i komp'yuternaya leksikografiya* [Electronic Dictionaries and Computer Lexicography]. (In Russian). Available at: <https://studfiles.net/preview/1771482/page:28/> (accessed 16.05.2017).
2. Granova M.A. Elektronnye slovari slavyanskoy mifologii: opyt i perspektivy razvitiya [Electronic dictionaries of Slavic mythology: experience and development prospects]. In: Krylova O.N. (executive ed.). *Sbornik statey «Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya. 2016»* [Digest of Articles “Modern Russian Lexicology, Lexicography and Linguistic Geography. 2016”]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, pp. 80-92. (In Russian).
3. Rubleva O.S. *Slovo v elektronnom slovare: dis. ... kand. filol. nauk* [Word in Electronic Dictionary. Cand. philol. sci. diss.]. Kirov, 2010, 160 p. (In Russian).
4. Buldakova E.V. *Komp'yuternaya leksikografiya* [Computer Lexicography]. St. Petersburg, 2009, 24 p. (In Russian).
5. Nikitina S.E. Tezaurusnoe opisanie yazyka narodnoy poezii: obshchiy podkhod i struktura slovary [The-saurus description of peoples poetry: general approach and dictionary structure]. *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral Peoples' Culture and Linguistic Consciousness]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 61-101. (In Russian).

6. Gromov A.V. *Slovar'. Leksika l'novodstva, pryadeniya i tkachestva v kostromskikh govorakh po reke Unizhe* [Dictionary. Lexis of Flax Breeding, Filature and Weaving in Kostroma Dialects by the River Unizhe]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 1992, 118 p. (In Russian).
7. Kabakova G.I. *Antropologiya zhenskogo tela v slavyanskoy traditsii* [Anthropology of woman's body in Slavic tradition]. *Russkaya potaennaya literatura* [Russian Secret Literature]. Moscow, Lodomir Publ., 2001, 335 p. (In Russian).
8. Tolstoy N.I. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and Peoples' Culture. Outlines of Slavic Mythology and Ethnic Linguistics]. Moscow, Indrik Publ., 1995, pp. 15-26. (In Russian).
9. Makhacheva T.V., Butskikh S.V. *Pryadenie i tkachestvo na territorii Tambovskoy oblasti: etnolingvisticheskoe opisanie* [Filature and weaving at the territory of Tambov region: ethnic and linguistic description]. *Materialy 5 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Ekologiya yazyka i rechi»* [Proceedings of the 5th International Scientific Conference "Ecology of Language and Speech"]. Tambov, Print-Servis Publ., 2016, pp. 239-242. (In Russian).
10. Butskikh S.A. *Proekt tematicheskogo slovarya «Leksika traditsionnogo pryadeniya, tkachestva i konoplevodstva na territorii Tambovskoy oblasti»* [Project of Thematical Dictionary "Lexis of traditional filature, contexture and hemp growing in Tambov territory"]. *Materialy Vtorogo Mezhdunarodnogo studencheskogo foruma «Studencheskoe soobshchestvo i razvitie gumanitarnykh nauk v XXI veke»* [Proceedings of the 2nd International Student Forum "Student Society and Development of the Humanities in 21st Century"]. Voronezh, VSU Publishing House, 2017, vol. 1, issue 2, pp. 218-221. (In Russian).
11. Koroleva M.D. *K probleme analiza dialektnoy remeslennoy leksiki* [On the issue of dialect handicraft lexis analysis]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniya* [Lexical Atlas of Russian Peoples Dialect: Materials and Researches]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015, pp. 298-307. (In Russian).
12. Kirillova T.V. (ed.). *Tematicheskii slovar' govorov Tverskoy oblasti* [Thematic Dictionary of Tver Province Dialects]. Tver, 2003, no. 2, pp. 62-73. (In Russian).
13. Pavlova M.R. *Poleskaya terminologiya tkachestva na obshcheslavyanskom fon: avtoref. dis... kand. filolog. nauk* [Polesye Terminology of Weaving at General-Slavic Background. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, Institute of Slavic and Balkan Studies of Academy of Sciences of the USSR, 1990, 18 p. (In Russian).
14. Aleshina L.M. *Leksika konoplevodstva v orlovskikh govorakh: avtoref. dis... kand. filol. nauk* [Lexis of Hemp Growing in Orel Subdialects. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Orel, 2001, 23 p. (In Russian).
15. Chumakova Y.P. *Leksika traditsionnogo tkachestva v govorakh rayona «Bogoslovshchina» Ryazanskoy oblasti (semanticheskaya, dialektologicheskaya i etimologicheskaya kharakteristika)* [Lexis of Traditional Weaving in Dialects of "Bogoslovshchina" Region of Ryazan province (Semantic, Dialectologic and Etymological Characteristics)]. Ryazan, 1995, 228 p. (In Russian).
16. Shtukareva E.B. *Tematicheskaya gruppa naimenovaniy tkaney v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis... kand. filol. nauk* [Thematic Group of Naming the Tissues in Modern Russian Language. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2001, 16 p. (In Russian).
17. Valentsova M.M. *Tkachestvo* [Weaving]. In: Tolstoy N.I. (gen. ed.). *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'. T. 5. S (Skazka) – Ya (Yashcheritsa)* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary. Vol. 5. S (Tale) – Ya (Lizard)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2012, pp. 278-279. (In Russian).
18. Valentsova M.M. *Pryadenie* [Spinning]. In: Tolstoy N.I. (gen. ed.). *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. T. 4. P (Pereprava cherez reku) – S (Sito)* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols. Vol. 4. P (Crossing the River) – S (Sieve)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, pp. 321-328. (In Russian).
19. Valentsova M.M. *Pryazha* [Yarn]. In: Tolstoy N.I. (gen. ed.). *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. T. 4. P (Pereprava cherez reku) – S (Sito)* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols. Vol. 4. P (Crossing the River) – S (Sieve)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, pp. 328-330. (In Russian).
20. Valentsova M.M. *Pryalka* [Spinning wheel]. In: Tolstoy N.I. (gen. ed.). *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. Vol. 4. P (Pereprava cherez reku) – S (Sito)* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols. Vol. 4. P (Crossing the River) – S (Sieve)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, pp. 331-334. (In Russian).
21. Vinogradova L.N. *Mifologicheskii aspekt slavyanskoy fol'klornoy traditsii* [Mythological Aspect of Slavic Folklore Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 2016. (In Russian).

22. Tolstaya S.M. Poleskiy narodnyy kalendar' [Polesye Public Calendar]. *Traditsionnaya kul'tura slavyan. Sovremennye issledovaniya* [Traditional Culture of Slavic People. Modern Researches]. Moscow, Indrik Publ., 2005, 600 p. (In Russian).
23. Apresyan Y.D. Konnotatsiya kak chast' pragmatiki slova [Connotation as a part of pragmatics of the word]. In: Apresyan Y.D. *Izbrannye trudy. T. 2. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Vol. 2. Integral Description of the Language and System Lexicography]. Moscow, 1995, pp. 156-177. (In Russian).

Received 18 August 2017

Reviewed 11 September 2017

Accepted for press 15 November 2017

There is no conflict of interests.

Information about the authors

MAKHRACHEVA Tatyana Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: mahrachova@mail.ru

BUTSKIKH Svetlana Aleksandrovna, Student of Philology and Journalism Faculty, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: buckih.s@mail.ru

MAKHRACHEV Georgiy Sergeevich, Student of Pedagogy Institute, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: mahrachova@mail.ru

For citation

Makhracheva T.V., Butskikh S.A., Makhrachev G.S. K voprosu sozdaniya setevogo slovaryia «Leksika traditsionnogo pryadeniya, tkachestva i konoplevodstva Tambovskoy i prilozhashchikh k nej oblastey» [On the issue of network dictionary "Lexis of traditional filature, contexture and hemp growing in Tambov and adjacent area"]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 4 (12), pp. 58-66. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 811.1'37-114

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
«ЕДИНСТВО ЕВРОПЫ ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ»
/ А.А. КРЕТОВ, О.М. ВОЕВУДСКАЯ, И.А. МЕРКУЛОВА, В.Т. ТИТОВ;
ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ.
ВОРОНЕЖ: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВГУ, 2016. 412 с.**

© Анатолий Леонидович ШАРАНДИН

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: sharandin@list.ru

Аннотация. Представлена рецензия на коллективную монографию, авторы которой формулируют основы и предпосылки для формирования нового раздела теоретической лингвистики – лексико-семантической макротипологии языков как части лингвистической типологии, открывающей широкие перспективы для сопоставительного изучения не только языковых, но и ментальных сходств и различий народов. По данным словарей 35 государственных языков Европы анализируются отраженные в лексике ментальные сходства и различия носителей этих языков. Содержатся сведения о лексико-семантическом устройстве государственных языков Европы в самой существенной части лексики – параметрическом ядре.

Ключевые слова: типология языков; лексика; лексическое ядро; параметрический анализ; ментальные различия

В настоящее время обращение к количественному аспекту в разных областях лингвистической науки, особенно в русле корпусных исследований языка, стало достаточно распространенным. И как всегда в такие периоды развития лингвистики важно увидеть то, что определяет целесообразность и правомерность изучения языка в количественном аспекте. Думается, работы в этой области языкознания оказываются системно востребованными для дальнейшего развития методологической базы исследований, для осмысления и видения объяснительного и прогнозирующего потенциала новых подходов к описанию системности языка. Несомненно, они предполагают формирование и развитие новых методов и приемов в рамках имеющего свою исследовательскую историю количественного подхода, который объясняет закономерность результатов познавательной деятельности человека посредством объективных данных, предоставленных количественной лингвистикой. Поэтому она со своим понятийным аппаратом, включающим соответствующую методологию, оказывается востребованной в свете произошедшей смены научных парадигм – системоцентрической на антропоцентрическую.

Антропоцентризм как главный принцип описания языка и когнитивная лингвистика как одно из основных направлений современного языкознания, реализующая данный принцип в своем подходе к описанию языка, получают в союзе с количественной лингвистикой тот объективный инструментарий, который в нежесткой концептуализации и категоризации мира в языке, когда границы между категориями оказываются размытыми, позволяет увидеть закономерности моделирования языковой картины мира, увидеть то единство и различие, которые присущи структурированию тех или иных языковых уровней и системы языка в целом. Поэтому количественная лингвистика и когнитивная лингвистика с ее интегрирующим характером оказываются во взаимодействии друг с другом. Будучи различными в исследовательском аспекте, они дополняют друг друга, представляют собой единое целое в осмыслении и описании одного и того же объекта – языка как системы и ее уровней.

Рецензируемая исследовательская работа достаточно наглядно демонстрирует, с одной стороны, достигнутые результаты в описании лексики на материале лексико-семантических полей для установления типологиче-

ских особенностей различных языков, и, с другой стороны, убеждает в обоснованности и целесообразности их исследования с позиций предложенного параметрического метода в качестве объяснительного и прогнозирующего механизма для системного изучения лексики. В сущности, установление единства и различия в лексике разных языков и оказывается в центре внимания авторов монографии, хотя, судя по названию, в большей степени внимание уделено единству языков, в частности Европы, по данным лексики.

В монографии выявляется интегральная ценность данного единства, позволяющая осуществить принципиально иной подход к подобного рода описаниям, которые осуществляют другие коллективы исследователей, поскольку для выполнения таких исследовательских проектов требуются усилия целого коллектива. В Воронежском государственном университете такой коллектив сложился закономерно, ибо его авторы в той или иной степени реализовали в своих работах параметрический метод в рамках количественной лексикологии, которая получила свое обоснование и развитие, прежде всего, в трудах профессоров А.А. Кретьева и В.Т. Титова. Эти ученые, ставя задачу системного описания лексики того или иного языка, отмечают, что в описаниях языков разделы, посвященные лексике, оказываются малоинформативными, поскольку они в большей степени сориентированы на внешнюю лингвистику, тогда как описание внутренней лингвистики оказывается часто малоинформативным (с. 4), поскольку большое внимание уделяется экстралингвистическим характеристикам лексики и недостаточное – собственно лингвистическим» (с. 5). Вследствие этого, по мнению авторов, «при таком подходе мы практически ничего не узнаем об особенностях лексико-семантической системы того или иного языка. И если нехватки источников, содержащих информацию о лексике языков мира, не наблюдается, то необходимый инструментарий для теоретического освоения этой информации только начинает разрабатываться» (с. 4).

Поэтому актуальность рецензируемой монографии определяется (обусловлена) тем, что в ней идея системности рассматривается как возможность увидеть изучаемое лексиче-

ское единство языков Европы в развитии, показать взаимодействие языков и объяснить его, исходя из понимания языка как структурированной функциональной системы. Такая направленность книги указывает на ее оригинальность и новизну, а нацеленность на системное исследование лексико-семантических полей, представленных в 35 языках Европы, определяет масштабность предпринятого описания. При этом важно и ценно то, что в самом начале книги даны исходные положения (постулаты), отражающие исследовательскую концепцию авторов: 1) мировоззрение носителей языка находит отражение в словаре; 2) существенные особенности словаря концентрируются в параметрическом ядре лексики; 3) вычисление коэффициента корреляции между параметрическими ядрами государственных языков Европы позволяет исследовать ментально-языковую кластеризацию государств Европы на материале словарей государственных языков; 4) целенаправленное воздействие на лексику языков через словари и словоупотребление способно повлиять на лингвокультурные, а через них – и на социальные процессы (с. 4).

Нет сомнений, что обращение к лексике в плане поставленных задач обоснованно и закономерно, поскольку, как справедливо отмечают авторы, «членение внешнего мира, осуществляемое с помощью языка, отражается, прежде всего, в лексике. Лексикализация понятия свидетельствует о его особой значимости для данной культуры. Следовательно, лексика языка играет особую роль в формировании языковой картины мира» (с. 4). При этом авторы дают обоснование, чем обусловлено обращение к изучению *ядра лексики*, представленной в словарях: «Ядро лексики устойчиво и структурировано. Периферия – изменчива и нечетка. Ядро мало по размеру, периферия – безгранична. Ядром владеет каждый индивид, периферией – все общество, обслуживаемое данным языком. Поэтому в лексической типологии классификации языков возможны, но в основу их должно быть положено ядро лексико-семантической системы» (с. 5). Именно в зеркале ядерных смыслов, считают исследователи, можно представить лингвокультурное пространство Европы и лексико-семантическую типологию европейских языков (с. 395).

Естественно, центральным моментом в описании этих лексических ядер является обоснование метода их изучения и описания, представленного в результатах количественной обработки языкового материала. Таким методом, определяющим новизну исследовательского подхода, является **метод параметрического анализа**, основанный на «замерах» системных параметров лексики, представленной тысячей наиболее «весомых» единиц лексико-семантической системы. К числу параметров, определяющих выделение этой «ядерной тысячи» выявление типологически существенных черт лексико-семантической системы, исследователи относят следующие **параметры**: 1) функциональный (употребительность) – оценивается по длине слова; 2) синтагматический (широкая сочетаемость) – оценивается по количеству фразеосочетаний со словом; 3) эпидигматический (многозначность) – оценивается по количеству значений у слова; 4) парадигматический (вхождение в многочисленные синонимические ряды) – оценивается по числу слов, входящих в синонимический ряд (с. 6).

По мнению исследователей, предложенная методика имеет ряд преимуществ, которые им видятся в следующем: «Во-первых, в ориентации на ядро лексики, состоящее из лексических единиц, имеющих высокий системный вес. Во-вторых, указанная минимизация объекта сравнения происходит посредством собственно лексических (системных) параметров: формальная простота, многозначность, широта сочетаемости, богатство синонимии. Слова попадают в ядро не случайным образом, а в соответствии с высокими показателями представленности того или иного параметра на фоне всех единиц словаря. Эти показатели являются *параметрическим весом* лексемы, вычисленным по формуле, на всем объеме словаря» (с. 7).

Особенно значимо для заявленной авторами цели исследования и связи с лингвокультурологией и концептологией их высказывание о том, что «анализ отношений между параметрическими ядрами словарей разных языков позволяет сделать вывод о ментальных сходствах и различиях носителей этих языков, а вычисление коэффициента корреляции между параметрическими ядрами

позволяет исследовать ментально-языковую кластеризацию государств Европы» (с. 7).

Дальнейшее изложение материала (главы 1–6) строится логично и закономерно, предлагая изложение основных результатов применения параметрического анализа в описании конкретных языков в отдельности с учетом их представленности в рамках одной языковой семьи (например, *Глава 1. Параметрический анализ лексики славянских языков Европы*: русского, украинского, белорусского, польского, чешского, словацкого, болгарского, македонского, сербохорватского и словенского языков), а также языков, принадлежащих к разным языковым группам и семьям: новогреческого, албанского, турецкого.

Композиция, сориентированная на обоснование предмета исследования (от типологии языков к выявлению результатов описания лексики посредством метода параметрического анализа), и структура подачи результатов анализа лексики в соблюдаемой всеми авторами последовательности (согласно параметрам) позволяют концентрированно и целенаправленно воспринимать и осмысливать полученные результаты и выводы, которые отражают как методологическую позицию авторов, так и собственно лингвистическую позицию.

Несомненным достоинством монографии явилось представление аналитической проработки лексического материала в плане выявления взаимосвязей между языками и составление по этим данным с помощью компьютерной программы, разработанной программистом кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета М.В. Катовым, *Карты лингвокультурного пространства языков Европы* (с. 352), в которой в качестве показателя близости лексико-семантических систем двух языков используется нанесение графов. Эта близость определялась по определенной формуле, позволяющей получить коэффициент корреляции лексических ядер двух сравниваемых языков.

Аналитико-синтезирующий подход позволил авторам получить результаты, согласно которым ядро лингвокультурного пространства Европы образуют германские языки. К нему примыкают славянские (бело-

русский, словацкий, польский, македонский), финно-угорские (венгерский, эстонский), балтийские (латышский), балканские (албанский, турецкий) и романские (каталанский) языки. Несколько неожиданным результатом, думается, не только для авторов исследования, является то, что для германского ареала центром является не английский (пять внутригрупповых связей) и не немецкий (три связи в группе), а английский и датский, имеющие 5 связей в германской группе языков и 1 – с каталанским. По мнению авторов, этот результат, в свете истории, представляется не столь удивительным: лексико-семантическая система языков в своем ядре устойчива и хранит память о прошлом. При этом важно отметить, что, анализируя лексико-семантическую карту языков Европы, авторы имеют в виду ее условность и принципиальную неполноту.

В теоретико-методологическом аспекте значимым является, на наш взгляд, включение результатов исследования в понятие “SAE” (Standard Average European – средне-европейский языковой стандарт), которое было предложено американским лингвистом Б.Л. Уорфом в 1939 г. Он, используя грамматические категории, обосновал идею, как язык членит и интерпретирует внеязыковую действительность. Авторы считают, что их исследование *дополняет исследование Б.Л. Уорфа* вторым неперменным аспектом любого языка – лексическим, исследовав, **как европейские языки членят внеязыковую действительность средствами лексики** (с. 363).

Результатом поиска смысла (концепта), объединяющего языки Европы, стал вывод, что «таким смыслом (концептом) является «удар», представленный 1127 парами условно эквивалентных слов в государственных языках Европы. Если принять во внимание 361 пару условно эквивалентных слов со значением «бить = наносить (каузировать бить) удар», доминантность концепта ‘удар’ в среднеевропейском языковом стандарте станет еще более бесспорна. Ведь различие смыслов ‘удар/бить’ лежит в плоскости грамматики: это различие частей речи, которые Б.Л. Уорф, как и практически все остальные лингвисты, относит к грамматике. Не будет ошибкой сказать, что ‘удар’ – это

проекция значения ‘бить’ на плоскость существительных, а ‘бить’ – проекция значения ‘удар’ на плоскость глаголов. *Бить* толкуется через *удар*, *удар* – через *толчок*, а *толчок* – через *удар*» (с. 364).

Несомненную исследовательскую ценность имеет глава 9 «Ментальное членение языков Европы в зеркале эксклюзем». В плане заявленной исходной позиции о том, что «лексика языка играет особую роль в формировании языковой картины мира» (с. 4) материал этой главы позволяет выявить и описать ментальную эксклюзивность лексики того или иного языка в его взаимосвязях с другими языками, то есть тем самым увидеть ментальное своеобразие носителей языка посредством словесной репрезентации концептов.

Цель данной главы – исследовать уникальные лексические смыслы, общие только для какой-то одной пары языков и в силу этого членящие лингвоментальное пространство Европы. В качестве единицы подсчета использовалась *пара* слов, принадлежащих разным языкам, у которых совпало не менее 50 % метаслов, составляющих дефиницию. Метаязыком для авторов, естественно, выступает русский язык. В результате, например, латышский язык оказался самым германизированным языком Европы; на втором месте – македонский, на третьем – албанский. Из романских языков самым германизированным предстает каталанский, из финно-угорских – венгерский.

Данные главы 9 свидетельствуют о том, что количество эксклюзем с участием германских языков составляет 76 %, а без участия германских языков – 24 %. При этом германские языки составляют всего 9 из 35 государственных языков Европы, то есть чуть больше 1/4, но на их долю приходится более 3/4 эксклюзем. Эти и другие данные позволили авторам утверждать, что «ядро и доминанту ментального пространства Европы составляют германские языки» (с. 393).

В качестве уточнения ряда положений исследования и получения более полной исследовательской картины отметим следующее.

1. Думается, параметрический анализ следует рассматривать не только как метод описания лексики, но и как *методологический принцип* исследований, в которых объект оказывается многоаспектным, что позво-

ляет в параметрическом анализе видеть реализацию всесторонности, комплексности описания объекта.

2. Предложенный параметрический анализ сориентирован, прежде всего, на выявление и описание знаменательной незаимствованной лексики. Если так, то авторы не освобождают свой анализ от экстралингвистических факторов, выявляя исконную лексику.

3. Отмечая связь параметрического анализа с ментальностью, хотелось бы уточнить, о каком параметре или параметрах идет речь? Чаще всего в этом плане рассматривался парадигматический параметр, хотя порой не лишен был информации о такой связи и эпидигматический параметр. К сожалению, связь параметрического анализа с рассуждениями о выявляемой им ментальности носителей языка не всегда присутствует в результатах описания лексики того или иного языка (см., например, материалы о турецком, французском, шведском, итальянском и других языках).

Таким образом, оценивая коллективную монографию «Единство Европы по данным лексики» как результат исследования с позиций квантативной лингвистики, можно утверждать, что в ней достаточно гармонично

представлены теоретико-ориентированная и практико-ориентированная составляющие исследования. Полученные результаты не только новы и оригинальны, но и свидетельствуют о состоятельности ее методологической базы и перспективности описания лексики в этом плане. Поэтому желание и стремление ее авторов увидеть в результатах своего исследовательского проекта зарождение основ и предпосылок «для формирования нового раздела теоретической лингвистики – лексико-семантической макротипологии языков как части лингвистической типологии» (с. 396) не безосновательно и вполне реализуемо при условии корректировки некоторых частных моментов. В целом же, несомненно, теоретико-ориентированные и практико-ориентированные результаты исследования будут способствовать более глубокому и всестороннему описанию лексико-семантических полей в тех или иных языках и окажут влияние на преподавание лексики в собственно лингвистическом аспекте.

Поступила в редакцию 30.09.2017 г.

Отрецензирована 21.10.2017 г.

Принята в печать 22.11.2017 г.

Информация об авторе

ШАРАНДИН Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: sharandin@list.ru

Для цитирования

Шарандин А.Л. Рецензия на коллективную монографию «Единство Европы по данным лексики» / А.А. Кретов, О.М. Воеводская, И.А. Меркулова, В.Т. Титов; Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 412 с. // Неофилология. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 67-72.

UDC 811.1'37-114

**REVIEW OF THE MULTI-AUTHORED MONOGRAPH
“THE UNITY OF EUROPE ACCORDING TO VOCABULARY”
/ A.A. KRETOV, O.M. VOEVUDSKAYA, I.A. MERKULOVA, V.T. TITOV;
VORONEZH STATE UNIVERSITY.
VORONEZH: VSU PUBLISHING HOUSE, 2016. 412 p.**

© Anatoliy Leonidovich SHARANDIN

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000
E-mail: sharandin@list.ru

Abstract. The review of the multi-authored monograph is presented, in which the authors articulate the foundations of a new direction in linguistic typology – lexical macrotypology of languages, which opens wide perspectives for the comparative study of not only language, but also the mental similarities and differences of peoples. According to the dictionaries data 35 state languages of Europe are analyzed reflected in the vocabulary mental similarities and differences of language speakers. The information about lexical-semantic arrangement of state languages are analyzed. The most significant part of vocabulary – parametric core contains the information about lexical-semantic organization of state languages of Europe.

Keywords: typology of languages; vocabulary; lexical core; parametric analysis; mental differences

Received 30 September 2017

Reviewed 21 October 2017

Accepted for press 22 November 2017

Information about the author

SHARANDIN Anatoliy Leonidovich, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, e-mail: sharandin@list.ru

For citation

Sharandin A.L. Retsenziya na kollektivnuyu monografiyu «Edinstvo Evropy po dannym leksiki» / A.A. Kretov, O.M. Voevudskaya, I.A. Merkulova, V.T. Titov; Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet. Voronezh: Izdatelskiy dom VGU, 2016. 412 s. [Review of the multi-authored monograph “The unity of Europe according to vocabulary” / A.A. Kretov, O.M. Voevudskaya, I.A. Merkulova, V.T. Titov; Voronezh State University. Voronezh: VSU Publishing House, 2016. 412 p.]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 4 (12), pp. 67-72. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 81

НАУЧНОЙ ТРОПОЙ УЧИТЕЛЯ

© Айнагуль Бектасовна ТУМАНОВА

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, 71
E-mail: a.tumanova@inbox.ru

© Антонина Семеновна ЩЕРБАК

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: ant_scherbak@mail.ru

Аннотация. Исполнилось 50 лет педагогической деятельности широко известной в филологической среде Надежды Ивановны Гайнуллиной, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля Республики Казахстан. Жизненный и научный путь Надежды Ивановны напрямую связан с Казахским государственным университетом им. С.М. Кирова (ныне – Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы): от выпускницы, ассистента кафедры до Почетного заведующего кафедрой русской филологии КазНУ.

Ключевые слова: Н.И. Гайнуллина; юбилей педагогической деятельности; вклад в лингвистическую науку

С 1966 г. Надежда Ивановна Гайнуллина работала на кафедре русской филологии Казахского государственного университета им. С.М. Кирова (в настоящее время – Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы), начиная с должности ассистента до профессора, заведующего кафедрой.

Особым научным достижением и неоценимым вкладом ученого в лингвистическую науку являются фундаментальные труды: кандидатская диссертация «Заимствованная лексика в «Письмах и бумагах императора

Петра Великого» (к проблеме освоения слов иноязычного происхождения в Петровскую эпоху)» (1973 г.), докторская диссертация «Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка» (1996 г.).

На протяжении всей своей научно-педагогической деятельности профессор Н.И. Гайнуллина на высоком научно-теоретическом и методическом уровне, с учетом новейших достижений в лингвистической науке XX – начала XXI века читала лекции и вела практические (семинарские) занятия по всем разделам современного русского языка, истории русского литературного языка, проводила спецсеминары по семасиологии, этимологии специалистам, затем бакалаврам, лекции по активным процессам в современном русском языке, проблемам лингвокультурологии, прагмалингвистики, языковой личности (исторический, диахронический аспект), диахронии в синхронии языка в магистратуре и докторантуре PhD.

С первых шагов перестройки высшей школы Казахстана принимала активное участие в реформе высшей школы Республики Казахстан. В течение 2000–2004 гг. была руководителем авторского коллектива по составлению госстандартов по трем филологическим специальностям; в составе авторского

коллектива участвовала в разработке государственных стандартов, типовых и рабочих учебных планов магистратуры по кредитной технологии обучения; постоянно совершенствовала другую учебно-методическую документацию в соответствии с запросами высшего образования и новыми требованиями Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Круг научных интересов Н.И. Гайнуллиной необычайно широк: актуальные проблемы современного русского языка, истории русского литературного языка, вопросы по семасиологии, этимологии, лингвокультурологии, прагмалингвистике, исследование диахронии и синхронии языка, анализ категории языковой личности (исторический, диахронический аспект) и мн. др.

Как человек творческий, ищущий, неравнодушный, Надежда Ивановна претворяла в жизнь свои научные идеи и научные предпочтения посредством руководства многочисленными научными исследованиями своих учеников: бакалавров-дипломников, выпускников-магистрантов, аспирантов и докторантов. Порою просто дарила своим подопечным, идущим ее научной тропой, интересные и совершенно новые идеи.

За свой длительный и плодотворный путь научного Наставника Н.И. Гайнуллина подготовила 6 докторов и 12 кандидатов филологических наук по многоаспектным и актуальным для русистики проблемам XX – начала XXI века.

В течение многих лет была членом специализированного совета по защите кандидатских, затем докторских диссертаций в КазНУ им. аль-Фараби (1989–2010). С 1997 по 2001 г. – член экспертного совета по языкознанию и искусствоведению Высшей аттестационной комиссии Республики Казахстан. С 1974 по 1992 г. – ответственный секретарь редколлегии республиканского межвузовского научного издания «Филологический сборник» МОН КазССР, инициатором, создателем и бессменным научным редактором которого был заведующий кафедрой русской филологии КазГУ доцент, потом профессор Х.Х. Махмудов; с 1992 г. – член редколлегии журнала «Вестник Казахского национального университета. Серия филологическая».

За заслуги перед высшим образованием и наукой Казахстана награждена медалью

«Ветеран труда» (1988), Серебряной медалью аль-Фараби (2009), Почетными грамотами Министерства образования и науки Республики Казахстан за научное руководство студентами (дважды) и мн. др.

Научные достижения Н.И. Гайнуллиной отмечены внесением ее имени в республиканский справочник «Высшая школа Казахстана в лицах» (2000), зарубежный каталог «Интеллектуалы XX века» (Кембридж, Англия) («INTELLECTUALS of the 20th Century» (Cambridge, England)) (2000).

Основные труды:

Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII века: историко-лингвистический аспект: монография. Алматы: Казак университеті, 1995. 276 с.

Языковая личность Петра Великого (опыт диахронического описания): монография. Алматы: Казак университеті, 2003. 141 с.

Заемствованная лексика в Петровскую эпоху: проблемы адаптации: монография. Алматы: Казак университеті, 2008. 295 с. и мн. др.

Мы благодарим Надежду Ивановну Гайнуллину за многолетнюю работу по популяризации, сохранению и развитию русского языка в Казахстане, плодотворную педагогическую деятельность, вклад в развитие казахстанской и мировой филологической науки.

Пожелаем Надежде Ивановне здоровья, новых научных достижений и творческих учеников.

Далее изложим краткие сведения о научных исследованиях ее учеников.

Докторские диссертации.

Шевякова Татьяна Васильевна «Фразеология русского языка XVIII века (именные фразеосочетания)» (2003). Диссертация посвящена актуальной и до конца не решенной в исторической русистике проблеме, связанной с формированием фразеологического фонда русского языка в переломный для его истории XVIII век. Новизной работы явилось диахроническое исследование русской именной фразеологии с позиций причинно-следственных связей и взаимосвязей, заложенных в

системе самого языка и влияющих на эволюцию фразеологической подсистемы XVIII века, развивавшейся в специфических исторических условиях формирования русского языка национального типа; в работе выявлен механизм превращения свободных сочетаний лексем во фразеологически связанные единицы; представлена типология именных фразеосочетаний; определена динамика развития фразеологической подсистемы на протяжении XVIII века на фоне культурно-исторической обстановки эпохи, политических, социальных и экономических факторов во взаимосвязи с изменением общественного и индивидуального сознания.

Килевая Людмила Тимофеевна «Становление категории наклонения славянского глагола» (2003). Диссертация посвящена актуальной, крупной по масштабу поставленной в ней задаче проблеме диахронической русистики, связанной с исследованием ведущей в системе словоизменительных грамматических категорий глагола – грамматической категории наклонения в древнерусский период (XI–XIV века). Новизной работы явилась предложенная и убедительно доказанная научная концепция автора о происхождении грамматической категории наклонения в онтогенезе и филогенезе, учитывающая как внутренние факторы развития категории наклонения, так и зависимость от эволюции когнитивной модели мира древних славян с целью выявления этапов становления данной грамматической категории и воссоздания фрагмента общей картины преобразования славянской глагольной системы в исторической перспективе.

Ли Валентин Сергеевич «Категория пропозитивности в современном русском языке (когнитивно-дискурсивный аспект)» (2005). Диссертация выполнена в русле актуального для конца XX – начала XXI столетия направления синтаксической семантики с использованием достижений других гуманитарных наук, прежде всего логики и когнитологии. Предметом исследования стала категория пропозитивности, пришедшая в лингвистику из логических областей знания, что дало возможность более адекватно представить процедуру сложения смыслов, возникающих

в процессе речевой деятельности. Обращение к когнитивному направлению исследования речемыслительной (дискурсивной) деятельности говорящего субъекта определило новизну работы; разработана методика когнитивно-дискурсивного анализа фактического материала, значительно обогащающая известные науке и пока что находящиеся в процессе становления методики описания и интерпретации языковых фактов с позиций когнитивной лингвистики.

Туманова Айнагуль Бектасовна «Языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва» (2008). В диссертации исследуется актуальная проблема современного языкознания, связанная с изучением субъективного фактора в языке. Предметом анализа служит категория модальности, модусных смыслов и их связь с ментальностью писателей-билингвов (этнических казахов), отраженные в их художественном дискурсе и выступающие способом репрезентации языковой картины мира особого рода, возникающей у носителя языка в специфических условиях наложения культур (С-1 и С-2) и языков (L-1 и L-2) и потому названной автором *контаминированной картиной мира и контаминированной языковой картиной мира* как ее репрезентантом в творчестве писателей-билингвов.

Мирзоева Лейла Юрьевна «Эволюция категории оценки в русском языке XVII–XIX веков» (2009). Диссертация посвящена различным аспектам эволюции категории оценки, таким как трансформация прецедентных феноменов (от имени до целого текста), трансформация жанра пародии и пр. В работе показан процесс секуляризации сознания, находящий отражение на уровне языковых структур.

Пак Маргарита Константиновна «Общерусское слово (имя существительное)» (2010). Диссертация посвящена исследованию общерусских существительных, функционирующих в диалектной системе (на примере архангельских говоров) и в литературном языке. Научная новизна работы заключается в том, что впервые в научный обиход введен новый, обширный по объему

диалектный материал, репрезентированный именами существительными, бытующими в современных архангельских говорах; впервые автором предложено комплексное функционально-семантическое, лингвокультурологическое описание общерусских существительных, представляющее своеобразную модель для экспликации региональной специфики языковой системы.

Кандидатские диссертации.

Кононенко Олег Анатольевич «Лексические заимствования в русском языке 1970-х – начала 1980-х гг. (на материале неографических словарей и справочников (1990)). В диссертации рассматривается актуальная для начала 90-х гг. XX века проблема пополнения словарного состава русского языка и освоения в нем новых иноязычных заимствований, явившихся реакцией на изменения в общественно-политической и культурной жизни реципиентов. Новизна исследования определяется тем, что в нем впервые подвергнуты научному осмыслению и тщательному анализу инновации нерусского происхождения 70-х – начала 80-х гг. XX века, отраженные в научной неографической продукции, составленной по свежим следам самого процесса лексического заимствования; указаны наиболее важные экстралингвистические факторы, оказавшие влияние на данный процесс; исследованы и описаны наиболее типичные семантические изменения, претерпеваемые лексическими единицами при вхождении в русский язык; отмечена взаимосвязь семантических процессов, характерных для процесса заимствования 70-х – начала 80-х гг. XX века, с особенностями современного для них общественного развития; предложена тематическая классификация иноязычных неологизмов.

Семенов Петр Александрович «Традиционное и новое в употреблении славянизмов в трагедиях декабристов» (1993). В диссертации предметом исследования выступает актуальная для исторической русистики проблема употребления славянизмов, рассматриваемая с точки зрения истории русского литературного языка как исторической стилистики. Новизна работы заключается в том,

что в ней *впервые* поставлен и с существенной степенью полноты решен вопрос об эволюции в употреблении славянизмов в рамках творчества отдельного автора (декабрист Кюхельбекер), в масштабах декабристской драматургии в целом (Глинка, Катенин, Кюхельбекер) и в масштабах трагедии конца XVIII – первой трети XIX века (Сумароков, Княжнин, Глинка, Катенин, Кюхельбекер, Пушкин).

Ташимханова Дыбыс Сартаевна «Стилистически маркированная лексика в русском языке 70–80-х гг. XX века: характер и тенденции (На материале неологических словарей)» (1994). В диссертации поставлена проблема лингвистического описания активных процессов, происходивших в лексической системе русского языка 70–80-х гг. XX века. Новизна работы заключается в том, что в ней впервые с существенной долей полноты представлена семантическая классификация состава стилистически маркированных имен существительных, проявивших наибольшую интенсивность и активность в пополнении словаря новейшего времени; приведена детальная характеристика лексико-семантических групп стилистически маркированной неологической лексики; выявлены словообразовательные модели стилистически маркированных неолексем; подробно описаны активные структурно-словообразовательные типы; указаны сходства и различия протекания словообразовательных процессов внутри отдельных разновидностей стилистически маркированной лексики в русском языке 70–80-х гг. XX века.

Когай Эльмира Радиковна «Метафора как универсальное средство создания индивидуально-авторской картины мира в творчестве А. Кима» (1996). Диссертация представляет в казахстанской русистике один из первых опытов изучения художественного творчества с позиций «языка в человеке и через человека» («человеческий фактор в языке»), переключивших интересы исследователя со статического аспекта восприятия мира и языка, с помощью которого он отражается, на динамический. Такой подход к творчеству известного писателя Анатолия Кима осуществляется впервые, что делает

работу актуальной и своевременной. Новизна поднятых проблем и полученных результатов заключается в представлении о художественном произведении как целостной системе, элементы которой одновременно находятся в статике и динамике.

Крутова Елена Юрьевна «Вертикальный контекст и формы его реализации в пародийном тексте» (1998). Работа предлагает решение важной в научном отношении проблемы смысловой структуры художественного текста, имплицитности и способов ее выявления, связанных с одним из основных направлений современной филологической науки – учением о вертикальном контексте, что и явилось предметом исследования в диссертации. Объектом изучения выступает такая коммуникативно завершенная единица, как пародийный текст, предметом – скрытые, имплицитные (вертикально-контекстуальные) смыслы, возникающие вследствие сопоставления разнородной информации пародии – информации «от пародируемого автора» и информации «от пародиста». Научная новизна и теоретическая значимость работы состоит в уточнении, углублении понятия вертикального контекста.

Юрицына Ирина Юрьевна «Статейные списки в системе письменности русского литературного языка конца XVI – начала XVIII века (историко-лингвистический аспект)» (2000). Работа посвящена малоизученной в языковом отношении, актуальной для исторической русистики проблеме лингвистической организации текстов статейных списков как специфическому жанру письменности прошлого, отразившему особенности становления русского литературного языка на ранних стадиях его формирования как национального. Язык статейных списков рассматривается автором на широком фоне культурно-исторических изменений в жизни великорусской народности в указанный период, особенно проявивший свою специфику в области деловой письменности. Новизну диссертации определяет описание лингвистических особенностей статейных списков и их структуры в понятиях нового для конца XX века метаязыка науки, позволившего представить их как особые семиотические по-

строения прошлого, отразившие теоцентрическое мышление средневекового русича, его когнитивные и прагматические установки.

Тюкачева Елена Владимировна «Русское просторечие первой четверти XVIII века» (2001). Работа посвящена малоразработанной, актуальной для исторической русистики проблеме формирования и функционирования категории просторечия в первой четверти XVIII века, так как науке известно большее внимание к этой категории и ее состоянию на более поздних этапах развития русского языка и его стилистической системы. Новизна диссертации заключается в исследовании просторечия первой четверти XVIII века с позиций комплексного (лексико-фразеологического, фонетического, морфологического, словообразовательного) его описания, рассмотренного в контексте смены культурно-исторических парадигм времени и изменения языкового сознания русского человека петровских времен. Доказано, что просторечие русского языка – категория историческая, содержательно и по семантическому объему обусловленная культурно-историческим фоном, на котором осуществляется его функционирование.

Савчиц Наталья Евгеньевна «Вводные конструкции в русском языке Петровской эпохи: прагматический аспект» (2002). Диссертация выполнена на актуальную тему русского исторического языкознания, связанную с недостаточной изученностью различных проявлений субъективного в форме модальности в русском языке на диахронической оси его развития. Источником для исследования модальности, выражаемой вводными и вставными конструкциями, послужили материалы «Писем и бумаг императора Петра Великого». Научная новизна полученных результатов заключается в том, что в ней предложен многосторонний и многоаспектный (с позиций семантики, прагматики и традиционного синтаксиса) анализ категории вводности в начальный период становления русского языка как национального; установлена зависимость между употреблением вводных слов, словосочетаний, предложений и личностью их создателя и пользователя (в частности, Петра I), его коммуникативно-

прагматическими интенциями; впервые определена типология исследуемых языковых единиц в русском литературном языке Петровской эпохи; впервые определен статус языковых единиц религиозно-обрядовой тематики как вводных экспрессивно-теологических компонентов предложения.

Кучеренко Ольга Федоровна «Языковая личность Л.Н. Толстого (на материале переписки)» (2004). В диссертации решается актуальная с позиций антропоцентрического направления в русском языкознании начала XXI столетия проблема реконструкции языковой личности реального (биографического) носителя языка, максимально свободного от элементов дискурса автора-повествователя в художественном тексте. *Объектом* исследования выступает эпистолярное творчество великого русского писателя Л.Н. Толстого, *предметом* – структура его языковой личности как продукт когнитивной деятельности и влияния на нее конкретных социально-исторических условий, в которых протекала речетворческая деятельность писателя. Новизна работы заключается в том, что впервые в сферу лингвистического изучения вводится обширное эпистолярное наследие Л.Н. Толстого; впервые языковая личность Л.Н. Толстого рассмотрена с позиций диахронии русского языка, что позволяет считать его дискурс частью общего диахронического процесса в истории русской письменной культуры, а его реальную языковую личность – продуктом эволюции русской языковой личности вообще.

Смагулова Асель Бейсенбековна «Культурно-историческая коннотация фразеологизмов эпохи великорусской народности (на материале «Словаря русского языка XI–XVII вв.»)» (2006). Фразеология позднего средневековья (конец XIV–XVII вв.) рассмотрена и описана в диссертации в русле таких новых направлений, как лингвокультурологический, идеографический, антропоцентрический, этнолингвистический на материале фразеологических единиц, извлеченных из академического лексикографического источника «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Новизна исследования и ценность полученных результатов сводится к тому, что в нем

впервые реконструирована частная разновидность языковой картины мира – средневековая фразеологическая картина мира; установлены наиболее типичные и существенные сферы средневековой культуры, оказавшие значительное влияние на формирование фразеологических единиц указанного исторического периода; впервые проведено исследование концептуального пространства фразеологической системы великорусского языка, выявлены специфические особенности ее образно-мотивационной основы.

Андрейченко Елена Викторовна «Возвращенная лексика русского языка конца XX века: лингвистический статус, социокультурная детерминированность, функционирование» (2007). Диссертация посвящена социолингвистическому и лингвокультурологическому исследованию активных процессов в современной русской лексике в нетрадиционных условиях смены культурно-исторических парадигм конца XX столетия. Предметом изучения в диссертации выступает лингвистический статус социально и культурно мотивированной части словарного состава русского языка наших дней, представляющий собой, как правило, лингвокультуремы, обладающие ретроспективно-синхронными наслоениями, репрезентирующими ментальность и миропонимание его носителей в динамике. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые рассмотрено необычное массовое номинативное и функциональное явление в русском языке новейшего времени, представленное так называемой возвращенной лексикой, определяемой в работе как социально и культурно мотивированная часть словарного состава русского языка конца XX века, сохранившая «языковую память» народа – носителя языка, вернувшегося к утерянным духовным и материальным ценностям на новом витке его истории; выявлены и описаны социолингвистическая и лингвокультурологическая мотивации возникновения возвращенной лексики в лексиконе наших дней.

Емельянов Станислав Александрович «Витальность русской лексики (по материалам исторических и толковых словарей XVIII–XX вв.)» (2010). Диссертация посвя-

щена исследованию витальности русской лексики, связанной с динамическими процессами в словарном составе языка на хронологическом отрезке XVIII–XX вв.; поставленная проблема решается на примере лексики, расширившей свою употребительность в XVIII веке, существенно изменившем ее состав, структуру, механизмы становления и развития в нетрадиционных условиях смены культурно-исторических парадигм, вызванных Петровскими реформами. Актуальность избранной темы определяется повышенным вниманием современной лингвистики к динамическим процессам, происходившим в русском языке прошлого в результате общественно-политических, экономических, культурных, духовных и иных изменений, отчетливо обозначившихся с конца XVII и дос-

тигших своей кульминации в XVIII веке, начавшемся с судьбоносного правления Петра Великого.

Вышеизложенные темы научных исследований (и тех, которые не вошли в наше описание) и их краткое описание позволяют говорить о широком диапазоне научных интересов профессора, настоящего Филолога с большой буквы – Надежды Ивановны Гайнуллиной. Есть полная уверенность в том, что еще не одно поколение ученых будет обращаться к научным идеям нашего Учителя.

Поступила в редакцию 21.06.2017 г.

Принята в печать 15.11.2017 г.

Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

ТУМАНОВА Айнагуль Бектасовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: a.tumanova@inbox.ru

ЩЕРБАК Антонина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: ant_scherbak@mail.ru

Для цитирования

Туманова А.Б., Щербак А.С. Научной тропой учителя // Неофилология. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 73-80.

*Ректорат Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина,
коллектив факультета филологии и журналистики,
объединенная редакция научных журналов поздравляют
Надежду Ивановну Гайнуллину
со знаменательной датой и желают большого человеческого счастья,
крепкого здоровья и благополучия, оптимизма и успехов!*

UDC 81

FOLLOWING THE SCIENTIFIC PATH OF THE TEACHER

© **Aynagul Bektasovna TUMANOVA**

Al-Farabi Kazakh National University
71 al-Farabi Ave., Almaty, the Republic of Kazakhstan, 050040
E-mail: a.tumanova@inbox.ru

© **Antonina Semenovna SHCHERBAK**

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000
E-mail: ant_scherbak@mail.ru

Abstract. It is the 50th anniversary of pedagogical activity of a widely known person in philology Nadezhda Ivanovna Gaynullina, Doctor of Philology, Professor, Honoured Worker of the Republic of Kazakhstan. The life and scientific path of Nadezhda Ivanovna is connected with Kazakh State University named after S.M. Kirov (now al-Farabi Kazakh National University): from the Graduate Student, Assistant of Department to the Honoured Head of Russian Philology Department of Kazakh National University.

Keywords: N.I. Gaynullina; pedagogical activity anniversary; impact in linguistic science

Received 21 June 2017

Accepted for press 15 November 2017

There is no conflict of interests.

Information about the authors

TUMANOVA Aynagul Bektasovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian Philology and World Literature Department, al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: a.tumanova@inbox.ru
SHCHERBAK Antonina Semenovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Russian Language Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, e-mail: ant_scherbak@mail.ru

For citation

Tumanova A.B., Shcherbak A.S. Nauchnoy tropoy uchitelya [Following the scientific path of the teacher]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 4 (12), pp. 73-80. (In Russian, Abstr. in Engl.).

